ВНУТРЕННИЙ ПРЕДИКТОР
СССР

Дело было в Педженте

Второй смысловой ряд фильма
“Белое солнце пустыни”

Санкт-Петербург

2000

© Публикуемые материалы являются достоянием Русской культуры, по какой причине никто не обладает в отношении них персональными авторскими правами. В случае *присвоения себе в установленном законом порядке* авторских прав юридическим или физическим лицом, совершивший это столкнется с воздаянием за воровство, выражающемся в неприятной “мистике”, выходящей за пределы юриспруденции. Тем не менее, каждый желающий имеет полное право, исходя из свойственного ему понимания *общественной пользы*, копировать и тиражировать, *в том числе с коммерческими целями*, настоящие материалы в полном объеме или фрагментарно всеми доступными ему средствами. Использующий настоящие материалы в своей деятельности, при фрагментарном их цитировании, либо же при ссылках на них, принимает на себя персональную ответственность, и в случае порождения им смыслового контекста, извращающего смысл *настоящих материалов, как целостности*, он имеет шансы столкнуться с “мистическим”, внеюридическим воздаянием.

ОГЛАВЛЕНИЕ

О чём молчат искусствоведы

10 октября 1997 года первый президент России вручил в Страсбурге президенту Франции видеокассету с фильмом “Белое солнце пустыни”, сопроводив подарок словами: *“Это мой самый любимый фильм. В нём — вся душа русского народа”,* а 8 июня 1998 г. он подписал указ о присуждении фильму Государственной премии за 1997 год.

Откуда вдруг такой интерес власти к столь любимому народом фильму[1]? Неужели только потому, что по-прежнему данные всех опросов напоминают властной “элите”: картина пользуется у зри-

---

[1] 6 июля 1999 г. по ОРТ был показан фильм “Сердце президента”, из которого можно понять откуда у Б.Ельцина вдруг возник интерес а фильму “Белое солнце пустыни”. Хирург Акчурин, рекламируя инструмент, изготовленный в России, которым делалась операция аортокоронарного шунтирования президенту, проговорился, что этим же инструментом сразу же после Ельцина была сделана операция актеру Кузнецову — исполнителю роли Сухова (хирургический инструмент такого назначения, изготовленный в США, — одноразовый). Можно предположить, в процессе выздоровления Кузнецов-Сухов общался с Ельциным-куклой, в результате чего и могла возникнуть идея подарка французскому президенту и присуждения Государственной премии фильму с награждением кинорежиссера и исполнителя главной роли в фильме.

Кроме того, 31 августа 1999 г. по ТВ был показан сюжет, по нашему мнению раскрывающий секрет особого отношения Ельцина к фильму “Белое солнце пустыни”. В этот день Наина Иосифовна посетила в Казани семью Суховых. Она обнялась, расцеловалась со старушкой лет 80-ти и вручила ей букет цветов с большим фарфоровым чайником гжельской росписи. Постоянно обращаясь при этом к репортерам с просьбой: “А можно без камер?”, — Наина Иосифовна как бы стимулировала эти съемки. Здесь же она поведала собравшимся и о цели своего визита. Оказывается в 1934 году был арестован отец Б.Н.Ельцина и его мать с двумя детьми приютила в Казани семья Суховых. Жена президента со слезами на глазах рассказала, что Е.Б.Н. часто вспоминает благодетелей своего тяжелого детства, но особенно ему запомнился процесс собственного крещения, а также крещения его брата Миши. Хозяйка подтвердила факт свершения православного обряда над президентом на всю страну, чем вызвала у окружения неподдельный восторг. Так что мистическая связь Сухова с куклой, сидящей в фильме в музейной царской карете действительно существует. Или это нам только показалось?

теля неизменным успехом? Или, утратив поддержку во всех слоях общества, она ищет популистские методы возврата доверия? А что если стоящие за спиной “властных” марионеток кукловоды знают “нечто” такое, на что «вся душа русского народа» действительно может откликнуться доверием?

Чтобы увидеть и правильно понять это “нечто”, следует знать, что у произведений искусства, вызывающих устойчивый при смене поколений интерес публики, кроме «сюжета», в общепринятом понимании этого слова, существует еще и так называемый «второй смысловой ряд»[1], не осознаваемый большинством зрителей (или читателей, если речь идет о произведениях литературы), но тем не менее отвечающий их подсознательным жизненным ориентациям.

Второй смысловой ряд фильма “Белого солнца пустыни” выстраивался сложно и под влиянием многих обстоятельств, понять некоторые из которых можно из оценок тех, кто непосредственно участвовал в его создании. Так, например, один из непрофессиональных актёров — Николай Годовиков, сыгравший роль Петрухи, на вопрос корреспондента “Новой газеты” № 44, 1997 г. по поводу того, как фильм делался, ответил:

«Это был труд, но труд в радость. Все, включая костюмера и плотника, вбивающего гвозди, чувствовали себя творцами. Репетиций у нас почти не было. Режиссер объяснял свои идеи — и пошло-поехало. Мотыль давал актерам импровизировать».

Чтобы творческий труд был в радость, а сам творческий процесс “шёл и ехал” в нужном режиссёру направлении, необходимо этим процессом либо управлять, либо он должен самоуправляться приемлемым для режиссёра образом. В первом случае в съёмочной группе помимо актеров и “плотников, вбивающих гвозди”, должны присутствовать люди, способные различать возможные варианты развития этого процесса в вероятностной матрице будущего. Во втором случае обычно возникает коллективная психика, которая и ведет всех в нужном направлении, в результате чего процесс действительно начинает самоуправляться уже в русле не-

[1] Термин впервые введен А.Белым при попытке осмысления символики поэмы “Медный всадник” А.С.Пушкина.

коего нового, более высокого порядка вложенности объемлющего процесса, смысл которого так или иначе выражается в самом фильме.

В социальных процессах, охватывающих жизнь многих поколений, имеет место такое явление, когда популярность некоторых произведений искусства может стать катализатором одних и тормозом других процессов, определяя тем самым направление развития общества на десятки и сотни лет. Внешне это проявляется в бездумном подражательстве героям в поведении, одежде, но более всего — в словах. Причем отдельные слова, реплики, а иногда и целые фразы по каким-то законам приобретают статус афоризмов и повторяются по любому поводу, а чаще — без всякого повода. Так, например, небольшая повесть И.В.Гёте “Страдания юного Вертера”, написанная им в ранней молодости, неожиданно повлекла за собой целую серию самоубийств в странах западной Европы. Причиной этого повального сумасшествия было желание будущего великого писателя освободиться от своей страстной привязанности к одной молодой особе, женитьба на которой, по мнению её поклонника, могла помешать воплощению его честолюбивых замыслов. После подробного описания “любовных мук”, которые Гёте завершил самоубийством своего героя, для него действительно пришло освобождение от страстной привязанности. Однако, современное ему высшее общество отреагировало на откровения юного дарования совершенно неожиданно: многие молодые люди из состоятельных семейств начали вешаться, стреляться, топиться и уходить из жизни всеми возможными и невозможными способами из-за пригрезившейся им “несчастной” любви.

Это явление настолько поразило юного Гёте, что впредь он решил обращаться с печатным словом более обдуманно и аккуратно. Большинство же современников были поражены происшедшим, но отнесли его к разряду бездумного подражательства, между тем как вышедшая небольшим тиражом повесть “Страдания юного Вертера” оказала значительное влияние на нравы нарождающейся буржуазии Европы. Позднее Наполеон Бонапарт вполне серьёзно заявит о том, что “Страдания юного Вертера” оказали на его будущее куда большее влияние (он возил с собой книжку Гёте во

всех походах), чем все “передовые люди” того времени. Это заявление любимца фортуны заставило многих психологов обратить более пристальное внимание на это явление.

Чтобы понять его существо обратимся к идиоме, часто встречающейся в западной литературе — “эффект обезьяньей лапы”. Содержательно он противостоит понятию — «Устойчивости в смысле предсказуемости»[1] и выражает собой явное ощущение “**неустойчивости своего положения и перспектив”** — т.е. отсутствие предсказуемости. Проявляется “эффект обезьяньей лапы” в том, что наряду с ожидавшимся положительным результатом, предпринятые субъектом действия неотвратимо влекут за собой сопутствующие последствия, ущерб от которых превосходит положительный результат и обесценивает его. По-русски этот вариант управления описывается поговоркой: *За что боролись — на то и напоролись.*

Идиома «эффект обезьяньей лапы», употребляемая в англоязычной культуре, восходит к одному литературному рассказу, в котором высушенная — *мертвая* — обезьянья лапа (средство, свойственное черной магии) обладает способностью выполнять желания её владельца именно таким образом, что и отличает её от *живой* Сивки-Бурки **вещей** Каурки из Русских сказок, чьи благодеяния совершались в чистом виде без сопутствующего **непредвиденного** ущерба. “Обезьянья лапа” с её **дефектом** возникла по причине того, что в западной культуре (наука, искусство, литература и.п.) точно так же, как и в “советской”, существуют гласные, негласные и бессознательно-психические запреты на исследования некоторых явлений. Эти запреты и сегодня вызывают в “ученых” кругах “мистический” ужас, вследствие которого многие их представители, сталкиваясь с запретной тематикой, избегают называть некоторые вещи и явления их сущностными именами, предпочитая присваивать им формальный знак-символ, встретившись с которым “посвященные” поймут, с чем они имеют дело; а “непосвященным”, — якобы и знать не надо. Поэтому, если Запад иногда пользуется термином “эффект обезьяньей лапы”,

[1] Термин впервые введен в “Достаточно общей теории управления”, “Мертвая вода”, том 1, изд. 1998 г. С-Петербург.

несущим нагрузку только ***ассоциативных связей с сюжетом*** некого повествования, не имеющим самостоятельного смысла и потому бесполезным при незнании ключа-сюжета, то для нас предпочтительнее термин со вполне определенной смысловой нагрузкой, которую человек в состоянии осмыслить сам: устойчивость течения событий в смысле их предсказуемости.

Похожее воздействие на нравственность правящей “элиты” России в начале XIX века оказала комедия А.С.Грибоедова “Горе от ума”. А.С.Грибоедов принадлежал к числу тех, о которых довольно точно сказал М.Ю.Лермонтов: “Смеясь он дерзко презирал чужой страны язык и нравы”. Вряд ли автор комедии делал это умышленно, осознанно предвидя последствия, но так случилось, что его отношение к нравам страны, куда он был направлен послом, предопределило не только его гибель, но и гибель персонала Российского посольства в Персии, не повинного в высокомерии А.С.Грибоедова. “Горе от ума” — пьеса, написанная до отъезда А.С.Грибоедова в Персию, неожиданно приобрела огромную популярность в светских салонах, сравнимую с популярностью вышеназванной повести Гёте. И мало кто из современников молодого писателя понимал, что эта комедия сыграла роковую роль в трагических событиях, произошедших на Сенатской площади в декабре 1825 года, и продолжала оказывать свое воздействие на последующие поколения, формируя у молодежи *нигилизм — отрицание всего совершенного прошлыми поколениями при собственном неумении что-либо благонравно задумать и добротно осуществить*. Ведь Чацкий — истеричный пустоцвет, которого либералы брали за образец весь XIX век, и которого ставили и ставят в пример[1] всем школьникам после 1917 г. Именно из этого неумелого нигилизма и произрастает знаменитое жванецко-черномырдинское: «Хотели как лучше, а получилось, как всегда».

Но Россия — цивилизация, отличная от Запада; то, что там развивается в соответствии с библейским атеизмом, натыкается в России на какое-то препятствие, о котором и сегодня западные интеллектуалы ведут бесконечные споры. Это препятствие — со-

---

[1] Критика Чацкого и отрицание положительности его характера и в наши дни гарантирует тройку по литературе в большинстве школ.

борный интеллект народов России, который всегда находит адекватный ответ на чуждое культуре Богодержавия вторжение. Ответом на вторжение в Россию библейской нравственности, своеобразно поданной как “Горе от ума” (название комедии — переиначенное ветхозаветное изречение «… во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь», — Екклесиаст, 1:18) было явление творчества А.С.Пушкина. И если бы не А.С.Пушкин, то возможно первое выступление “библиистов” в декабре 1825 г. уже тогда покончило с исторически сложившейся государственностью империи.

Современные пушкинисты и сегодня не способны понять, что всё творчество А.С.Пушкина мировоззренчески и нравственно всегда было альтернативой библейскому атеизму, но понять это противостояние можно лишь овладев ключами к ассоциативным связям символики его произведений. А это требует выявления сути библейской реальной, а не декларируемой нравственности и выявления идеалов ей альтернативной. И не случайно именно А.С.Пушкин, единственный из современников Грибоедова, критически воспринял пьесу “Горе от ума”, о чём большинство учителей литературы на уроках помалкивает, возможно сами того не зная.

Погиб А.С.Грибоедов, убит А.С.Пушкин, а дело “библиистов” в России продолжали другие. В первой половине XX века дело распространения библейских нравов продолжил тандем Ильфа и Петрова. Во времена сталинизма “Золотой теленок” и “Двенадцать стульев” находились под запретом, ибо товарищ Сталин обладал не страшной подозрительностью, как считали и считают многие представители либеральной интеллигенции, а величайшей проницательностью[1]. И на это обстоятельство невольно обратил

[1] Чтобы понять нелюбовь И.В.Сталина к “Золотому телёнку” и “Двенадцати стульям” следует вспомнить, что И.В.Сталин с глубоким уважением относился к выдающемуся социологу России XIX века М.Е.Салтыкову-Щедрину. По словам М.Е.Салтыкова-Щедрина *«низведение великих явлений до малых, и возвеличивание малых до великих — есть истинное глумление над жизнью, хотя картина подчас выходит очень трогательная»*. И.В.Сталин ценил юмор, но помнил, что смех без причины — признак дурачины.

внимание автор телепередачи “Намедни” в августе 1999 года, когда справедливо заметил, что после снятия запрета на историю похождений Остапа Бендера в так называемую “оттепель”, произведения двух юмористов стали своеобразными бестселлерами, а в среде советской интеллигенции было модным на различных “элитарных” тусовках цитировать целые монологи “великого махинатора”. И вряд ли кто понимает сегодня, в конце XX столетия, что процесс “перестройки” хорошо пошел в том числе и потому, что почва для него в среде нашей либеральной интеллигенции была во многом подготовлена именно этими двумя произведениями, которые высмеивали пороки буржуазной демократии. Благодаря этим шедеврам еврейского юмора наше общество получило хороший урок по части осмеяния зла: после осмеяния оно не исчезает, но перестает восприниматься как реальная опасность, поскольку осмеянное зло перестает быть страшным и в какой-то мере становится даже по своему привлекательным. Ильф и Петров, возможно сами того не желая, более других подготовили общественное мнение к бездумному восприятию буржуазно-демократических нравственно-этических ценностей. Но получив эти ценности в натуральном виде, “передовая часть” нашей интеллигенции (которая никогда точно не знает, чего же она хочет: “то ли конституции, то ли севрюжины с хреном”, забывая о том, что в России эти вещи не всегда оказываются совместимыми), заговорила о растлевающем влиянии западной культуры.

И всё-таки в России всё не так, как на Западе. Два поколения советских людей, выросших при социализме, к семидесятым годам создали новую культуру, силу воздействия которой на умы будущих поколений ещё предстоит осознать обществу. Новая культура формировала соборный интеллект Русской цивилизации (или эгрегор в терминологии оккультизма, построенного на духовных практиках и философии Востока), который на агрессию библейского зла, осмеянного Ильфом и Петровым, ответил явлением творческого тандема В.Ежова и Р.Ибрагимбекова, создавшего символическую киноповесть “Белое солнце пустыни”.

Но и библейский эгрегор — естественное порождение библейской культуры, попытался в соответствии со своим алгоритмом

скорректировать матрицу (алгоритмику[1] воздействия на общество) “Белого солнца пустыни”, используя творческий потенциал кинорежиссера Мотыля и консультирующего его Михалкова-Кончаловского. По сути это была информационная война на матричном и эгрегориальном уровне двух цивилизаций, двух мировоззрений и двух культур, порождённых этими мировоззрениями. Однако победа в этой войне была предопределена не столько талантом актеров, кинорежиссеров и даже авторов киноповести (все они, каждый по своему, неосознанно действовали в русле алгоритма развития Русской цивилизации), а мощью концепции управления, явленной обществу в художественных образах.

Чтобы понять логику этой информационной войны, необходимо помнить, что лексические образы, вызываемые словами на уровне сознания, связаны с большими объемами лексически не выраженной (а также и невыразимой в сложившейся культуре) информации, существующей в коллективном бессознательном. Другими словами, лексически выраженные образы можно уподобить вершине “информационного айсберга”, а внелексические — той его части, что скрыта под водой. Но именно эта “подводная часть информационного айсберга” и является основой коллективного бессознательного, определяющего якобы “немотивированное поведение” больших масс людей. Те, кто понимает механизм взаимодействия сознательного и бессознательного, способны вы-

---

[1] «Алгоритм» — искаженное аль-Хорезми — имя среднеазиатского математика средних веков. Его именем называется преемственная последовательность действий, выполнение которой позволяет достичь определенных целей. Алгоритм может быть многовариантным как в отношении целей, так и в отношении средств их достижения. Алгоритм может быть распределен своими разными фрагментами между разными субъектами и объектами. В силу последнего обстоятельства алгоритм, реально выполняющийся в жизни общества, может быть невидим никому из его членов как целостность, представляющая собой совокупность целей и средств, и способов их достижения. Для читателей с гуманитарным образованием можно пояснить, что «алгоритм» — своего рода сценарий, план-сценарий действий, возможно, что многовариантный.

Под алгоритмикой понимается вся совокупность частных функционально специализированных алгоритмов, т.е. одна из сюжетных линий многовариантного сценария.

строить и технологии управления коллективным бессознательным, т.е. фактически предопределить “немотивированное направление” общественного развития. И чем большую популярность обретает определённое произведение искусства, тем более устойчивой становится символически отображённая в нём матрица общественного развития.

Фильм “Белое солнце пустыни” — символически выраженная матрица управления коллективным сознательным и бессознательным Русской цивилизации. Но в начале XX века, когда “урожай”, посеянный комедией “Горе от ума” уже был собран, и в конце его, когда становятся зримыми плоды нового “урожая”, большинство не пытается понять механизм матричного управления общественными процессами на основе произведений искусства, к которым длительное время сохраняется устойчивый интерес зрителя или читателя.

А может и не надо его понимать? Если фильм с интересом смотрится, а общение с ним доставляет людям наслаждение и помогает “снимать психологические нагрузки” (так считают специалисты-психологи), то что еще нужно? Пусть зритель получает эстетическое удовольствие от созерцания произведения искусства, в котором добро побеждает зло, не особенно задумываясь о том, что происходит в действительности.

Такая точка зрения на искусство, да и на жизнь вообще, как на способ получения удовольствия, существовала всегда. Она и сегодня бытует у большей части населения, отражая интересы “элитарно” паразитирующего меньшинства. Большинство же, понимая, что добро должно побеждать зло и в реальной жизни, тем не менее сетует, что в “суровой действительности” чаще всего происходит всё иначе. И, не находя ответа на вопрос, почему всё происходит иначе, молчаливое большинство остается на позициях бездумной созерцательности происходящего и не очень верит в способность искусства изменить жизнь к лучшему. Но это не так, и вот почему.

Так, например, считается, что Сталин не оставил после себя наследника. Это верно, но только отчасти. Наследник, воплощенный в конкретной личности, после ухода Сталина в мир иной действительно не состоялся, но зато осталось духовное наследство

поколений, творивших во времена Сталина. «Сталин виноват» и «во времена Сталина» — далеко не одно и то же. Идеи добра и справедливости, посеянные во времена Сталина в глубинах коллективного бессознательного, в семидесятых годах дали такие духовные всходы[1], которые произрастают сегодня добрым урожаем. К числу таких всходов следует отнести и киноповесть В.Ежова и Р.Ибрагимбекова "Белое солнце пустыни". Эти всходы не сразу замечаются недалёким официозом от искусства, но сторожевые псы "мирового порядка", в чьи обязанности входит пасти "мирные народы[2]", звериным чутьем распознают заложенный в них динамит, способный взорвать сложившийся веками порядок вещей. И тогда они начинают действовать, используя коллективное бессознательное, через которое Провидение воплощает в русле Божьего Промысла наиболее приемлемый вариант развития, из всех возможных вариантов в вероятностной матрице будущего. Так разворачивается информационная война, в которой бессознательно принимают участие многие миллионы людей.

Информационное противостояние сюжетов киноповести В.Ежова и Р.Ибрагимбекова и одноимённого фильма Мотыля можно уподобить невидимому сражению, более тридцати лет идущему на полях холодной (информационной) войны. Главное поле боя — коллективное бессознательное многих миллионов кинозрителей и читателей этого шедевра культуры Русской цивилизации второй половины XX века. При этом содержание киноповести можно уподобить матрице развития с благоприятным вариантом выхода Русской цивилизации из кризиса, в который после смерти Сталина неизбежно должны были впасть народы СССР по причине своего бездумного отношения к своему будущему и духовному наследию, оставленному первым поколением большевиков-сталинцев. Но в сюжет фильма, отснятого по мотивам кино-

---

[1] Неужто забыли, как во времена позднего застоя, «КАМАЗЫ»-работяги шли по дорогам СССР с портретами Сталина в глубинах кабин и на ветровых стеклах?

[2] «Паситесь, мирные народы! / Вас не разбудит чести клич. / К чему стадам дары свободы? / Их должно резать или стричь. / Наследство их из рода в роды / Ярмо с гремушками да бич» (А.С. Пушкин, "Свободы сеятель пустынный", ПСС, 1823 г.).

повести, были встроены фрагменты иного варианта развития, с помощью которого с использованием символики искусства кино была сделана попытка скорректировать в соответствии с алгоритмом библейского проекта обетованное Провидением будущее народов России.

Законы информационной войны одинаково действенны как для сил добра, так и для сил зла, но всё дело в том, что раскрытие символики матрицы, поддерживаемой силами добра, укрепляет её, а раскрытие символики матрицы, поддерживаемой силами зла, её разрушает. Происходит это потому, что после расшифровки иносказания вся информация, остававшаяся до этого на уровне коллективного бессознательного, становится достоянием сознания миллионов и превращается в мощное оружие воплощения будущего в матрице общего хода вещей. В этом главная причина негативного отношения официальных специалистов-литературоведов к раскрытию второго смыслового ряда наиболее популярных произведений искусства, поскольку все они должны бездумно поддерживать работоспособность самого древнего и эффективного эгрегора — библейского, несущего алгоритмику порабощения всего человечества.

Существуют ли какие-либо доказательства реальности этого процесса? Существуют и они очевидны для всякого, кто в ладу с житейской логикой. Хорошо известно, что холодно рассудочно творящих зло в мире немного, не более 1 — 2 %. Это те, о которых в “Письмах к самому себе” римский император Марк Аврелий писал: “Безумие думать, что злые не творят зла”. Горячо поддерживающих добро всегда больше; предположим, что их 3 — 4 %. Суммарно же и те, и другие составляют ту самую активную часть общества, о которой постоянно говорят все социологи — порядка 5 %. Остальные 95 % — «теплые», т.е. равнодушные. О них писал Бруно Ясенский: «Бойтесь равнодушных! С их молчаливого согласия совершается всё зло в мире». Об этом же в Апокалипсисе (гл. 3:14 — 16):

«И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о,

если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепел, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих».

Благодаря такой статистике может показаться, что зло чаще торжествует, чем добро, поскольку для победы зла равнодушные могут ничего не предпринимать, оставаясь при всех жизненных ситуациях на своих позициях, и тогда на стороне зла будут не 1 — 2 %, а все 96 — 97 %. Но чтобы добро восторжествовало над злом, равнодушные должны изменить свою позицию и стать социально активными, что требует прежде всего понимания происходящего. Другими словами, рост меры понимания общего хода вещей в обществе всегда способствует победе добра над злом, ибо ведет к разрушению стереотипов толпо-“элитаризма”.

Обычно люди не могут хорошо делать дело, существа которого не понимают. Мера понимания зависит, с одной стороны, от мировоззрения господствующего в обществе, а с другой — от средств подачи информации из внешнего мира. В конце XX века, в условиях техносферной культуры, у людей, особенно живущих в городах, разорваны естественные связи с реальным миром и человек основную часть информации общественной в целом значимости, необходимую для его жизнедеятельности, черпает из кино и телевидения.

Большинство кино- и телезрителей смотрят фильмы, пребывая в расслабленно-безвольном состоянии, даже не подозревая, что именно в это время в их подсознание (в обход сознания: воля всегда действует с уровня сознания) сгружается “подводная часть информационного айсберга” (видеоряд фактов, процессов, явлений, событий и их музыкальное сопровождение). Эта информация и составляет основу второго смыслового ряда любого произведения кино- и телеискусства, но она несёт в себе, как правило, и добро и зло. Когда 95 % равнодушных бездумно взирают на экран, где перед их безвольно расслабленным сознанием разворачиваются сюжеты, в которых добро побеждает зло, они полагают, что *всё происходящее в виртуальном мире кино* их никак не касается, поскольку современный кинозритель в эмоциональном отношении отличается от кинозрителя времен кинофильма “Чапаев”. Он считает, что знает многое из того, как делается настоящее кино. И скорее всего он не будет возражать, что процесс отобра-

жения реальной жизни в искусстве — объективная данность, но готов поспорить о качестве отображения. Если же ему прямо показать на взаимосвязь процессов отображения и управления (наслаждаясь зрелищем на экране телевизора, кинотеатра или на сцене театра, зритель является объектом управления субъектов управления — заказчиков сценического действа, программирующих бессознательные уровни его психики), то он либо беззаботно отмахнется от этой информации, как от пустого назидания, либо будет доказывать свою независимость. При этом в число 95 % “теплых”, входят и те, кто непосредственно делает кино: киноактеры (особенно наиболее популярные), киносценаристы, кинорежиссеры и кинокритики, ибо помимо их профессиональной принадлежности к цеху работников искусства, сами они прежде всего — зрители. И все они бездумно участвуют в неком мистически-магическом действии, через которое осуществляется управление социальными процессами средствами эгрегориальной и матричной магии.

Киноповесть “Белое солнце пустыни”, а также одноименный с ним фильм — наиболее яркий пример управления социальными процессами, развивающимися на территории СССР-России, во второй половине XX века после уничтожения Сталина. Фильм был создан в эпоху относительно благополучного бытия трудящегося большинства народов Советского Союза. Но в нём, на уровне второго смыслового ряда, отражены определенные цели и намерения на будущее не только этого большинства, но и того меньшинства, которое бездумно или осознанно паразитирует и творит зло. А поскольку региональная цивилизация СССР-Россия вторую половину XX столетия развивается в режиме концептуальной неопределенности управления, достигшей к концу века своего критического положения, то выявить эти цели и намерения, чтобы неопределенность разрешилась не распадом и деградацией российского общества, а его вхождением в новое качество жизни, ранее неизвестное глобальной цивилизации, — главная задача нашего времени.

В связи с этим имеет смысл поговорить и о сути самого процесса выявления второго смыслового ряда. При этом необходимо понимать, что развертыванию сюжетной линии фильма “Белое

солнце пустыни” сопутствует иносказание об особенностях течения исторического процесса в России и сопредельной ей части мусульманской Азии. Этот смысловой ряд, отвечающий в какой-то мере суфийской традиции иносказаний, по-видимому и был положен в основу сюжета киноповести творческим тандемом в лице В.Ежова и Р.Ибрагимбекова. Особенностью этого тандема, которая не может быть выявлена на уровне сюжета, но станет понятной в процессе раскрытия содержательной стороны символики “Белого солнца пустыни”, является то обстоятельство, что в его состав входит специалист в области теории управления[1].

И надо полагать, что авторы киноповести в какой-то мере отдавали себе отчет, в том что они сотворяют иносказание. В противном случае невозможно объяснить, почему они дали одному из упоминаемых в сюжете населённых пунктов название «Педжент». Хотя это название и похоже на Пенджикент (небольшой городок близ Самарканда, удалённый на сотни километров от Каспийского и Аральского морей), но ему всё же нет места ни на одной географической карте. Однако, слово это не бессмысленно:

«ПЕДЖЕНТ (англ. pagent, от лат. pagina — пластина, плита), передвижная сцена в ср.-век. театре, применявшаяся при постановке мистерий, миракле́й, театрализованных процессий и др. Представлял собой большую повозку, на которой устраивался двухъярусный балаган; в нижнем ярусе переодевались актеры, а в верхнем, имевшем занавес, примитивную декорацию, показывалось представление (сцена или акт многоактной пьесы); затем П. переезжал на новое место и играл эту же сцену перед другими зрителями, а его место занимал следующий П., на котором продолжалось развиваться действие. **Сцены исполнялись в строгом соответствии с сюжетом** (выделено нами). Распространение получил в Англии; применялся и в др. европ. странах. В нач. 20 в. П. называли театр. представления с применением передвижной сценической площадки (устраивались в Великобритании, США).

---

[1] Р.Ибрагимбеков по его профессиональной принадлежности — кибернетик, а это самый близкий аналог достаточно общей теории управления, развитый в публичной науке библейской цивилизации.

Лит.: Гвоздев А., Пиотровский А., История европейского театра, М. — Л., 1931, с. 415 — 62; Parker A., Pagents: their presentation and productions, L., 1954», — так гласит Большая советская энциклопедия, изд. 3, т. 19, стр. 308, (Москва, 1975).

Выделенная жирным шрифтом фраза — ключевая. Она — своеобразное напоминание авторов киноповести будущим кинорежиссёрам-постановщикам фильма: ***строго следовать сюжету киноповести.*** Что может случиться, если кинорежиссёры пренебрегают этим напоминанием, читатель увидит ниже.

Пока же важно понять, что все мы живем на основе внедренного в психику большинства кодирующей педагогикой школы исторического мифа, согласно которому глобальный исторический процесс течет бесцельно, неуправляемо и случайно-непредсказуемым образом после того, как человечество «само собой» возникло в животном мире и перешло в каменный век. Поэтому всякая альтернативная этому мифу точка зрения воспринимается как плод больного воображения. Для формирования предпосылок к переосмыслению столь устойчивого стереотипа необходимо пояснить одну особенность нашего восприятия любого символа. Всякий символ — средство упаковки информации очень высокой плотности. Так, например, хорошо известный восточный символ «инь-янь» (☯) вмещает в себя всю Вселенную, как в целом, так и её частности. Для видящего и понимающего непосредственно то, на что указует символ, самого символа, как средства кодирования информации, вполне достаточно во всех жизненных ситуациях. Для невидящего же — для начала следует хотя бы указать на то обстоятельство, что:

- он столкнулся в жизни с некой символикой;
- объективная символичность этого чего-то — реальность, а не вымысел;
- глубину символа ему предстоит понимать самостоятельно, хотя основные ключи ко вхождению в реальность, скрытую в символике, ему и даются в предлагаемой работе;

- что понимание символики обусловлено нравственно, поскольку в основе мировоззрения и миропонимания лежат нравственные мерила человека[1].

Это касается не только “Белого солнца пустыни”, но и многих других произведений искусства вообще и киноискусства в частности. Например, много символически иносказательного и в фильме Л.Гайдая “На Дерибасовской хорошая погода, на Брайтон-бич опять идут дожди”, и в фильме “Время печали еще не пришло”. Всё это, конечно, касается современности, но так было на протяжении всей истории человечества, как только появилось искусство с его художественными образами, отображающими объективную социальную реальность. «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте…» — это тоже из весьма символичного произведения, написанного действительным суфием, как сообщает об этом Идрис Шах в книге “Суфизм”. Но каждый ответит на вопрос «Почему нет повести печальнее?» — по своему, в зависимости от того, насколько он в состоянии увидеть в персонажах

---

[1] В частности, символ « ☯ » можно понимать в смысле двойственности: две противоположности, слитые воедино, каждая из которых несёт в себе качество парной ей противоположности (символизируемой точкой противоположного цвета, помещенной внутри каждого «червячка-головастика»). А возможно и в смысле триединства: кроме этих двух противоположностей есть ещё и *бесцветная, прозрачная и пустая форма-матрица*, которая проявляется, т.е. становится видимой, неразрывно соединяя в себе обе противоположности в известное всем « ☯ »; без этой пустой, прозрачной и бесцветной формы, отличной и от «инь», и от «янь», от «инь-янь» осталась бы только бесформенная «серо-буромалиновая» клякса.

Но в зависимости от того, какой из двух трактовок «инь-янь» человек отдаст по его нраву предпочтение, он получит одно из двух мировоззрений: либо «Я-центричное» мировоззрение бессмысленных «единства и борьбы до победного конца противоположностей» в четырехкомпонентном коктейле *«материя — дух (физическое поле) — пространство — время»;* либо Богооткровенное мировоззрение смысла Жизни триединства *«материи — информации (образов, объективного смысла) — меры (матрицы возможных состояний и преобразований материи и общевселенской системы кодирования информации)»*.

При этом полезно заметить, что « ☯ » в «Я-центричном» мировоззрении не интерпретируется через коктейль всех без исключения предельно обобщающих категорий «материя-дух-пространство-время».

и обстоятельствах сюжета наряду с личностными чертами людей черты, объективно свойственные реальным общественно-историческим явлениям: именно одинаковость свойств позволяет отождествить персонажи с явлениями, иными словами, — в персонажах выявить олицетворение явлений[1].

Если же этот этап выпал из процесса осознания и понимания творения художника или по каким-то причинам оказался недоступным, то иносказательная сторона смоделированного в произведении социального процесса или явления, охватывающего иногда жизнь многих поколений, останется закрытой. При таком подходе читатель конечно будет не согласен с любой расшифровкой символа, поскольку для него образ-символ просто не существует; более того, для него проще будет объявить всякую расшифровку вымыслом, домыслом, графоманством или плодом больного воображения. Но это только одна крайность затронутой нами проблемы.

Другая состоит в том, что расшифровку всякой символичности можно продолжать неограниченно долго, затрагивая всё большее количество частностей; можно переходить от выявления второго смыслового одного художественного произведения к другому, после чего расшифровки информационно емкой символики будут разрастаться как снежная лавина, способная засыпать своей массой всё живое в окру́ге. Так о пресловутом символе «инь-янь» за всё историческое время его существования написаны целые горы книг, но всё же «инь-янь» остаётся самим собой — символом

[1] «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте…» потому, что юноше и девушке, преисполненным бесхитростной благонамеренности, Свыше была предоставлена возможность примирить в своей Любви два издавна враждующих клана, а они спалили эту возможность в пламени страстей и погибли сами… и некому было им помочь свершить всё наилучшим образом: монах — будучи книжником, а не жрецом, — не смог объяснить им происходящее, и ступив на путь лжи (организация имитация смерти), он убил обоих.

Всё остальное, что сказано по поводу этого шекспировского сюжета за несколько веков, — высокопарно, но не по существу показанного Шекспиром.

«Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте…»

Жизни, частью Жизни, но не Жизнью во всей её полноте и много- и разнообразии.

И в каждом случае, чтобы избежать этих крайностей, следует придерживаться определенного правила, при соблюдении которого конкретные общественные обстоятельства, а также избранная определённая адресация второго смыслового ряда художественного произведения сами подскажут, каким кругом вопросов и объемом необходимо ограничиться, чтобы второй смысловой ряд отвечал определённым общественным потребностям в благе в настоящее время или в перспективе.

Предлагаемый вниманию читателя второй смысловой ряд иносказания “Белого солнца пустыни” решает конкретную проблему преодоления концептуальной неопределенности управления Русской цивилизацией. Чтобы раскрыть иносказание сначала необходимо дать ключи-символы, которые предстают перед зрителем в образах главных героев фильма.

Персонажи-символы и соответствующие им образы социальных процессов и явлений.

Екатерина Матвеевна — образ ***русского народа***.

Сухов Федор Иванович — образ русского ***большевизма***, не приемлющего паразитизма “элитарного” меньшинства.

Саид — образ ***коранического ислама***, не видимого для большинства мусульман и немусульман в исторически сложившейся традиции исповедания «ислама».

Тандем Сухова и Саида — образ нового исторического явления, порожденного борьбой большевизма с абстрактным гуманизмом; сознанием трудящегося большинства отождествляется со ***сталинизмом*** по имени человека, возглавившего в первой половине XX века в СССР борьбу большевизма со всеми проявлениями ***психического троцкизма;*** по сути своей есть проявление общественной инициативы Русской цивилизации, формирующей культуру ***Богодержавия***.

Рахимов — образ ***психического троцкизма.*** Троцкизм — это психическая проблема, а не разновидность марксистской идеологии. Это — древнее явление, присущее глобальной толпо-“элитарной” цивилизации и позволяющее людям, ему приверженным, открыто декларируя благие намерения, подавлять их своими же действиями по умолчанию; является основой ***идеалистического и материалистического атеизма***. В далеком прошлом выступал под именем ***одержимости***; во времена расцвета просветительства на Западе воспринимался в качестве ***абстрактного гуманизма,*** а в период революционных потрясений в России получил название ***троцкизма***, по имени человека, который в полной мере сочетал в своей личной жизни и общественной деятельности ***одержимость, абстрактный гуманизм и атеизм***.

Черный Абдулла — образ скрытого от сознания масс надгосударственного управления, формирующего на планете “новый мировой порядок” осуществления рабовладения на основе ***библейской концепции управления;*** в России получил название ***Глобальный надиудейский Предиктор***.

Петруха — образ ***материалистического атеизма***, введенного в Россию абстрактными гуманистами Запада в форме ***марксизма*** по мере того, как её народы преодолевали в своем сознании ***идеалистический атеизм*** Библии.

“Женщины Востока” с закрытыми чадрой лицами — образ ***национальных “элит”***, скрывавших свою преданность библейской концепции управления в период до развала СССР; ***“женщины Востока” с открытыми лицами*** — народы СССР-России, проданные в библейское рабство своими национальными “элитами” в период перестройки.

Гюльчатай — образ бездумной периферии Глобального Предиктора; в сущности — ***мафии***, самой древней, самой богатой и самой “культурной”, отождествляемой обыденным сознанием с еврейской “нацией”.

“Таможня” — П.А. Верещагин — образ ***“элитарной” либеральной интеллигенции*** России-СССР, закрывающей доступ к знанию народам в силу своей приверженности к догматам идеалистического и материалистического атеизма.

Подпоручик Семён — образ бездумно верноподданной “элиты” (в том числе и военной), выброшенной ***большевизмом*** из России за неспособность повысить качество жизни её народов.

Настасья, жена Верещагина — образ ***иерархии всех христианских церквей***, бездумно приверженной догматам идеалистического атеизма — основы ведически-знахарской культуры.

Лебедев — образ национального жречества, выродившегося в ***знахарство***.

Кони — образ ***толпы***, оседланной национальными “элитами”.

Люди Черного Абдуллы — национальные “элиты” Запада, бездумно приверженные библейской концепции управления.

Четыре старца с покрытыми головами — образ первичных предельных отождествлений (***материи, энергии, пространства и времени*** в «Я-центричном» мировоззрении) — основа формирования догматов всех “священных писаний”, порождающая мировоззренческий калейдоскоп в сознании людей.

Три старца с обнаженными после взрыва динамита головами — образ троицы (***материи, информации и меры***), которую Бог любит — основа преодоления догматов всех “священных” писаний и мозаичного представления о мире; своеобразный ***“динамит”,*** заложенный под все материалистически науки и идеалистически вероучения на основе «Я-центричного» мировоззрения.

Джавдет — образ исторически сложившегося ислама, неотличимого для обыденного сознания от коранического ислама; как и коранический ислам способствует преодолению атеизма в обществе.

Поскольку сюжеты киноповести В.Ежова и Р.Ибрагимбекова и фильма Мотыля отображают через данную символику противостояние двух различных мировоззрений, то для понимания предъявленных здесь определенных мнений по поводу происходящих событий в глобальном историческом процессе вообще и в России, в частности, необходимо огласить наш мировоззренческий стандарт, на основе которого и будет идти раскрытие второго смыслового ряда киноповести и фильма — “Белое солнце пустыни”.

Наш мировоззренческий стандарт

Всякий же разум — индивидуальный или соборный — в иерархии Вселенной решает прежде всего задачи самоуправления в пределах возможностей, предоставленных иерархически высшим объемлющим управлением, и задачи высшего управления по отношению к иерархически низшим системам. Это общее положение справедливо и по отношению к каждому человеку и по отношению к различным человеческим общностям, начиная от ***семьи*** и кончая ***человечеством*** в целом. Все и каждый живут так, как они решают задачи управления и самоуправления: хорошо или плохо; исходя из Любви или исходя из вожделений, в угоду которым они подавляют окружающий мир.

Человечество в биосфере планеты выделяется наличием культуры, под коим термином мы понимаем весь объем генетически не наследуемой информации, передаваемой в обществе от поколения к поколению; но при этом генетически обусловлен и передается от поколения к поколению генетический потенциал способностей к освоению культурного наследия предков и к его дальнейшему преобразованию.

Всякое общество несёт свойственную ему культуру и существует в глобальном[1] историческом процессе, являющемся частным процессом в жизни биосферы Земли. Устойчивость биосферы планеты в целом и взаимная обусловленность существования в ней всех биологических видов, довлеет и над человечеством, вследствие чего безопасные пути развития общества и каждого из людей довольно узки и ведут к весьма ограниченному *под*множеству целей из всего множества объективно возможных.

Культура и направленность её развития обусловлены нравственностью людей и их свободной самодисциплиной (и/или отсутствием таковых) в следовании нравственно избранным идеалам.

> Идея Бога, Творца и Вседержителя в культуре — не произведение “художественного творчества” людей, а отражение в жизни общества объективного надмирного бытия Божия.

Всеобъемлюще единственное доказательство бытия Божиего Бог дает каждому человеку Сам:

> Он поистине отвечает в соответствии со смыслом молитвы каждому верующему Ему, *если человек делами своей жизни сам отвечает Богу,* когда Бог говорит через совесть человека или обращается к нему опосредованно, т.е. через других людей и культуру общества в целом.

Тем, кто по разным причинам не в состоянии признать бытие Высочайшего Господа и сатаны, скажем, что языки народов не удерживают пустословия, т.е. лексических форм, в которых нет никакого смысла. Поэтому при чтении данной работы под Царствием Всевышнего Господа Бога они могут понимать иерархически упорядоченную совокупность явлений в природе и в обществе, обладающую как минимум качеством поддержания устойчивости процессов развития без взаимоуничтожения однокачественных систем в пределах одного иерархического уровня. А под иерархией сатаны — еще одну иерархически упорядоченную совокупность явлений в природе и обществе, обладающую альтернатив-

---

[1] В настоящей работе слово «глобальный» и однокоренные с ним во всех случаях следует понимать в прямом смысле: относящийся ко всей планете Земля в целом.

ным качеством антагонизации всего и вся и дополняющую первую иерархию явлений до полноты мировосприятия атеиста.

Любой процесс в Мироздании может быть интерпретирован (рассмотрен, представлен) в качестве процесса управления или самоуправления. По этой причине понятийный и терминологический аппарат теории управления является обобщающим, что позволяет с его помощью единообразно описывать процессы: общеприродные, биологические, технические, и тем более — все социальные, психологические процессы.

Единообразное описание разнородных процессов с привлечением достаточно общей теории управления позволяет стоять на фундаменте всех частных наук; легко входить в любую из них[1]; и при необходимости найти общий язык со специалистами в них. В этом — главное достоинство её понятийного и терминологического аппарата

Во всем многообразии процессов[2] (со-бытий) при рассмотрении их в качестве процессов управления или самоуправления можно выявить присущее им всем общее, и соответственно этому общему построить понятийный и терминологический аппарат *достаточно общей теории управления*.

В ней возможна постановка всего двух задач. Первая задача: мы хотим управлять объектом в процессе его функционирования сами непосредственно. Это *задача управления*. Вторая задача: мы не хотим управлять объектом в процессе его функционирования, но хотим, чтобы объект — *без нашего непосредственного вмешательства в процесс* — самоуправлялся в приемлемом для нас режиме. Это *задача самоуправления*. Для обеих задач необходимы три набора информации:

Вектор целей управления (едино: самоуправления, где не оговорено отличие), представляющий собой описание идеального режима функционирования объекта. Вектор целей управления

---

[1] За исключением наук, которые также как и теория управления сами являются языками описания Мироздания: таких как математика, грамматика и т.п., аппарат которых тем не менее может быть привлечен и к описанию процессов управления.

[2] Процесс — со-бытие во множестве взаимно вложенных процессов-событий, бытие которых протекает совместно,

строится как иерархически упорядоченное множество частных целей управления, которые должны быть осуществлены в случае идеального управления. Порядок следования частных целей в нём — обратный порядку последовательного вынужденного отказа от частных целей в случае невозможности осуществления всей совокупности. На первом приоритете вектора[1] целей стоит самая важная цель, на последнем — самая незначительная.

Одна и та же совокупность целей, подчиненных разным иерархиям приоритетов, образует разные вектора целей, что ведет и к различию в управлении. Потеря управления может быть вызвана и выпадением из вектора некоторых целей и выпадением всего вектора или каких-то его фрагментов из объективной матрицы возможных состояний объекта, появлением в векторе объективно и субъективно взаимно исключающих одна другие целей. Образно говоря, вектор целей — это список, перечень, чего желаем, с номерами в порядке, обратном порядку вынужденного отказа от осуществления этих желаний.

Вектор (текущего) состояния контрольных параметров, описывающий реальное поведение объекта по параметрам, входящим в вектор целей.

Каждый из этих двух векторов представляет собой упорядоченное множество информационных модулей, описывающих те или иные параметры объекта, соответствующие частным целям управления. Упорядоченность информационных модулей в векторе состояния повторяет иерархию вектора целей. Образно говоря, это — список, как и первый, но того, что имеет место в действительности.

---

[1] В наиболее общем случае под термином “вектор” подразумевается — не отрезок со стрелочкой, указывающей направление, а упорядоченный перечень (т. е. с номерами) разнокачественной информации. В пределах же каждого качества должна быть определена хоть в каком-нибудь смысле мера качества. Благодаря этому сложение и вычитание векторов обладают некоторым смыслом, определяемым при построении векторного пространства параметров. Именно поэтому вектор целей — не дорожный указатель “туда”, хотя смысл такого дорожного указателя и близок к понятию “вектора целей управления”.

Вектор ошибки управления, представляющий собой “разность” (в кавычках потому, что разность не обязательно привычная алгебраическая) вектора целей и вектора состояния. Он описывает отклонение реального процесса от предписанного вектором целей идеального режима. Образно говоря, это — перечень неудовлетворенности желаний соответственно перечню вектора целей с какими-то оценками степени неудовлетворенности каждого из них (либо соизмеримых друг с другом числено уровней, либо числено несоизмеримых, но упорядоченных дискретным индексом предпочтительности уровней).

Вектор ошибки — основа для формирования оценки качества управления субъектом-управленцем. Оценка качества управления не является самостоятельной категорией, поскольку на основе одного и того же вектора ошибки возможно построение множества оценок качества управления, далеко не всегда взаимозаменяемых.

Ключевым понятием теории управления является понятие: *устойчивость объекта в смысле предсказуемости поведения в определенной мере под воздействием внешней среды, внутренних изменений и упра-воле-ния*. Управление не возможно, если поведение объекта непредсказуемо в достаточной мере.

Полная функция управления. Она описывает циркуляцию и преобразования информации в процессе управления, начиная с момента формирования субъектом-управленцем вектора целей управления и (включительно) до осуществления целей в процессе управления. Это система *стереотипов отношений* и *стереотипов преобразований* информационных модулей, составляющих информационную базу управляющего субъекта, моделирующего на их основе функционирование объекта управления (или моделирующего процесс самоуправления).

Этапом, фрагментом полной функции управления является *целевая функция управления*, т.е. концепция достижения в процессе управления каждой из частных целей, входящих в вектор целей. Для краткости, и чтобы исключить путаницу с полной, целевую функцию управления там, где нет необходимости в точном термине, будем называть: *концепция управления*.

После определения вектора целей и допустимых ошибок управления, в процессе реального управления по ней осуществля-

ется замыкание информационных потоков с вектора целей на вектор ошибки (или эквивалентное ему замыкание на вектор состояния). При формировании совокупности концепций управления, соответствующих вектору целей, *размерность пространства параметров* вектора состояния увеличивается за счет приобщения к столбцу контрольных параметров еще и информационно связанных с ним параметров, описывающих состояние объекта, окружающей среды и системы управления.

Эти дополняющие, информационно связанные параметры разделяются на две категории: управляемые — в изменении значений которых сказывается непосредственно управляющее воздействие (они образуют вектор управляющего воздействия); и свободные — которые изменяются при изменении управляемых, но не входят в перечень контрольных параметров, составляющих вектор целей управления. Так, для корабля: угол курса — контрольный параметр; угол перекладки руля — (непосредственно) управляемый параметр; угол дрейфа (между скоростью и плоскостью симметрии) — свободный параметр.

Далее под вектором состояния понимается в большинстве случаев этот расширенный вектор, включающий в себя иерархически упорядоченный вектор контрольных параметров. Набор управляемых параметров может быть также иерархически упорядочен (нормальное управление, управление в потенциально опасных обстоятельствах, аварийное и т.п.) и образует вектор управляющего воздействия, выделяемый из вектора состояния.

Полная функция управления в процессе управления осуществляется *бесструктурным способом (управления)* и *структурным способом*.

При структурном способе управления информация передается адресно по вполне определенным элементам структуры, сложившейся еще до начала процесса управления.

При бесструктурном способе управления таких, заранее сложившихся, структур нет. Происходит безадресное циркулярное распространение информации в среде, способной к порождению структур из себя. Структуры складываются и распадаются в среде в процессе бесструктурного управления, а управляемыми и контролируемыми параметрами являются вероятностные и статисти-

ческие характеристики массовых явлений в управляемой среде: т. е. средние значения параметров, их средние квадратичные отклонения, плотности распределения вероятности каких-то событий, корреляционные функции и т.п. *Структурное управление выкристаллизовывается из бесструктурного.*

Объективной основой бесструктурного управления являются *статистические предопределенности* и *вероятностные модели (субъективные оценки объективных статистических предопределенностей),* упорядочивающие массовые явления в статистическом смысле, позволяющие отличать одну статистику от другой; а во многих случаях выявить и причины, вызвавшие отличие статистик.

Поэтому, слово "вероятно" и однокоренные с ним, следует понимать не в смысле "может быть так, а может быть сяк", а как указание на существование вероятностных оценок объективных статистических предопределенностей, обуславливающих *вероятность*[1] того или иного явления, события, возможности пребывания в некоем состоянии; утверждение о существовании средних значений "случайного" параметра (вероятность их превышения = 0,5), средних квадратичных отклонений от среднего и т.п.

С точки зрения общей теории управления, теория вероятностей (раздел математики) является теорией мер неопределенностей в течении событий. Соответственно: значение вероятности, статистическая частота, а также их разнообразные оценки есть меры неопределённости управления. Они же — меры устойчивости переходного процесса, ведущего из определённого состояния, (возможно отождествляемого с настоящим), к каждому из различных вариантов будущего во множестве возможного, в предположении, что:

1. Самоуправление в рассматриваемой системе будет протекать на основе прежнего его информационного обеспечения без каких-либо нововведений.

---

[1] Число от 0 до 1, по существу являющееся оценкой объективно возможного, мерой неопределенностей; или кому больше нравится в жизненной повседневности — надежды на "гарантию" в диапазоне от 0 %-ной до 100 %-ной.

2. Не произойдет прямого адресного вмешательства иерархически высшего, внешнего по отношению к системе, управления.

Первой из этих двух оговорок соответствует взаимная обусловленность: чем ниже оценка устойчивости переходного процесса к избранному варианту, тем выше должно быть качество управления переходным процессом, что соответственно требует более высокой квалификации управленцев. То есть: во всяком множестве сопоставимых возможных вариантов, величина, *обратная вероятности самоосуществления всякого определенного варианта*, есть относительная (по отношению к другим вариантам) мера эффективности управления, необходимого для осуществления именно этого варианта из рассматриваемого множества.

Вторая из этих двух оговорок указует на возможность конфликта с иерархически высшим объемлющим управлением. В предельном случае конфликта, если кто-то избрал зло, упорствует в его осуществлении и исчерпал Божеское попущение, то он своими действиями вызовет прямое вмешательство в течение событий Свыше. И это вмешательство опрокинет всю его деятельность на основе всех его прежних прогнозов и оценок их устойчивости — мер неопределенностей.

Векторы целей управления и соответствующие им режимы управления можно разделить на два класса: *балансировочные режимы* — колебания в допустимых пределах относительно идеального неизменного во времени режима; *маневры* — колебания относительно изменяющегося во времени вектора целей и переход из одного режима в другой, при которых параметры реального маневра отклоняются от параметров идеального маневра в допустимых пределах. Потеря управления — выход вектора состояния (или эквивалентный выход вектора ошибки) из области допустимых отклонений от идеального режима, иными словами — выпадение из множества допустимых векторов ошибки.

Маневры разделяются на *сильные* и *слабые*. Их отличие друг от друга условно и определяется субъективным выбором эталонного процесса времени и единицы измерения времени. Но во многих случаях такое их разделение позволяет упростить моделирование слабых маневров, пренебрегая целым рядом факторов, без потери качества управления.

Любой частный процесс может быть интерпретирован как процесс управления или самоуправления в пределах процесса объемлющего иерархически высшего управления и может быть описан в терминах перечисленных основных категорий теории управления.

Человеческое сознание может одновременно оперировать с семью — девятью объектами. При описании любой из жизненных проблем в терминах теории управления, общее число одновременно используемых категорий не превосходит девяти: 1) вектор целей, 2) вектор состояния, 3) вектор ошибки, 4) полная функция управления, 5) совокупность концепций управления, 6) вектор управляющего воздействия, 7) структурный способ, 8) бесструктурный способ, 9) балансировочный режим или маневр. Это означает, что информация, необходимая для постановки и решения любой из задач теории управления может быть доступна сознанию здравого человека в некоторых образах *вся без исключения*, одновременно и упорядочено, как некая мозаика, а не бессвязно-разрозненно, как стекляшки в калейдоскопе. Главное для этого — отдавать себе отчет в том, что конкретно к какой категории теории управления относится, чтобы не впадать в *калейдоскопический идиотизм* — махрово или вяло текущую шизофрению.

И если какие-то категории оказываются п у с т ы м и и/или поведение объекта не устойчиво в смысле предсказуемости его поведения, то это означает, что человек не готов — не то чтобы к решению, но даже к постановке задачи, за которую взялся; и потому он может осознанно заблаговременно остановиться и переосмыслить происходящее, чтобы не сотворить беды, впав в калейдоскопический идиотизм.

Управление всегда *концептуально определённо* 1) в смысле определенности целей и иерархической упорядоченности их по значимости в полном множестве целей и 2) в смысле определенности допустимых и недопустимых *конкретных* средств осуществления целей управления. Неопределенности обоих видов, иными словами неспособность понять смысл различных определенных концепций управления, одновременно проводимых в жизнь, порождают ошибки управления, вплоть до полной потери управляемости по провозглашаемой концепции (чему может сопутствовать

управление по умолчанию в соответствии с некой иной концепцией, объемлющей или отрицающей первую).

Методологический тест на управленческое шарлатанство или отсутствие шарлатанства — алгоритм метода динамического программирования. *Его возможно построить и запустить в работу (если позволяют вычислительные мощности) только при определенности вектора целей и соответствующих вектору целей концепций управления, а так же при условии, что вектор целей и концепции управления не потеряют устойчивость на интервале времени, в течение которого длится процесс управления.*

Придерживаясь данного *мировоззренческого стандарта*, мы и рассматриваем все *без исключения* мнения, высказываемые как прямо, так и иносказательно в произведениях искусства по вопросам истории, религии, экономики и иным, принадлежащими к *области обществоведения.*

* * *

И данный мировоззренческий стандарт, или ему альтернативный, вне зависимости от способностей его выражения индивидом на уровне сознания в определённой лексике, всегда проявляется в его творчестве через свойственную ему систему символики.

После предъявления читателю мировоззренческого стандарта и соответствующих ему ключей к раскрытию иносказания можно было бы на этом и завершить процесс выявления второго смыслового ряда “Белого солнца пустыни”, предоставив читателю, знакомому с содержанием фильма и киноповести, собрать из камешков-ключей свою целостную мозаику — социально-историческую панораму развития событий в глобальном процессе противостояния двух цивилизаций: России и Запада. Но поскольку за прошедшие тридцать лет фильм видели многие миллионы кино- и телезрителей, а содержание одноименной киноповести В.Ежова и Р.Ибрагимбекова известно довольно узкому кругу читателей[1], то полагая, что большинство читателей хорошо помнят содержание фильма и не знакомы с содержанием киноповести, в предлагаемой

[1] Киноповесть В.Ежова и Р.Ибрагимбекова вышла в свет в 1994 году тиражом 100 000 экз.

работе при сопоставлении содержания киноповести и фильма, картины киноповести специально выделены другим шрифтом, чтобы читатель сам убедился как меняется смысл второго смыслового ряда даже при незначительном изменении фрагментов сюжета.

Предлагаемый читателю второй смысловой ряд “Белого солнца пустыни” — один из возможных вариантов при данных ключах к иносказанию. Естественно, возможны и другие варианты, но вероятнее всего они будут различаться незначительными фрагментами в общей мозаичной картине событий второго смыслового ряда. Разумеется, каждый может предложить и другие ключи к раскрытию содержательной стороны иносказания, но при этом он должен помнить о необходимости удовлетворять условию сохранения целостности повествования и его внутренней логической связи на уровне второго смыслового ряда.

Вступление

“На берегу широкой спокойной Волги, на косогоре раскинулась деревушка.

За рекой, до самого горизонта, простираются заливные луга.

Первые солнечные лучи золотят верхушки деревьев, играют в наполненных водой ведрах, которые качаются на плече краснощекой босой молодухи; она поднимается по косогору плавно, без усилий, точно не коромысло у неё на плече, а легкий платок…

Всё это кажется чуть-чуть нереальным, может быть, из-за утренней дымки, окутавший пейзаж голубизной, или из-за плавности движений , с какой женщина поднимается с ведрами по косогору; а может быть, потому, что одета она необыкновенно нарядно, словно сошла с рисунка на палехской шкатулке…

В копне свежего, душистого сена лежит тощий, невысокого роста красноармеец в выцветшей добела гимнастерке с красным бантом на груди и в коротковатых портах.

Он лежит и смотрит, как медленно приближается к нему красавица с ведрами, как босые ноги её ступают по мокрой траве и цветам. Женщина делает еще несколько шагов, и яркое солнце, ударив в глаза красноармейца, заставляет его зажмуриться…

А когда он открывает глаза и приподнимается на локте, то видит, что нет женщины, нет речки, деревни, лугов, нет волшебного утра, а есть пустыня без конца и края, и солнце, белое солнце, которое ослепляет и выжигает всё под собой; есть только солнце над барханами без единого кустика или былинки вокруг, до самого горизонта…”

Так начинается киноповесть и хорошо видно, что поначалу кинорежиссер Мотыль строго следует описанной картине. Но уже следующие кадры фильма имеют расхождения с содержанием киноповести:

“Бывший красноармеец Федор Сухов проворно встал, надвинул на глаза белый кепарь со следами

красноармейской звездочки и пошел по пустыне напрямик.

Двигался Федор Сухов не быстро и не медленно, нормальным походным шагом, шлепая босыми ногами по обжигающему песку. За спиной его торчал тощий «сидор» и новенькие, мягкой кожи сапоги, засунутые под веревку. Новеньким у Сухова были еще кожаный ремень, на котором висела кобура с наганом, и английский карабин за плечом. В одной руке у Сухова был чайник, а в другой — палка с зарубками, пока еще неизвестного назначения. Всё на Сухове висело вроде бы и небрежно, но ничего не брякало, не звенело.”

Хорошо видно, что расхождения касаются в основном вооружения Сухова (в фильме у Сухова нет карабина, а вместо палки с зарубками у него — саперная лопатка). На первый взгляд эти расхождения могут показаться незначительными, но как будет показано дальше «от малых причин бывают большие последствия»[1].

[1] Афоризм К.Пруткова.

Картина 1. Везёт мне на эти дела…

Первая картина фильма предельно насыщена образами-символами. Здесь и бритая голова, лежащая на раскаленном солнцем песке пустыни, и хищная птица (то ли орел, то ли гриф), тяжело взлетающая при появлении Сухова, и змея, бесшумно уползающая прочь — символ подстерегающей опасности.

Сухов садится на песок рядом с головой, проверяет время по "солнечным часам" — отклонению тени от черенка воткнутой в песок саперной лопатки:

— Два часа… Давно обосновался?

Голова с закрытыми глазами то ли стонет, то ли поёт заунывную мелодию не замечая сидящего рядом Сухова, у которого в руках появляется большой медный чайник. Он вынимает пробку из носика чайника и почти силой вставляет его в спекшейся от жажды рот головы. На какое-то мгновение открывается один глаз головы и она с жадностью судорожно большими глотками пьёт воду.

Вода в пустыне — самое дорогое; вода — это жизнь.

Картина с головой на фоне пустынного пейзажа сразу устанавливает ассоциативную связь с подобной картиной из поэмы А.С. Пушкина "Руслан и Людмила".

Яснеет. Смотрит храбрый князь
И чудо видит пред собою.
Найду ли краски и слова?
Пред ним живая голова.
Огромны очи сном объяты.

("Руслан и Людмила", Песнь третья)

«Он (Сухов) шел, не интересуясь пейзажем, потому что никакого пейзажа и не было — один песок, но по сторонам поглядывал: мало ли что.

Картина 1. Везёт мне на эти дела…

Вдруг прямо перед собой Сухов увидел торчащую из песка голову человека. Сухов остановился. Голова была темной, бритой, с закрытыми глазами» (Киноповесть “Белое солнце пустыни).

В поэме Пушкина Руслан добывает из-под головы меч — символ знания, даваемого Свыше на основе Различения. А что откапывает Сухов, помогая Саиду освободиться?

Саид — символический образ коранического ислама. Но путы и песок символизируют традиции исповедания исторически сложившегося ислама. Т.е. Саид в путах и песке — это Джавдет, который представлен зрителю только по имени; но как выглядит Джавдет — не знает никто из зрителей и вынужден додумывать сам, каким должен быть это Джавдет, что обусловлено нравственностью и мировоззрением зрителя. Иными словами, у каждого — свой Джавдет, с которым он должен разобраться сам, как это и делает в фильме Саид.

Отрытый Суховым Саид — символ коранического ислама — мощного мировоззренческого оружия, до времени скрытого от людей ритуалами и молитвенными ковриками. Так большевизм русского народа в лице Сухова, “откапывая” во второй половине XX столетия коранический ислам, получает, как и Руслан в знаменитой пушкинской поэме, оружие в борьбе с библейским атеизмом.

Кто видел фильм, тот помнит, что при первой встрече с Саидом Сухов поделился с ним не только продуктами, но подарил ещё на прощанье кинжал. В киноповести этот эпизод представлен иначе:

«В оазисе Пять чинар — колодце с несколькими деревьями вокруг и куском глиняной стены — сидели у тлеющего костра Сухов и Саид. Сухов делился продуктами с Саидом: высыпал из своего мешочка половину запасов пшена, разделил сухари.

— Задержался я здесь. Месяц, как демобилизовался, а всё мотаюсь по пескам этим… Семь лет дома не был. — Сухов собрал выделенные Саиду продукты в чистую портянку и пододвинул к нему. — На недельку хватит, а в Педженте еще что-нибудь раздобудешь… А

я, извини, не могу, мне на Гурьев надо. Пойду по гипотенузе.

Саид снял с пояса кинжал и подал Сухову.

— Возьми на память.

— Спасибо. — Приняв кинжал, Сухов вынул его из ножен, провел ногтем по лезвию. — Хорош кинжал!.. — Осмотрел ножны. — Богатая работа.

— Отец подарил.

Сухов взял с песка свой карабин, обтер ладошкой, протянул Саиду.

— На. Нельзя без оружия. — Постучал по кобуре с наганом. — А мне и этого довольно.

Саид благодарно склонил голову, принял карабин».

Можно понять кинорежиссера, не задумывавшегося о втором смысловом ряде киноповести и снимавшего «советский триллер», а потому посчитавшего недоразумением факт передачи кинжала Сухову Саидом: действительно, откуда у Саида, связанного и зарытого в песок, кинжал? Но изменение деталей сюжета киноповести изменяет символику матрицы общего хода вещей, которая содержательно раскрывается в целостности и взаимосвязанности всех элементов матрицы на уровне второго смыслового ряда. Отсутствие логики на уровне первого смыслового ряда — лишь побуждение для ассоциативного мышления зрителя или читателя, который на основе своих представлений о мире вещей и явлений сам связывает их в неосознаваемую им нелексическую целостность, остающуюся для него закрытой на уровне сознания символикой художественного произведения. Но этот процесс, хотя и не осознаваемый зрителем, — процесс творческий и только благодаря ему шедевры культуры живут долго и остаются притягательными до тех пор, пока не выработают свой потенциал; если же этого не происходит, то произведение представляет собой графоманство либо публицистику-однодневку.

Кинжал — холодное оружие; информационная война — война холодная. Так выстраиваются связи на уровне ассоциативного мышления. Коранический ислам, потенциал которого “откопан”, то есть раскрыт для масс большевизмом, переходя из пассивной стадии в активную, знаменует начало новой фазы в информационной (холодной) войне, которая длится столько, сколько сущест-

вует современная цивилизация. К сожалению, общество начинает её видеть и адекватно на неё реагировать только тогда, когда холодная (информационная) война переходит в горячую. А происходит это потому, что обыденное сознание воспринимает процессы управления лишь в масштабах истории собственной страны или истории других стран мира, не осознавая глобальный исторический процесс, как целостность.

Тем не менее, всякое общество *так или иначе* управляется, по какой причине глобальный исторический процесс возможно рассматривать в качестве глобального процесса управления, 1) объемлющего множество процессов региональных управлений, 2) протекающего в иерархически высших по отношению к нему процессах жизни Земли и Космоса. Соответственно этому, при взгляде с позиций достаточно *общей теории управления* на жизнь обществ на исторически длительных интервалах времени (сотни и более лет), средствами воздействия на общество, осмысленное применение которых позволяет управлять его жизнью и *смертью*, являются:

1. Информация *мировоззренческого* характера, методология, осваивая которую, люди строят — индивидуально и общественно — свои “стандартные автоматизмы” распознавания частных процессов в полноте и целостности Мироздания и определяют в *своем восприятии* иерархическую упорядоченность их во взаимной вложенности. Она является основой *культуры мышления* и полноты управленческой деятельности, включая и *внутри-общественное полновластие.*
2. Информация летописного, *хронологического,* характера всех отраслей Культуры и всех отраслей Знания. Она позволяет видеть направленность течения процессов и соотносить друг с другом частные отрасли *Культуры в целом* и отрасли Знания. При владении сообразным Мирозданию *мировоззрением*, на основе *чувства меры*, она позволяет выделить частные процессы, воспринимая “хаотичный” поток фактов и явлений в *мировоззренческое “сито” — субъективную человеческую меру распознавания.*
3. Информация *факто-описательного* характера: <u>описание частных процессов и их взаимосвязей — существо информации</u>

третьего приоритета, к которому относятся вероучения религиозных культов, светские идеологии, технологии и фактология *всех отраслей* науки.

4. Экономические процессы, как средство воздействия, подчиненные чисто информационным средствам воздействия через финансы (деньги), являющиеся предельно обобщенным видом информации экономического характера.
5. Факторы геноцида, поражающие не только живущих, но и последующие поколения, уничтожающие *генетически обусловленный потенциал* освоения и развития ими культурного наследия предков: ядерный шантаж — угроза применения; алкогольный, табачный и прочий наркотический геноцид, пищевые добавки, все экологические загрязнители, некоторые медикаменты — реальное применение; “генная инженерия” и “биотехнологии” — потенциальная опасность.
6. Прочие средства воздействия, главным образом силового, — *оружие* в традиционном понимании этого слова, убивающее и калечащее людей, разрушающее и уничтожающее материально-технические объекты цивилизации, вещественные памятники культуры и носители их духа.

Хотя однозначных разграничений между средствами воздействия нет, поскольку многие из них обладают качествами, позволяющими отнести их к разным приоритетам, но приведенная *иерархически упорядоченная* их классификация позволяет выделить доминирующие факторы воздействия, которые могут применяться в качестве средств управления и, в частности, в качестве средств подавления и уничтожения управленчески-концептуально неприемлемых явлений в жизни общества.

При применении этого набора внутри одной социальной системы это — *обобщенные средства управления* ею; при применении их же одной социальной системой (социальной группой) по отношению к другой, при несовпадении концепций управления в них, это — *обобщенное оружие*, т.е. средства ведения *войны*, в самом общем понимании этого слова; или же — средства поддержки самоуправления в иной социальной системе, при отсутствии концептуальной несовместимости управления в обеих системах.

Указанный порядок определяет *приоритетность* названных классов средств воздействия на общество, поскольку изменение состояния общества под воздействием средств высших приоритетов имеет куда большие последствия, чем под воздействием низших, хотя и протекает медленнее и без “шумных эффектов”. То есть, на *исторически длительных* интервалах времени быстродействие растет от первого к шестому, а необратимость результатов их применения, во многом определяющая эффективность решения проблем в жизни общества в смысле *раз и навсегда*, — падает.

* * *

Определившись с приоритетностью информационного оружия, можно полагать, что большевизм после соприкосновения с кораническим исламом вступил в открытое противоборство с заправилами и хозяевами Библейской концепции порабощения человечества с использованием всех приоритетов обобщенных средств управления-оружия. Концепция Общественной Безопасности[1], вызревшая в соборном интеллекте народов СССР-России и выраженная в определённой лексике Общественной Инициативой, придаёт большевизму новое качество — концептуальной власти глобальной значимости, Внутреннего Предиктора СССР[2].

В киноповести и в фильме различными персонажами используются разные виды оружия: пистолет, карабин, пулемет, динамит, горящая нефть, алкоголь, табак и даже аркан. А вот с кинжалом дело сложнее: в фильме им пользуется Саид в последних кадрах; в киноповести кинжал, подаренный Сухову Саидом, ни разу не используется. Согласно сюжета киноповести изначально кинжал имели два персонажа: Саид и Абдулла. Очень важная для понимания иносказания деталь, опущенная в фильме: сообщение Саида о том, что кинжал — подарок отца (по киноповести) и фраза Абдуллы при первой встрече с Саидом («Твой отец был другом моего отца») — дополняют друг друга в том смысле, что кораническая и библейская концепции — разные пути и способы пре-

---

[1] Впервые издана в октябре 1992 года в Санкт-Петербурге под эпическим названием “Мертвая вода” тиражом 10 000 экз. Ходила в списках с мая 1991 года.

[2] Смотри пояснение терминологии “Внутренний Предиктор СССР”.

одоления одного и того же мировоззрения общества — многобожия. Поэтому кинжал — важнейший символ при оценке вероятных вариантов развития событий в матрице общего хода вещей, раскрывающийся на уровне второго смыслового ряда. Он указует на то, что почти 1300 лет в глобальном историческом процессе шла информационная война двух непримиримых концепций (коранической и библейской).

Передача кинжала Сухову Саидом на уровне второго смыслового ряда означает, что после того как коранический ислам открылся обществу, борьбу с извращениями откровений Единого Завета повел русский большевизм, открыто предъявивший миру Концепцию Общественной Безопасности (КОБу) с восходящим к Русскому эпосу названием “Мертвая вода”, что вызывает у запамятовавших смысл эпоса истерику или неприятие. Следовательно, согласно киноповести кинжал, как холодное оружие — общий символ холодной (информационной войны), а все остальные виды оружия — символы первых пяти приоритетов обобщенного оружия — средств управления. Так, например, пистолет и карабин, как оружие одиночного боя — символы обобщенных средств управления третьего приоритета, — идеологического. Но если пистолет — оружие командного состава, то карабин — рядового. Так в фильме образно показано, что идеология общественной инициативы на основе КОБы одинаково эффективна и в сфере управления и в сфере материального и духовного производства.

Подарок карабина Сухова Саиду в киноповести символичен и в образной, и в лексической форме. “Без оружия нельзя”, — говорит при этом Сухов. Можно считать, что с этого момента коранический ислам, как наиболее эффективное оружие первого приоритета, становится доступным не только религиозным иерархам, но и всем простым людям искренне верящим Богу.

Изменив порядок передачи оружия в процессе съемок фильма, кинорежиссер (или тот, кто его консультировал), скорее всего неосознанно пытался повлиять на матрицу развития событий в России, поскольку на уровне второго смыслового ряда фильма она оказалась разорвана как целостность. Для кинорежиссера Моты-

ля[1] это детали “творческого процесса”, обсуждение которых вне рамок его личностного мировоззрения и мировосприятия не имеет смысла. Но мир един и целостен, и сам Мотыль — только часть этого мира, своеобразно отображающая его в свое личностное сознательное и бессознательное, а через отдельные фрагменты процесса отображения можно выявить не только мировоззрение кинорежиссера, но и его отличие от мировоззрения авторов киноповести.

По сюжету киноповести Сухов конфискует динамит у трех старцев, что говорит о не осознаваемой приверженности тандема В.Ежов и Р.Ибрагимбеков к предельным отождествлениям на основе триединства материи, информации и меры. В процессе съемок фильма появляется четвертый старец, лежащий на ящике с динамитом. Так образно проявляется приверженность Мотыля к мировоззренческому калейдоскопу, в основе которого — четыре ложных предельных обобщения и отождествления: материя, энергия пространство и время, — вторичные по отношению к триединству материи, информации и меры и потому являются их искаженным зеркальным отображением. Управлять процессами глядя в зеркало конечно можно, но при условии, что управленец различает объективную реальность и реальность, отображенную в зеркале, без чего невозможно отличить истинно правое от зеркально-правого, т.е. реально левого, и наоборот. Однако вероятность ошибок при таком способе управления всегда будет больше, чем в управлении при опоре непосредственно на объективную реальность. Если же индивид лишен различения и не видит зеркала вообще, то любой процесс или явление каждый раз в новых обстоятельствах будет выглядеть для него иначе и потому решения, принимаемые им, никогда не будут адекватными потребностям объективно складывающегося реального процесса.

При первой встрече Саида и Сухова в фильме есть диалог, отсутствующий в тексте киноповести.

---

[1] Фамилия кинорежиссера, снимавшего фильм, очень информативна в том смысле, что он легко обращался со сценарием, не понимая, с чем имеет дело.

— Везёт мне на эти дела… Двоих таких откопал — ничего. Третий попался, вытащил — так он меня за горло: *бандит оказался.* Вот какая история. Его свои же и зарыли. Еле отбился, — рассказывает Саиду Сухов.

Кто же эти “двое”, которых Сухов “откопал и ничего” и кто “третий — бандит, которого свои же и зарыли”, но который Сухова взял “за горло”?

Согласно ключам к иносказанию, Сухов — представитель тех, кто всю жизнь боролся с паразитизмом меньшинства на производительном труде большинства и кто делал всё от него зависящее для самобытного, самодержавного[1] развития России. В указанном здесь смысле «большевиком» может быть не только рабочий или крестьянин, но представитель любой профессии и даже любого социального слоя, если он также понимает «справедливость» и действует в соответствии с этим пониманием.

К большевикам можно отнести, например, одного из выдающихся аналитиков России начала 20 века — генерала А.Нечволодова, поскольку его книга “От разорения к достатку”, изданная в 1906 году в С.-Петербурге в типографии штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, имеет вполне «большевистское» посвящение: «Всем представителям производительного труда», из которого уже можно понять, что все без исключения паразиты на производительном труде будут недовольны её содержанием. Один только перечень затронутых в книге вопросов (“Русские финансы” — “Масонская программа” — “Тайна золота” — “Народные деньги” — “Аграрный вопрос “ — “Промышленность” — “Переселение” — “Наши дела на Дальнем Востоке” — “Проведение реформы” — “Возможное будущее”) говорит о том, что автор ещё на заре XX века пытался разработать меры эффективного противостояния в условиях Российской империи доктрине скупки мира еврейством на основе глобальной надгосударственной монополии на ростовщичество.

---

[1] Термин обозначает изначально государственность, свободную от прямого или косвенного, т.е. от скрытного, не осознанного ею, внешнеполитического диктата. Самодержавие всегда основано на собственной концептуальной власти.

На двенадцатой странице книги, после общего обзора состояния мировых финансов, А.Нечволодов приводит цитату из Библии: **«Ты будешь давать взаймы многим народам, а сам не будешь брать взаймы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобой господствовать не будут.** (Второзаконие, 15:6)».

А.Нечволодов прямо пишет о господстве поимённо еврейского ростовщичества в финансах Евро-Американской системы государств и потому приводит цитату из Второзакония, которой, в одной мировоззренческой культуре разоблачается зло ростовщичества, а в другой — еврейству *даётся установка* (если говорить языком нынешних *программистов психики*) на мировое господство. Из этой установки проистекает необходимость для еврейства существовать в рассеянии и обособляться от народов, на землях которых они появились.

Можно сказать, что А.Нечволодов — “молодой Сухов”. Те “двое”, которых он “откопал”, анализируя Библию[1] (перевод её на *живой великорусский язык* появился только в 1876 г.; это так называемый — синодальный перевод, издаваемый ныне по благословению патриархов Московских и “всея Руси”) — **иудаизм** и его экспортная модификация — исторически сложившееся **христианство** (Ветхий и Новый Заветы в российском варианте Библии сведены в одну книгу). Раскрытое выше лексически выраженное иносказание сопровождается внелексическими (зрительными) образами уползающей змеи и улетающей птицы, которые появляются на экране после слов Сухова «Двоих таких откопал — ничего». Подобная последовательность лексических и внелексических образов не случайна.

Исчезающие птица и змея — образы явлений, имеющих непосредственное отношение к “такой вот истории”. В этой символичной сцене мы видим не просто птицу, а хищного орла.

Российский герб до Октября 1917 года и после августа 1991 года представлен двуглавым орлом, что по сути своей есть отражение в “самодержавной” символике концептуального двоевластия.

Есть политический анекдот времен империи, который приводит в “Цусиме” А.С.Новиков-Прибой:

---

[1] Сталин тоже хорошо знал Библию с детства — учёба в духовной семинарии не прошла даром.

Дело было в Педженте

При посещении одного из кораблей Российского императорского флота царь Николай II задал вопрос одному из матросов, стоящему в парадном строю: “Что есть двуглавый орёл?” И тот не моргнув глазом ответил: “Урод, Ваше Величество!”[1]

В октябре 1917 восставший народ открыто и без особого сожаления расставался с изображением двуглавого орла, которое было завезено на Русь в XV веке из Византии — восточной части Римской империи. Но даже спустя восемь лет после августовского переворота 1991 года Государственный Герб Советского Союза, несущий в своей символике образ глобальной заботы и ответственности за судьбы всех народов планеты, сохраняется на административных зданиях большинства городов страны, включая и её столицу. Там же, где его сбивали, делали это тайно, по ночам, чтобы простые люди не были свидетелями преступления предавшей их интересы правящей элиты.

Нынешние реформаторы России, выстаивая в христианских храмах со свечками под девизом «Москва — третий Рим», не способны, как и их незадачливые предшественники понять суть библейского новозаветного изречения: «Если царство разделится само в себе, то не сможет устоять царство то» (Марк, 3:24), которое геральдически и выражается в двуглавости орлов многих сгинувших империй. Причина этого лежит в области психологии и также известна издавна: «Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих» (Послание апостола Иакова, 1:8).

Итак, птица улетела, а змея[2] уползла, что и означает: “Сухов двоих откопал и ничего”. Кто же “третий”, который взял его “за горло” так как “бандит оказался” и которого “свои закопали”.

“Третий” — это политический троцкизм, от которого большевизм в процессе длительной борьбы “еле отбился”. “Еле отбился”

[1] Первые известные изображения двуглавого орла датируются XIII веком до н.э. Это наскальное изображение двуглавого орла, схватившего двух зайцев. Он служил гербом хеттских царей (хеттское царство существовало в Центральной Азии). Отторжение двухглавого урода проистекает из русской пословицы: “За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь”.

[2] Библейский миф о грехопадении Адама и Евы в качестве главного персонажа имеет образ змея — искусителя.

— выражение точное. Оно определяет истинное соотношение сил в процессе информационного противоборства большевизма и троцкизма.

Революцию, задуманную как троцкистскую “вытащил” на себе русский большевизм (в ином варианте революция в России просто бы не состоялась), искренне поверивший в благонамеренность деклараций троцкистов о социальной справедливости и всеобщем равенстве людей в признании их достоинства Человека. Когда истинный большевизм начал под руководством Сталина “откапывать” сущность троцкизма, оказалось, что за декларативностью троцкистов скрывается настоящий бандитизм по отношению к народам СССР. Об этом свидетельствует множество фактов, в частности — факт разграбления троцкистами молодой советской республики сразу после революции.

Период царствования Александра III и последующие после его смерти 6 лет были временем, когда решался вопрос: победит ли в России многонациональный капитал империи, способный обеспечить самодержавие народов России в какой-то новой форме; либо же с самодержавием будет покончено (возможно, что на ограниченный срок) и управление страной перейдёт к внешним силам, препятствующим возрождению самодержавия многонациональной Русской цивилизации в исторически обновлённых формах. Для ликвидации самодержавия, как способа осуществления концептуально самостоятельного (в определённой мере) управления, мировая закулиса[1] в соответствии с библейской концепцией управления начала в России перестройку отношений и прав собственности. Крайним вариантом рассматривалась *революционная* перестройка, что и произошло в реальной истории.

---

[1] Это еще одна из граней объективного явления, представленного в фильме образом Черного Абдуллы. В Концепции Общественной Безопасности, изложенной в книге “Мертвая вода”, мировая закулиса, вобравшая в себя оккультные знахарские и банковские кланы, по определению одного из наиболее эффективных методов управления — «предиктор-корректор» — Глобальный Предиктор. В предлагаемой расшифровке иносказания этот термин также будет употребляться при раскрытии содержательной сущности образа Абдуллы.

Со смертью Александра III, его преемник Николай II предоставил иностранному капиталу и подпитываемой им либеральной интеллигенции почти полную свободу действий. По мере того, как международный ростовщический капитал всё туже затягивал в стране финансовую удавку, назревала *революционная ситуация*. Кадровая политика при Николае II отвечала антирусским интересам Глобального предиктора. Николай II втянул Россию в *бессмысленную* войну с Японией, после чего разразился финансово-экономический кризис.

В 1905 г. режим Николая II и его спецслужбы, утратившие самодержавие в борьбе за устойчивость "элитарного" самовластья, близоруко вляпался в провокационный сценарий расстрела мирного шествия рабочих к Зимнему Дворцу. Так режим сам расстрелял веру в образ «царя батюшки», заботящегося о благе простого народа. Этот расстрел во многом предопределил превращение назревшего в России *кризиса общественного развития* в революционную ситуацию.

Роль охранного отделения и явления, получившего презрительное название "зубатовщины", в событиях революций 1905, 1917 гг. показывает, что если режим проводит в жизнь две и более взаимно исключающие друг друга концепции (ничего не менять и зажимать гайки или возглавить и провести *определённые* реформы, чтобы в обществе всем труженикам в разных сословиях — по существу в профессиональных корпорациях, сложившимся в древности на родственно-клановой основе, — жилось ладно), то плоды всех действий режима по осуществлению каждой из концепций пожинает *третья* сторона, а режим гибнет в процессе разрешения кризиса концептуально неопределённого управления.

Третья сторона в глобальном историческом процессе по отношению к событиям в любой стране, в том числе и России, — Глобальный Предиктор. И он закономерно пожал плоды действий и бездействия Российских властей, по вине которых и создалась "сама собой" революционная ситуация. А для того, чтобы революционный дух народов России "сам собой" вдруг не вышел за рамки библейской концепции управления, в Европе уже имелась её "светская" модификация — **марксизм.**

Так приоткрывается лицо “третьего”, взявшего Сухова за горло — **марксизма-троцкизма.** И “откопал” его действительно сам большевизм, согласившись ради захвата власти в октябре 1917 года на союз с меньшевиками, в состав которых и входили троцкисты.

Существа концептуальной власти никто в правящей верхушке царской России не понимал. Многие видели иудейскую угрозу России, и реагировали на неё, создавая контрреволюционные организации типа Союза Русского народа или Союза Михаила Архангела. Но реакция эта была бессистемной и во многом эмоциональной, а потому была суетой в границах библейской концепции управления, враждебной народам России, поскольку в её правящей верхушке никто не понимал сущности взаимоотношений христианского мира и иудейской диаспоры в нём.

Пожалуй глубже всех проник в эту проблему Сталин и потому был одним из немногих, кто не нагнетал в России по-пустому даже “еврейского вопроса”, поскольку понимал, что его решение — вне сферы национальных отношений. Это вряд ли было возможно без понимания внутренней связи основных положений Библии и марксизма, а также мировоззренческого противостояния им Корана. Что касается самого марксизма, то во внешне привлекательной троцкистской упаковке выступающий по умолчанию как форма глобальной экспансии библейского расового паразитизма, он действительно может “взять за горло” каждого, кто не способен понять его существа. И потому тот же марксизм, используемый в качестве внешней формы и наполненный при определенных условиях иным содержанием, может даже способствовать формированию концепции управления, альтернативной Библейской.

Первая встреча Сухова с Саидом — иносказательное оповещение о рождении в России нового, неизвестного ранее социального явления, получившего название сталинизма — своеобразного симбиоза большевизма и коранического ислама.

Джавдет — единственный персонаж и фильма и киноповести, чей образ так ни разу и не появился на экране[1]. Первые сведения о нём зритель получает из беседы Сухова с Саидом ночью у костра.

— Вот тебе сухари, пшена на дорогу… Подзадержался я здесь. Полгода как отслужил, а всё мотаюсь по пескам этим. Сколько лет дома не был! Ну вот — пока хватит. В Педженте ещё что-нибудь раздобудешь. А я, извини, не могу — и так большой крюк дал *теперь напрямую пойду*, — говорит Сухов.

— Не будет покоя пока жив Джавдет. Зачем выкопал? — ответил Саид.

— Мёртвому, конечно спокойней, — возразил Сухов, — но уж больно скучно.

— А что у тебя с этим, Джавдетом? — спросил он вдруг у Саида.

— Отца убил, меня закопал, четырёх баранов взял — больше у нас не было, — ответил Саид.

В киноповести содержание этого диалога иное.

«Лучше бы ты меня не откапывал, — сказал Саид. — Теперь не будет мне покоя, пока не отомщу Джавдету.

— Мертвому спокойней, — согласился Сухов, — но уж очень скучно. А за что у тебя вражда с ним?

— Отца убил моего… В спину, когда он молился.

Саид помолчал немного, потом медленно, стараясь не напрягать пораненную ногу, поднялся.

— Пойду, — сказал он.

— Ну что ж, счастливо, — протянул ему руку Сухов».

Из фрагмента киноповести видно, что Саид не дает сведений о том, кто его закопал; ничего не говорит он и о баранах, зато сообщает как был убит его отец. Нет здесь и нравственной оценки действий Абдуллы и Джавдета, с которой нас знакомит в фильме Саид (“Джавдет — трус, Абдулла — воин”). Кинорежиссер тоже

[1] Отсутствие образа — тоже информация. Информация очень важная, потому что каждый читатель (кинорежиссёр Мотыль — прежде всего читатель киноповести) и зритель вынужден формировать такие образы самостоятельно. Благодаря этому приему каждый зритель после просмотра фильма оказывается перед необходимостью вообразить своего “Джавдета”.

художник и имеет право на свое прочтение образов киноповести. Но здесь случай особый. Кинорежиссер Мотыль прочел только сюжет, ему недоступна “подводная часть информационного айсберга” и потому на уровне первого смыслового ряда он действует логически безупречно: раз Джавдет убил отца Саида в спину, значит он трус. И даже если Мотыль не хотел заниматься религиозной пропагандой в атеистическом государстве («Отца убил моего… В спину, когда он молился»), то и в этом случае он подменил Идею (пусть и неприемлемую, а скорее непонятную) навязыванием меркантильных соображений и кровной мести как причины конфликта, что аукнулось спустя десятилетия Чеченскими событиями.

Там Кремль тоже совершил подмену: Дудаев и К^{О} были приведены к власти окружающими Б.Н.Ельцина демократизаторами (Бурбулис и др.) потому, что прежнее партийное руководство Чеченской автономии в событиях 18 — 22 августа 1991 г. поддержало ГКЧП, т.е. государственное единство и территориальную целостность СССР против сепаратистского Кремля. Отказавшись от Идеи, — получили разнородный бандитизм с обеих сторон линий фронтов чеченских событий.

Но если художник кроме — символов, способен видеть и явления, на которые символы указуют, то он поймет, что Саид и Джавдет — символы двух противоположных сторон одного и того же явления — ислама. Саид — образ коранического ислама, а Джавдет — образ исторически сложившегося ислама. Для обыденного сознания они неразличимы, поскольку представляют собой единство и борьбу противоположностей. В процессе их противостояния исторически сложившийся ислам постепенно поглощается кораническим исламом. Поэтому в конце фильма, когда Сухов спрашивает Саида, не помочь ли ему с Джавдетом, тот отвечает совершенно правильно:

— Нет, Джавдет мой. Встретишь — не трогай.

Но и четыре барана появились в процессе киносъемок не случайно и не бессмысленно. Они своеобразный символический пароль доступа в систему мировоззренческого калейдоскопа тех, кто остается на позициях библейской нравственности. Неизвестно, кто конкретно из представителей съемочной группы предложил

добавить “четырех баранов”, но трудно поверить, что изменения не были согласованы с кинорежиссером. Потом, в сцене с динамитом, в дополнение к трем старцам В.Ежова и Р.Ибрагимбекова, на экране естественно появится четвертый старец Мотыля, как логическое выражение его калейдоскопического мировоззрения.

Кто же отец Саида, который был другом отца Абдуллы, и почему Джавдет убил его в спину, когда тот молился?

Коранической концепции единобожия предшествовали концепции многобожия ведически-знахарской культуры, религиозную основу которых составляли либо вера в зверинец богов, как это было в Древнем Египте, либо вера в пантеон человеко-богов, как это было в Древней Греции и Древнем Риме. Такие религии атеистичны, поскольку отрицают единого Бога Творца и Вседержителя и сами творят богов по своему нраву, образу и подобию, придавая им черты характера зверей и людей.

Библейская концепция занимает меж ними промежуточное положение: по оглашению в ней декларируется приверженность к религии единобожия, а по умолчанию через искажения откровений *обращавшихся к Богу по совести пророков* приписывается Богу логика поведения и не самые лучшие нравы людей, что превращает исторически сложившиеся и иудаизм и христианство в религии атеизма. Коран напоминает, что всем пророкам от Адама, Ноя, Авраама до Мухаммада давалось одно и то же знание о Боге Едином — Творце и Вседержителе. Но нравственность общества, в котором Мухаммад проповедовал Коран, не могла измениться в одночасье, и естественно, продолжительное время оставалась подспудно библейской, что означало: исторически складывающийся ислам отличался от ислама коранического и формировался как ритуально своеобразная форма библейского толпо-“элитаризма”. Можно даже сказать, что он долгое время оставался повязанным нравственным эгоизмом в библейском выражении. Поэтому в фильме связанный и закопанный Саид и есть по сути своей Джавдет — образ исторически сложившегося ислама: иными словами, *Джавдет = Саид + путы + песок, в который он зарыт*. И по существу Сухов прав: своим вопросом «давно обосновался?», с возвратной формой глагола с частицей *«ся», — буквально* утверждая, что Саид сам себя спутал и закопал.

После этого становится понятной и фраза Абдуллы при его первой встрече с Саидом: “Мой отец был другом твоего отца”.

Люди, принимавшие ислам после смерти Мухаммада, — это были те же самые люди, которые жили за столетия до и столетия после Мухаммада в смысле объективной нравственности, которую они несли и воспроизводили в обществе в преемственности поколений. Могли ли они отличить исторически складывающийся ислам от того ислама, который провозглашался Кораном? Нет, ибо в Коране прямо сказано, что Различение человеку дает Бог по его нравственности. И хотя принимавшие ислам искренне считали себя мусульманами, но не все из них по их объективной нравственности пребывали в кораническом исламе. Если бы это было не так, то исторически сложившийся ислам никогда бы не разделился на шиитов и сунитов, до сих пор доказывающих друг другу свою правоверность. Из тех, кто разделились, никто не правоверен, ибо в Коране, в отличие от Библии, нет основы для такого разделения и, если это происходит в реальной жизни, то в этом не вина Корана, а самих людей не преодолевших в себе библейской толпо-“элитарной” нравственности. В реальности же исторически сложившийся ислам — неотличим от ислама коранического для людей с неизжитыми остатками библейской нравственности.

Но поскольку исторически сложившийся ислам объективно целеустремлен на преодоление библейской нравственности, то иносказательное сообщение о том, что Джавдет “убил в спину отца Саида, когда тот молился” верно отражает существо тех процессов, которые шли в обществе после оглашения Корана. Ведь в сообщении Саида нет сведений о том, кому молился (поклонялся) отец Саида. Люди всегда кому-то поклонялись и молились. Даже Черномор в поэме А.С.Пушкина “Руслан и Людмила”, когда его прижали обстоятельства “чернокнижным языком усердно демонам молился”. Каким богам молился отец Саида неизвестно, но если Саид и Джавдет — символы одного и того же исторического явления — ислама, указующие на две его объективно различные по сути ветви, а их “отец” — символ предшествующего единобожию идолопоклонства, то можно сказать, что Джавдет — своеобразный “отцеубийца”, но лишь только потому, что исторический ислам в массовом охвате общества предшествовал кораническому

(Пророк жил в кораническом исламе, что и отличает его от большинства называющих себя мусульманами). В информационном же плане — это иносказательное сообщение о действии третьего закона диалектики — “отрицание отрицания”.

Почему Джавдет убил отца Саида в спину? Да потому что у многобожия нет своего лица. Или иначе: идолопоклонство многолико и у него “лиц” столько, сколько собственных тягот и страстей. И в Коране об этом так прямо и говорится: «Они приписывают Богу то, чем и сами тяготятся; язык их говорит ложь, что им будет всё наилучшее; им — огонь, и они прежде всех будут в него посланы» (в переводе Г.С.Саблукова, сура 16:64).

— А этот Джавдет, он с Черным Абдуллой, или как? — спрашивает Сухов.

— Они не любят друг друга. Джавдет — трус, Абдулла — воин, — отвечает Саид.

— Ну что ж, счастливо, — говорит на прощание Сухов.

Слова «Джавдет — трус, Абдулла — воин”, в контексте второго смыслового ряда не просто искажение текста киноповести; прежде всего в них — отражение неосознаваемой приверженности кинорежиссера к библейской концепции, которая на протяжении тысячелетий завоевывала мир и от которой пряталось многобожное идолопоклонство.

Законы диалектики проявляются в деятельности художника зачастую помимо его желания и потому в отношениях Абдуллы и Джавдета режиссером подмечено главное: “Они не любят друг друга”. То же самое можно сказать и об отношениях библейского атеизма и исторически сложившегося ислама.

Отсюда можно понять, что “четыре барана” — образное указание на основу мировоззренческого калейдоскопа (материя, энергия, пространство и время), преодолев который только и можно войти в человечную нравственность, органично вытекающую из целостного представления о вселенной, как процессе триединства материи, информации и меры. Так, возможно сам того не желая, Мотыль дополнил В.Ежова и Р.Ибрагимбекова на уровне второго смыслового ряда, высветив важные стороны двух противостоящих друг другу мировоззренческих систем через образы Абдуллы и Джавдета.

Но и авторы киноповести, и кинорежиссер в процессе творчества не осознавали наличия второго смыслового ряда, который мы пытаемся здесь раскрыть. Люди искусства — они отображали реальность так, как её понимали и в тех *символах — художественных обобщениях,* которые соответствовали их мировоззрению. Содержательная сторона символики, которой они пользовались при создании киноповести и фильма, оставалась для них закрытой. Если бы дело обстояло иначе, то В.Ежов и Р.Ибрагимбеков не прошли бы мимо тех изменений, которые были внесены в киноповесть в процессе её экранизации.

Картина 2. Восток — дело тонкое

«Отряд Рахимова шёл по пустыне по следам банды Абдуллы. Отряд шел шагом, потому что девять бойцов спешились, отдав часть своих лошадей женам Абдуллы. Женщины ехали молча, закутавшись в чадры.

Рахимов нервничал, сновал из одного конца отряда в другой, поглядывая на женщин.

— На полсуток отстаём, — сказал он хмурому комвзвода.

— С бабами нам его не догнать, — ответил тот.

Увидев, как молодой боец Петруха подъехал к одной из женщин и стал заигрывать с ней, что-то шепча и посмеиваясь, Рахимов подскакал к нему и вытянул плеткой по крупу его коня. Петруха дал стрекача. Рахимов пригрозил ему вслед плеткой, а затем пригрозил и женщинам.

Вернулся в голову отряда.

— Доведу до первого колодца и брошу! — сказал он в сердцах своему взводному, — дам пшена, воблы, а дальше — как сами знают.

— Ты у каждого колодца так говоришь, — хмуро ответил взводный.

— А что же я их и вправду бросить должен? — заорал Рахимов в отчаянии. — Они же умрут как мухи… в этой пустыне!»

Если внимательно присмотреться к поведению Рахимова в этом эпизоде, выпавшем из сюжета кинофильма, то оно напоминает поведение пастуха, не умеющего управиться с изрядно надоевшим ему стадом баранов даже посредством плети и окрика. Но такова подлинная миссия психического троцкизма по отношению к национальным толпам и национальным “элитам”, которые он одинаково презирает. Выступая на словах за интернационализм, на деле троцкизм создаёт условия для паразитирования национальных “элит” на национальных чувствах толпы, закладывая тем самым под будущую дружбу народов бомбу буржуазного национализма, которая обеспечивает троцкизму реальную власть в обществе. Марксизм — вторичен по отношению к психическому

троцкизму и, будучи его порождением, унаследовал и его главное качество: по оглашению — одно, по умолчанию — другое. Так, провозглашая лозунги борьбы за социальную справедливость и не раскрывая механизма её достижения, он по существу всегда оставался учением “элитарным”, чуждым нравственности простого народа. Поэтому всякое его заигрывание с национальными “элитами” на деле оборачивалось бедствиями для национальных толп России и Советского Союза. Не понимая причин этих бедствий и не различая особой роли психического троцкизма в организации того, что принято в “элитарной” среде называть “внутренней политикой”, национальные толпы и национальные “элиты” воспринимали удары плетей своих пастухов, как удары судьбы. На это обстоятельство в свое время обратил внимание М.Е.Салтыков-Щедрин:

«Мужик даже не боится внутренней политики, потому просто, что не понимает ее. Как ты его не донимай, он все-таки будет думать, что это не “внутренняя политика”, а просто божеское попущение, вроде мора, голода, наводнения с тою лишь разницею, что на этот раз воплощением этого попущения является помпадур (администратор-управленец: наше пояснение при цитировании). Нужно ли, чтобы он (мужик: наше пояснение при цитировании) понимал, что такое внутренняя политика? — на этот счет мнения могут быть различны; но я, со своей стороны, говорю прямо: берегитесь господа! потому, что как только мужик поймет, что такое внутренняя политика — ni-ni, c’est fini! (кончено)» — “Помпадуры и помпадурши”.

Вернёмся к киноповести.

«— Глянь-ка, — вдруг удивленно сказал взводный. Он увидел Сухова, который неторопливо шагал по пустыне метрах в двухстах от отряда.

Рахимов вытащил свой револьвер и дважды выстрелил в воздух. Сухов остановился.

— Кто такой? — спросил Рахимов, подъехав.

— Сухов.

— Врёшь?! — удивился Рахимов и спрыгнул с коня. Подал руку. — А я Рахимов. Слыхал?

— Сухов кивнул.

— А мне говорили, что ты демобилизовался, — продолжал Рахимов. — Слух идёт, что ты уже в Астрахани.

— Пришлось задержаться, — сказал Сухов и оглядел стоявших вокруг бойцов. Они с любопытством смотрели на него».

Иносказательно здесь речь идёт о том, что большевизм и психический троцкизм, давно зная о существовании друг друга, тем не менее в открытое информационное столкновение не вступали. Читатели, хорошо осведомленные по части истории партийных разногласий и непримиримой борьбы, которую повели с начала 30-х годов с троцкизмом сторонники Сталина, воспримут такое заявление с недоумением. И будут правы. Но в данном случае речь идет не о партийных разногласиях, а о многовековом противостоянии двух социальных явлений, которое в конкретный исторический период наиболее ярко проявилось через разногласия в целях, стратегии и тактике строительства социализма в России. Но даже эти, противостоящие друг другу партийные течения, не могли размежеваться идеологически, поскольку на уровне сознания в партийных дискуссиях они прибегали к общей для них марксистской терминологии, которой вынуждены были пользоваться для достижения по существу взаимно исключающих друг друга целей. И в фильме видно, что стратегия деятельности Рахимова и Сухова остается единой только до гибели Петрухи (символа русского марксизма).

Природа столь необычных “взаимоотношений” троцкизма с большевизмом обусловлена их мерой понимания подлинных целей библейской концепции управления и метода “культурного сотрудничества”, которым всегда пользовался психический троцкизм для достижения своих целей. В соответствии с этим методом, *каждый в меру своего понимания общего хода вещей работает на себя, а в меру непонимания на того кто понимает больше*. А поскольку библейская концепция управления — порождение психического троцкизма, то создается впечатление, что большевизм “работает” на троцкизм. В фильме эти сложные отношения социальных явлений символически отображены через показную внешнюю активность Рахимова, который самую труд-

ную часть работы предоставляет делать Сухову, фактически не столько приказывая, сколько предлагая сотрудничество (“Сухов! Помоги! С тобой мы его враз прикончим”). Но Сухов почему-то поначалу не проявляет особого рвения к “культурному сотрудничеству” в деле освобождения “женщин Востока”. Поэтому Сухов и обещал Рахимову поначалу лишь «довести женщин до Педжента», а после нападения на него бандитов (когда он купался в море), он берет Абдуллу только в заложники.

Дело в том, что хотя сюжет фильма привязан к периоду окончания гражданской войны, на уровне второго смыслового ряда он иносказательно освещает течение событий в СССР после XX съезда партии, на котором троцкисты действительно подавили большевизм, как политическое течение. Но главная проблема психического троцкизма — его неспособность к Различению на основе объективно складывающейся в обществе нравственности. Поэтому троцкисты самоуверенно полагали, что большевизм, как политическое течение в партии, и большевизм, как социальное явление русского народа, — одно и то же. Отсюда и удивление Рахимова при встрече с Суховым и его вера слухам о “демобилизации”, то есть об идейном разоружении большевизма. При этом следует помнить, что троцкисты после апрельского объединения 1917 г. с большевиками всегда утверждали, что они — истинные большевики, а «троцкистами» их называют извратившие большевизм сталинцы (сталинисты); соответственно внешне и те, и те были «большевиками» — товарищами по одной и той же партии, что мы и видим в сюжете киноповести.

«У костра Рахимов делился с Суховым своими бедами.

— Двадцать семь дней за ним гоняюсь. Пол-отряда потерял. Третьего дня в Черной крепости совсем было накрыли — из рук ушел… Лютует. Ни своих, ни чужих не жалеет — совсем озверел! Грабит, жжет, режет всех подряд — и старых и малых. Жен своих и то не пожалел: перестрелять хотел… В последний момент спасли. Одну убил.

— Видел я его работу, — сказал Сухов.

— Ну, ничего, — скрипнул зубами Рахимов. — Я этого Абдуллу всё равно достану!.. Весь песок в пустыне

просею. Своими руками задушу! Лишь бы морем не ушел. А так он со всех сторон обложен».

Режиссерская интерпретация этого эпизода в фильме иная, но понять её можно лишь применив ключи-символы иносказания. Ну кажется какая разница в том, с кем делится Рахимов своими бедами: с Суховым или с Петрухой? На уровне сюжета оба — всего лишь бойцы Красной Армии, ведущие борьбу с остатками банд басмачей. А на уровне второго смыслового ряда? В киноповести троцкизм “делится своими бедами” с неподвластным ему социальным явлением русского народа — большевизмом, желая решить свои проблемы его руками; в фильме — с русским марксизмом, идеологически (то есть прежде всего терминологически) связанным течением в так называемой “коммунистической” партии. И потому объяснение действий Абдуллы в фильме — иное, соответствующее мере понимания русского марксизма.

Петруха: «За что он их, товарищ командир?»

Рахимов: «Бандит! Как добрались мы до этих мест, Абдулла решил уйти за границу, а гарем, стало быть — в расход, чтоб никому не достался. Нет, с женщинами нам Абдуллу ***не догнать***. Он потому и разделаться с ними хотел, что связывали они его, и бросать их здесь нельзя».

Иными словами, в диалоге Петрухи и Рахимова иносказательно упакован новый (по отношению к православно-монархическому) — марксистско-троцкистский исторический миф.

Впервые лозунг: “***Догнать и перегнать*** передовую страну Запада — США!” — выдвинул недобитый троцкист и рьяный обличитель “преступлений сталинизма” Н.С.Хрущев. Под термином “догнать и перегнать” само собой подразумевалось экономическое соревнование, но при этом не объяснялись причины экономического чуда в государстве-лидере библейской цивилизации: ничего содержательно о ростовщичестве при утверждении «американцы умеют работать» Хрущев и хрущевцы не говорили (Смеляков, книга “Деловая Америка”).

“Счастлив был и я неосторожно, слава Богу счастье не сбылось. Я хотел того, что не возможно; хорошо, что мне не удалось!”, — строки из песни времен застоя, отражающие меру по-

нимания народов СССР на уровне коллективного бессознательного. В конце XX столетия для поддержания своего экономического лидерства в мире США вынуждены потреблять 40 % всех энергоресурсов планеты и на их долю приходит 70 % всех вредных отходов производства. “Догнать и перегнать!” — это означает сожрать вторую половину энергоресурсов и всю биосферу планеты, которая такой “гонки” просто не выдержит. Большевизм во времена сталинизма такую гонку не считал жизненно необходимой и имел свое мнение о методах борьбы с библейской концепцией управления.

«В Черной крепости его через трубу надо было брать, — вздохнул Сухов.

— Так он через неё и ушел. Я же не знал, что там ход. Сухов! — вдруг взмолился Рахимов. — Помоги!.. С тобой мы его враз прикончим. Ты ведь один целого взвода стоишь, а то и роты».

Отсюда можно понять, что большевизм неплохо информирован о методах ухода от ответственности за содеянное зло осуществляющих глобальную экспансию на основе библейской концепции управления, но раскрыть существо этих методов, опираясь только на тексты киноповести и фильма, которые в этом эпизоде идентичны, невозможно не приняв во внимание предысторию, изложенную в киноповести, из которой и становится понятно о какой трубе идет речь.

“Абдулла проснулся мгновенно. Сбросив с себя руку спавшей рядом жены, он схватил карабин и одежду, отбежал к стене, в верхней части которого был выход из подземелья. Отсюда просматривались два марша лестницы, которая вела к дверям.

Абдулла натянул на себя штаны из мягкой замши, перехватил халат широким ремнем, на котором висело две кобуры. Наверху уже строчили пулеметы. Визжали на своей половине женщины, сбившись в кучу, как овцы[1].

[1] Важный момент для понимания того, что на уровне второго смыслового ряда для Абдуллы и для Рахимова обитатели гарема (национальные “элиты”) одинаково представляются стадом заблудших овец.

Двое нукеров Абдуллы уложили нескольких красноармейцев, но тут же были скошены зашедшим в тыл пулеметчиком. Пулеметчик увидел вход в подземелье и бросился в него.

Абдулла продолжал хладнокровно одеваться. Он завязал шнурки одного чарыка и стал надевать на ногу другой. В проеме двери появился красноармеец с пулеметом. Продолжая одеваться Абдулла вскинул левой рукой карабин и не целясь выстрелил. Убитый покатился по лестнице вниз, к ногам жены Абдуллы. Та, вскрикнув, отпрянула в угол.

В стене повернулась железная каменная плита, и из тайника вышел пожилой нукер.

— Прости, ага, что потревожил тебя. Кто-то нас предал.

— Этот Рахимов никогда не начинает воевать вовремя, всегда на полчаса раньше, — недовольно проворчал Абдулла.

— Надо уходить, ага, мы окружены.

— Четки, — сказал Абдулла, ощупывая карманы халата, — ищи четки!

Абдулла принялся шарить под подушками. Он раскидывал ногами подносы с едой, растоптав несколько спелых персиков. На лестнице появились два красноармейца. Абдулла два раза выстрелил, красноармейцы упали по обе стороны лестницы. Нукер перевернул труп бойца, которого Абдулла убил первым, и протянул Абдулле четки, которые оказались под убитым. Абдулла облегченно вздохнул, приложил их к глазам и спрятал на груди.

— Займись ими, — кивнул Абдулла в сторону кричащих женщин.

— Нельзя, чтобы они достались этим необрезанным собакам.

Нукер кивнул и лязгнул затвором пулемета.

Абдулла схватил за руку любимую жену и потащил её в потайную дверь. Нукер сорвал полог и навел пулемет на женщин. Те с воплями закрылись подушками. Раздалась очередь…

Нукер уронил голову на гашетку пулемета. Сбежавшие по лестнице красноармейцы бросились к тайнику.

Картина 2. Восток — дело тонкое

Добравшись до конца подземного хода, Абдулла прижал к себе жену и, загораживаясь ею, вылез через широкую трубу на поверхность. Здесь под деревьями стояли две лошади и несколько джигитов. Продолжая прикрывать себя женой, Абдулла побежал к лошадям. Его заметили слишком поздно. От крепости раздались крики и выстрелы. Схватив повод второй лошади, Абдулла вскочил на вороного жеребца и, выстрелив в жену, огрел жеребца камчой.

Рахимов и трое красноармейцев скакали от крепости.

Абдулла легко уходил. Осадив коня, Рахимов выстрелил несколько раз и в отчаянии швырнул карабин на землю.

— Опять ушел!

— У него четки заговоренные, — сказал красноармеец-узбек.

— Кони свежие, — сказал Рахимов».

Из кинофильма этот эпизод выпал полностью и потому разговор Рахимова с Суховым о трубе становится неопределенно-иносказательным. Оба знают о чём говорят, но для зрителя вопрос о “трубе” остается закрытым завесой какой-то тайны. И опять можно понять прямолинейную логику кинорежиссера, выбросившего этот эпизод из фильма: многим либеральным интеллигентам неприятно, что воспринимаемый ими в качестве «исламского фундаменталиста» Абдулла (в прямом значении это имя означает «Раб Бога»), главарь банды оказывается более дееспособным, нежели их предтеча с псевдонимом «Рахимов» (какой псевдоним тоже происходит от одного из наименований Всевышнего в мусульманской культуре) вместе с возглавляемым им отрядом.

Но существуют и более глубокие, подсознательно действующие автоматизмы, оказавшие влияние на принятие такого решения кинорежиссером: в киноповести есть скрытый намек на сговор Абдуллы и Рахимова. Причем намек сделан настолько тонко, что прямо обвинить Рахимова в пособничестве бандитам невозможно, да и авторы киноповести удивились бы, ознакомившись с подобной интерпретацией внешне ироничного высказывания главаря банды:

«— “Этот Рахимов никогда не начинает воевать вовремя, всегда на полчаса раньше”, — недовольно проворчал Абдулла», — будто обвиняя Рахимова в нарушении договорённостей. Действительно подсознанию доступна не только надводная, но и подводная часть “информационного айсберга”, и потому оно глубже оценивает ситуацию; если же это подсознание еще и двух творческих личностей, то в целом оно намного мощнее каждого из них в отдельности и способно оперировать более широкими категориями, чем сознание отдельно взятого В.Ежова или Р.Ибрагимбекова. Другими словами, вне зависимости от намерений авторов киноповести, их коллективное подсознательное на уровне второго смыслового ряда способно выстроить сюжетную линию, в которой будет самостоятельно развиваться процесс, охватывающий социальные явления более высокого порядка, по сравнению с явлениями доступными их сознанию. И только заглянув в этот процесс, зритель или читатель сможет увидеть как в единое целое связываются все нелогичности и умолчания доступного его сознанию сюжета. Да, психический троцкизм и библейская концепция управления — социальные явления одного и того же порядка; да, меж ними действительно существует сговор, но его нельзя воспринимать как сговор двух личностей. Этот сговор обусловлен объективной нравственностью людей, причастных библейским догмам и извращениям психического троцкизма.

Четки — единственная деталь, определяющая причастность Абдуллы к религиозной обрядности и связующая его, как символ, с явлением идеалистического атеизма, одинаково свойственного всем исторически сложившимся религиям, основанным на искажениях откровений пророков, которые обращались к обществам с напоминанием об истинной вере непосредственно Богу — Творцу и Вседержителю. В сцене, выпавшей из киноповести показано главное: четки для Абдуллы дороже и нукеров, которые ему бездумно и беззаветно служат, и жен. Этот эпизод и отдельные, значимые для понимания второго смыслового ряда его фрагменты, выпали из содержания кинофильма не случайно, а как отражение подсознательной приверженности кинорежиссера к мировоззрению калейдоскопа, давшего начало и психическому троцкизму и его главному детищу — библейской концепции управления.

Картина 2. Восток — дело тонкое

Разговор в фильме Сухова с Рахимовым о “трубе”, через которую следовало бы брать Абдуллу, без эпизода с бегством через подземный ход, подталкивает ассоциативное мышление зрителя в направлении, необходимом коллективному бессознательному, под воздействием которого пытается править матрицу возможных вариантов развития России кинорежиссер Мотыль.

Один из таких вариантов озвучил современный троцкист Г.Явлинский:

«В России система «капитализма для узкого круга ограниченных людей» сложилась почти сразу на основе стремительного растаскивания богатств бывшей сверхдержавы и полукриминального доступа к огромным природным ресурсам. Именно это определило корпоративный характер отношений Денег и Власти, тип экономической модели после падения коммунизма[1]. Сложилась типичная олигархически-сырьевая модель развития. Власть давала доступ к «трубе», «труба» — деньги.

А деньги приносили ещё больше власти.

Сознательная ориентация на такую модель с самого начала была порочной и развращающей.” (“Известия”№ 112, 1999 г. Г.Явлинский, статья “Азиатский грипп и российская пневмония”, глава “Экономика «трубы»”)

Почему в России сложилась именно такая система капитализма, определившая не полукриминальный, а именно криминальный характер отношений Денег и Власти, Явлинский не говорит, да и сказать не в состоянии, поскольку в этом случае он должен был бы указать на источник криминальных отношений Денег и Власти, лежащий в основе библейской концепции управления — на доктрину “Второзакония-Исаии”. Но именно в свете высказываний молодого троцкиста Г.Явлинского и следует понимать фразу Сухова: “В Старой Крепости его (Абдуллу) через трубу надо было брать”.

---

[1] Преемник Рахимова не видит разницы между марксизмом и коммунизмом и потому воспринимает падение в России марксизма (разновидности материалистического атеизма), как отказ народов от борьбы за социальную справедливость.

Экономика Российской империи до революции тоже была замкнута на “трубу”, то есть по сравнению со странами Западной Европы основу её экспорта составляли продукция сельского хозяйства и различные виды первичного сырья: лес, нефть, уголь, руды различных металлов. Причём большинство акций предприятий обрабатывающей промышленности, а также предприятий сырьедобывающих отраслей принадлежали в основном иностранцам еврейского происхождения, что уже тогда способствовало превращению России в сырьевой придаток Запада, для которого библейская концепция — мировоззренческая основа формирования стереотипов отношения к явлениям внутреннего и внешнего мира.

“Брать через трубу” — иносказательно поданная троцкизму большевизмом рекомендация “перекрыть кислород” Западу, экономика которого уже тогда в основе своей была завязана на сырьевые ресурсы России. И предположение о том, что Рахимов понял о какой “трубе” идёт речь, подтвердил троцкист в третьем поколении Г.Явлинский.

В словаре русского языка В.И.Даля можно найти и прямую расшифровку умолчания, связанного со словом “труба” (в контексте содержания фильма): *проходная труба — подземный ход.* В последних сценах фильма через *проходную трубу — подземный ход* — Сухов уводит женщин из Педжента, спасая их от Абдуллы

“— Слушай, хоть женщин возьми, ты подумай. Три дня просидел у Старой Крепости — глаз не смыкал, думал вернётся Абдулла к гарему. По рукам и ногам связали, проклятые, “ — пытается в фильме склонить на свою сторону Сухова Рахимов. А вот как этот эпизод выглядит в киноповести:

“— Сухов! — сказал Рахимов совсем жалобно. — Доведи баб хоть до Педжента, сделай милость. По рукам и ногам связали — пешком ходим. Захвати их с собой, а?.. Этот черт<ов> гарем! Девять штук. Освободили. А теперь маемся. С ними нам Абдуллу никак не догнать.

— Зря, — сказал Сухов.

— Что зря? — не понял Рахимов.

— Освободили зря. Там бы они живыми остались. А теперь он их наверняка убьет, раз они у тебя в руках побывали.

— Да ты что! Мы даже лиц-то их не видели, понимаешь?

— Я понимаю, а Абдулла не поймет. Эх, ты, Рахимов, здесь родился, а Востока не понимаешь. Сперва надо было с ним управиться, а потом уж жен освобождать… Восток — дело тонкое.”

Так что у фразы “Восток — дело тонкое”, долгие годы бездумно повторяемой многими в качестве афоризма, по контексту киноповести имеется серьезная предыстория, которую можно не только “просчитать”, используя ключи к иносказанию, но и правильно понять, применив эти ключи к рассматриваемому фрагменту сценария. При этом откроется внутренняя противоречивость психического троцкизма.

С одной стороны, троцкизм рассчитывает, что большевизм “доведёт” национальные “элиты” бывшей России, временно освобожденные от догматов Библии, до нового государственного образования (Педжент — не просто сценическая площадка, на которой разворачивается мистическое сценическое действо; Педжент одновременно — символ новой формы государственности цивилизации Россия — СССР), а с другой стороны, понимая приверженность национальных “элит” к паразитизму, сетует, что в решении проблемы “общего кризиса капитализма” на основе перманентной революции недавние обитатели гарема Абдуллы не помощники (“…пешком ходим… Освободили. А теперь маемся. С ними нам Абдуллу никак не догнать”).

И поворот в диалоге, внешне кажущийся нелогичным со стороны Сухова:

«— Зря, — сказал Сухов.

— Что зря? — не понял Рахимов.

— Освободили зря. Там бы они живыми остались. А теперь он их наверняка убьет, раз они у тебя в руках побывали», — неожиданно приобретает глубокий смысл.

Национальные “элиты”, зараженные психическим троцкизмом (по оглашению — одно, а по умолчанию — другое) с точки зрения Глобального Предиктора — порченые и ни на что другое, кроме

как на уничтожение после исполнения предназначенной им миссии паразитизма на теле своих народов, не годны. И ответ Рахимова: “Мы даже лиц-то их не видели,” — иносказательно говорит о том, что для троцкизма все национальные “элиты” — на одно лицо. А с точки зрения большевизма получается, что прежде освобождения народов и их управленческих “элит”, необходимо сформировать концепцию жизнестроя, альтернативную библейской: “Сперва надо с ним управиться, а потом уж жен освобождать… Восток — дело тонкое”.

«— Значит ты должен взять баб!

— Многовато для меня, — улыбнулся Сухов. — Одну бы мог для услаждения жизни.

Рахимов сразу посуровел.

— Не надо с этим шутить. Это первые освобожденные женщины Востока».

Это первый фрагмент текста киноповести, из которого можно понять, что Сухов и Рахимов по разному видят “освобожденных женщин Востока”. В толпо-“элитарном” обществе смысл жизни — в наслаждении: есть наслаждение — есть жизнь, нет наслаждения — нет и жизни. И этот принцип жизни в обществе с толпо-“элитарной” нравственностью насаждает “элита”, поскольку именно она является законодателем мод в толпе. Но и сама она ни для чего иного, как прожигания жизни и паразитирования на теле трудового народа, использована быть не может. Поэтому Сухов в определении предназначения женщин из гарема, точен: для услаждения жизни. Но здесь же видно и отношение большевизма к тому жизненному принципу, который исповедуют национальные “элиты” — принципу наслаждения: “многовато для меня, одну бы мог для услаждения жизни”. Последнее сказано в шутку и Рахимов понимает, что это шутка. Но если Сухов “и в шутку, и всерьез” последователен в своем отношении к гарему Абдуллы, то для Рахимова они то “бабы, которые по рукам и ногам связали”, то “первые освобожденные женщины Востока”. В этом — суть психического троцкизма, как социального явления.

«Сухов продолжал улыбаться. Вдруг он увидел Саида, который прихрамывая появился из-за бархана.

— Ты как здесь оказался? — удивился Сухов.

— Стреляли, — ответил Саид и уселся на песок».

Это первое появление Саида, который каждый раз будет и в дальнейшем возникать неожиданно как бы ***из-под земли*** и приходить на помощь Сухову, обеспечивая совместной деятельностью эффективный тандем. “Из-под земли” — хотя и образно, но по смыслу — очень точно: каждый раз как бы заново “откапываясь” и тем самым отвечая своей символической сущности — кораническому исламу. Коранический ислам, в отличие от ислама исторически сложившегося, — немногословен и максимально дееспособен, поскольку всё необходимое для осуществления деятельности во исполнение Божьего Промысла уже есть в Коране. Но кроме того, Саид еще и “прозрачен”, то есть невидим для людей с животным типом строя психики. Поэтому в фильме его не замечают ни Петруха, ни Рахимов, ни женщины гарема, ни даже, когда этого потребовали обстоятельства, “люди” Абдуллы. Саид напрямую, без посредников общается только с Суховым и Абдуллой. При общении коранического ислама с большевизмом возникает новое социальное явление, активное и деятельное, в направлении осуществления Божьего Промысла — русское Богодержавие, предтечей которого и был сталинизм.

“Люди” Абдуллы — бандиты, одеты кое-как. Саид внешне от них ничем не отличается и тем не менее Абдулла явно отдает ему предпочтение. Даже когда Саид застрелил двоих из банды, Абдулла не расправился с ним на месте, не разоружил, а лишь спросил: ”Зачем ты убил моих людей, Саид?”. Разоружил же он Саида только после того, как заподозрил его в сотрудничестве с Суховым. Всё это говорит о том, что Абдулла признает по каким-то признакам в Саиде личность равную себе и желал бы видеть в нём союзника, а не противника. Знает он о существовании Джавдета и о противостоянии ему Саида, после чего создается впечатление, что он желает Саиду помочь: “Я послал их сказать, чтобы ты не искал Джавдета в Сухом ручье. Его там нет”.

В этой фразе усматривается намерение Абдуллы выстроить линию поведения Саида в нужном для него направлении. Но Абдулла и Саид — символы, олицетворяющие противостоящие друг другу концепции управления глобального уровня значимости, а их информационное противоборство в конце XX века — суровая реальность для России и всего мира. Очевидно, что по мере роста

грамотности в странах мусульманской ориентации, коранический ислам словно подпочвенные воды, должен подниматься снизу очищаясь от догматов исторически сложившегося ислама. Законы шариата, на которые ссылается “элита” мусульманских стран, как и любое законодательство, всё-таки вторичны по отношению к Корану. Поэтому мусульманское духовенство относится к священному писанию точно также как и иерархия христианских церквей: они не дают верующим представление о Коране, как целостном учении, способном изменить жизнь людей к лучшему, а зачитывают и комментируют во время своих проповедей лишь отдельные его фрагменты, чтобы укрепить в сознании верующих незыблемость законодательных положений, выстроенных исламской “элитой” на основе Корана, в интересах прежде всего этих “элитарных” кланов. В безграмотности простых мусульман одна из главных причин того, что исторически сложившийся ислам доминирует над кораническим исламом. Но по мере роста грамотности приверженных исламу во всех странах и их самостоятельного изучения Корана “Саид всё более будет оживать, а Джавдет отмирать”. Вероятность такого развития событий не могла остаться не замеченной для приверженных библейской концепции, тем более что эта тенденция проявилась в арабских странах в процессе освободительной борьбы от колониальной зависимости, начиная со второй половины XIX столетия. В религиозном плане это освободительное движение сопровождалось очищением коранического ислама от наносов национального традиционализма, к которому тяготели все национальные “элиты”, приспосабливая исторический ислам к своекорыстным интересам своих кланов.

Как мог остановить Глобальный Предиктор этот процесс очищения? Только возглавив его! И он это сделал. Так появился “исламский фундаментализм” и “исламский терроризм”, провозгласивший борьбу за очищение веры. Оба термина взяты в кавычки потому что к кораническому исламу они никакого отношения не имеют. Они — специальные и целенаправленные средства формирования негативного отношения к кораническому исламу в библейской цивилизации. И всё это наиболее остро проявилось в постперестроечной России, в которой Глобальный Предиктор, по-

дыгрывая “исламскому терроризму” национальных “элит” Кавказа и Средней Азии, по сути стремится противопоставить народы России, завороженные библейским псевдохристианством, народам других стран, приверженным исторически сложившемуся исламу.

Но Абдулла, заигрывая таким образом с Саидом, играет с огнем. Так, в конце XIX столетия, чтобы предотвратить становление большевизма в России, он попытался заменить идеалистический атеизм Библии, на материалистический атеизм марксизма, в уверенности, что безграмотные православные русские всех национальностей не поймут, что всё это ветви одного мировоззренческого дерева. В результате он получил новую, неведомую для него форму большевизма — сталинизм. С кораническим исламом в Русской цивилизации произойдет нечто подобное, но на этот раз он будет иметь дело с мечтою А.С. Пушкина — Русским Богослужением[1] в Богодержавии, которое для него будет покруче коранического ислама.

Такими к концу XX столетия сложились отношения между библейской концепцией управления и кораническим исламом. Для людей с библейскими стереотипами отношения к явлениям внутреннего и внешнего мира коранический и исторический ислам не различимы. И если Коран вот уже 1300 лет обвиняет “обладателей писания” в искажении откровений пророков, то все библиисты в прошлом и в настоящем предпочитают эти обвинения обходить молчанием. Иерархи же всех конфессий, поддерживая в пастве ритуальное рвение к вероучениям, замалчивают основы Единого Завета, данные людям в последний раз через пророка Мухаммада, как напоминание о едином Боге, и по сути своей насаждают идеалистический атеизм многобожия. В цивилизации Россия идеалистический атеизм был преодолен к концу XIX столетия и потому ей был навязан психическим троцкизмом атеизм материалистический в форме марксизма, о чем иносказательно и повествует следующая сцена.

---

[1] «Я живу теперь не там, но верною мечтою люблю летать в Коломну, к Покрову и в Воскресенье там слушать Русское Богослужение» А.С.Пушкин, поэма «Домик в Коломне».

«— Слушай, Сухов, — сказал Рахимов, воспользовавшись паузой, — я тебе ***человека***[1] дам, лошадь, пшена… а, Сухов? Доведи их до Педжента. Сейчас ведь, может, на триста верст никого из наших…

— Это точно, — согласился Сухов».

Так большевизм получил в помощники от психического троцкизма материалистический атеизм в марксистской упаковке. Но фраза Рахимова «Сейчас ведь, может, на триста верст никого из наших…» иносказательно говорит о том, что психический троцкизм, навязывая большевизму в помощники материалистический атеизм, осознавал свою недееспособность в условиях России, ибо у Сухова и Рахимова были свои представления о “наших” и “не наших”.

Чтобы понять, о чём идёт речь, то есть — кто в понимании Сухова и Рахимова “наши” и “не наши”, необходимо сделать небольшое отступление в область человеческой психики.

Психика всякого индивида — многокомпонентная информационная система. Точнее психика — информационно-метрическая система, поскольку психика — это прежде всего алгоритмика, а *алгоритмика — это последовательность шагов преобразования информации, что невозможно без разного рода свойственных алгоритмике матриц — преобразователей мер, которые представляют собой разного рода «кальки» с объективной всеобъемлющей меры-матрицы — Высшего предопределения бытия*.

Психика порождает поведение человека на основе того, что в компьютерном деле принято называть информационным обеспечением. Информационное обеспечение поведения человека разнородно и включает в себя:

- инстинкты биологического вида «Homo Sapiens»;
- навыки, воспринятые из культуры общества в готовом к употреблению виде и отрабатываемые большей частью (как и инстинктивные программы) автоматически в ситуациях раздражителях;
- плоды собственных интеллектуальных усилий индивида;
- интуицию, которая также не однородна, а включает в себя:

[1] Прежде чем «человека дать», надо сначала его «иметь», а для этого надо уметь видеть различие в типах строя психики индивида.

- результаты автономной (изолированной от среды) работы бессознательных уровней психики самого индивида;
- духовное (биополевое) воздействие на его психику коллективной психики, в поддержании которой индивид соучаствует в духовном мире;
- наваждения извне и одержимость, как результат полевого воздействия на индивида со стороны других субъектов как воплощенных, так и бесплотных духов;
- непосредственное водительство Свыше.

Информационное обеспечение поведения, проистекающее из названных разнородных компонент, не во всех жизненных обстоятельствах бесконфликтно сочетается с информационным обеспечением поведения, проистекающим из других компонент. В зависимости от того, чему индивид отдает предпочтение, позволяя той или иной алгоритмике реализоваться в его поведении как в вещественном, так и в духовном мирах, складывается строй его психики, даже если индивид не осознает, что это такое. Вследствие неоднозначности отдания предпочтения при разрешении конфликтов между разнородными компонентами информационного обеспечения поведения в психике каждого, в обществе прослеживается более или менее ярко выраженная тенденция к поляризации:

- на одном полюсе те, кто большей частью бессознательно стремится всё подчинить удовлетворению своих инстинктивных потребностей;
- на другом полюсе те, кто более или менее осознанно стремится привести всё к ладу с Божьим промыслом и жить в русле Божьего водительства.

Первые являются носителями животного строя психики и по существу представляют собой говорящих человекообразных обезьян, более или менее выдрессированных воздействием культурной среды цивилизации. Вторые находятся на разных стадиях пути к тому, чтобы необратимо стать человеками — носителями человечного строя психики.

Между этими двумя полюсами общества рассредоточились (в математическом смысле статистического распределения) все ос-

тальные: разнородные биороботы-зомби — те, кто отвергает свободу своего разума в постановке и решении задач, а также отвергает и интуицию, подчиняя свою волю внешним факторам.

> Среди зомби выделяется один специфический отряд — демонические личности[1] — те, кто не отказывается от разума и интуиции, но отвергает при этом водительство Свыше и пребывает в опьянении своеволием как своим собственным, так и некоторых из числа окружающих воплощенных в веществе или пребывающих в полевой форме сущностей.

Но при более пристальном рассмотрении все зомби, включая и демонические личности, — одинаково носители животного строя психики, чьи инстинкты закованы в кандалы норм культуры или выступают (как в прямом, так и в извращенном виде) под разновидными масками оболочек формальных новшеств в культуре гедонизма[2], подчиняющей все компоненты психики извлечению из всего и вся — удовольствий.

И именно с позиций признания этой объективной данности можно сказать, что общественный прогресс выражается в вытеснении в обществе одних типов организации психики другими, а не в технических достижениях, как полагают сегодня многие. И вследствие этого, всякое знание —лишь приданое к строю психики, что по существу означает: любое знание, применяемое индивидом с животным типом строя психики, даёт обществу один результат; индивидом с типом строя психики зомби — другой; демонической личностью — третий, но то же самое знание, используемое носителями человечного строя психики, даёт обществу ре-

[1] «Неистощимой клеветою / Он Провиденье искушал; / Он звал прекрасное мечтою; / Он вдохновенье презирал; / Не верил он любви, свободе; / На жизнь насмешливо глядел — / И ничего во всей природе / Благословить он не хотел». (А.С.Пушкин, “Демон”).

[2] Гедонизм (от греческого hedone — удовольствие) — направление в этике, утверждающее наслаждение, удовольствие как высшую цель и мотив человеческого поведения (Эпикур). В новое время характерен для утилитаризма. Утилитаризм — принцип оценки всех явлений с точки зрения их полезности. Если не уходить от слов современных живых языков, то гедонизм это — рабство в безоглядно всепожирающем, и потому самоубийственном, сладострастии.

зультат отличный от первого, второго и третьего. Согласно этому человечество может продвигаться:

- в направлении скотства при статистическом преобладании животного строя психики, когда человекообразных цивилизованных обезьян будут пасти биороботы, запрограммированные культурой, при господстве над теми и другими демонических личностей;
- в направлении биороботизации, когда скотство будет беспощадно подавляться, а над массой биороботов будут, как и в первом варианте господствовать демонические личности;
- в направлении человечности, в которой скотство, биороботизация и демонизм будут поставлены в состояние невозможности осуществления.

Соответственно глобальная политика — деятельность в продвижении человечества к одной из этих взаимоисключающих друг друга «окончательных целей», вне зависимости от того, осуществляется эта деятельность под водительством животных инстинктов и их культурных оболочек; под водительством запрограммированности культурой; под давлением одержимости демонических личностей другими демонами; либо по свободной воле разумного человека, не глухого к *Языку Жизни, в котором каждое событие имеет Свыше адресованный человеку* **объективный смысл**, который человек способен понять субъективно как в меру свойственной ему праведности, так и в меру свойственной ему порочности. То есть человек способен выявить двойственный смысл, после чего может по своему субъективному произволу определить, какой из них ближе к объективному Добру, а какой — к объективному Злу, и вести себя соответственно тому или другому.

Данное здесь понимание различных типов строев психики позволит читателю в дальнейшем более точно ориентироваться в предложенной нами символике на уровне второго смыслового ряда.

«— Вот и хорошо, — почему-то обрадовался Рахимов, — вот и договорились… По коням! — заорал он, вскочив на ноги. Сухов продолжал лежать на песке, удивленно глядя на него».

Последние слова этой фразы по умолчанию говорят о том, что в слово “наши” Сухов вкладывал иной, чем у Рахимова смысл, а оценка эмоционального восприятия происходящего Рахимовым (почему-то обрадовался) говорит об отношении авторов киноповести (конечно, не осознаваемом) непосредственно к троцкизму. И это отношение, как будет показано ниже, — насмешливо-ироничное.

«— Товарищи женщины! — Рахимов уже был в седле. — Не бойтесь! С вашим мужем-эксплуататором мы покончим, а пока вы поступаете в распоряжение товарища Сухова. Он будет вас кормить и защищать. Он хороший человек!»

Поисками “хорошего человека”, обеспечивающего кормление, охрану и выдачу необходимых для бездумного паразитизма распоряжений, обычно озабочено толпо-“элитарное” общество; народам же органично присуще стремление к развитию самоуправления, поскольку они сами способны себя и накормить и защитить.

Как показывает исторический опыт, процесс становления власти Советов в России шел «снизу» по инициативе трудящегося большинства в очень короткий период с ноября 1917 по май 1918 года и его естественное течение было прервано гражданской войной, потому что *РСДРП (б) только окучивала этот процесс, во многом извращая его продвижением троцкистов на руководящие посты в условиях безграмотности большей части нееврейского населения страны,* что и привело к весьма специфическому лозунгу Кронштадтского восстания (28 февраля — 18 марта 1921 г.) «За Советы, но без коммунистов!», поскольку троцкисты того времени — сионо-интернацисты, основной партийный актив — еще именовали себя по названию партии «коммунистами», а не по псевдониму своего лидера и кумира. Правильнее было бы «За Советы без марксистов и библиистов!», поскольку коммунизм и тогда и сегодня нуждается в очищении от марксизма, а Учение Христово — в очищении от библейской мерзости. И этот лозунг актуален не только в России и не только в наши дни.

Во многонациональной и многоконфессиональной Российской империи троцкизм в период становления советской власти сразу после революции активно препятствовал вхождению большевизма

в культуру Богодержавия. Поэтому с точки зрения большевизма, символически представленного в фильме образом Сухова, после гражданской войны народам России не было смысла объединяться в Союз **на базе марксизма**, поскольку учение внука двух раввинов было всего лишь своеобразной модификацией библейской концепции управления. Отсюда и краткий ответ Сухова на домогательства Рахимова:

— Рахимов, я домой иду.

В киноповести открывается содержательная сторона этого ответа:

«— Нет уж, хватит, — сказал Сухов. — Мне домой пора. Я и так большой крюк дал. Теперь по гипотенузе пойду — ***она короче***[1]. До Астрахани дойду, а там до Нижнего — ***по воде***[2]… Ты уж пойми меня — не могу».

В фильме эпизод “прощания” Рахимова с Суховым изменен совсем немного, но эти изменения значимы, поскольку Мотыль, в силу своей приверженности библейской концепции, по-прежнему неосознанно дополняет мозаику второго смыслового ряда на уровне сюжета иносказательно изложенного повествования. Не обращая внимания на слова Сухова, Рахимов продолжает:

— Ты возьми, а мы пока Абдуллу поймаем. Он сейчас у Сухого Ручья. Ты их только до Педжента доведи, всё-таки от бандита подальше. Я тебе человека дам, лошадь, пшена, а, Сухов. Сухов, да сейчас может быть на 300 вёрст никого из *наших* нету!

Здесь появилась вставка о местонахождении Абдуллы, которой нет в киноповести, причем в качестве ориентира упоминается Сухой ручей. Как уже было отмечено, о Сухом ручье упоминает Абдулла, когда хочет помочь Саиду разделаться с Джавдетом. Что это, случайное совпадение или еще один “пароль доступа” в систему подсознательных ассоциативных связей кинорежиссера?

[1] Здесь большевизмом высказано стремление идти по прямому пути, что подсознательно отождествляется с одним из важнейших положений Корана: 177(178). Кого ведет Аллах, тот идет по прямому пути; а кого Он сбивает, те — понесшие убыток.

[2] А в этой фразе — своеобразное предвидение будущего процесса размежевания большевизма с троцкизмом через Концепцию Общественной Безопасности на основе “Мертвой воды”.

Дальше текст киноповести и фильма содержательно не расходятся:

— Это точно, — соглашается Сухов[1].

— Вот и хорошо, — почему-то обрадовался Рахимов, — ***вот и договорились***… По коням! — заорал он, вскочив на ноги. Сухов продолжал лежать на песке, удивленно глядя на него.

— Товарищи женщины! — Рахимов уже был в седле. — Не бойтесь! С вашим мужем-эксплуататором мы покончим, ***а пока вы поступаете в распоряжение товарища Сухова.*** Он будет вас кормить и защищать. Он хороший человек.

Другими словами, троцкизм, не вникая в существо подлинных целей большевизма[2], считает что «они договорились», полагая что большевизм отказался от долговременной стратегии угодной Богу — «идти прямым путем». Надеясь покончить с *общим кризисом капитализма*[3] через механизм перманентной революции, троцкизм не скрывает своих подлинных целей — навязать прежние толпо-“элитарные” отношения в национальных толпах ему подконтрольных. Словами «а пока вы поступаете в распоряжение Сухова» он лишь на какое-то время передает опеку над ними большевизму в полной уверенности, что с Суховым «договорился». Так в фильме иносказательно показана вынужденность временно-

---

[1] Внешне в ответе Сухова — согласие с Рахимовым, но по существу большевизм и троцкизм вкладывали каждый свое содержание в слово «наши». Если же судить о мировоззрении, к которому были привержены народы Средней Азии после революции, то действительно таких явлений, как «троцкизм» и «большевизм», более свойственных центральной России, там не наблюдалось, а доминировал исторически сложившийся ислам.

[2] К сожалению эти цели большевизмом не были представлены в долговременной концепции управления, в которой он терминологически и понятийно размежевался бы с троцкизмом. Вследствие этого большевизму и троцкизму была свойственна общность фразеологии, в том числе и некоторых лозунгов, которые понимались взаимоисключающе разными социальными слоями: либо в соответствии с единством смысла умолчаний и оглашенных лозунгов — это большевизм; либо оглашения служили прикрытием для отрицающих их умолчаний — это троцкизм.

[3] Еще одна сторона явления, представленная в фильме образом Черного Абдуллы.

го союза троцкизма с большевизмом под давлением сложившихся обстоятельств.

“— Стой! — закричал Сухов. — Стой! — Он вскочил на ноги.

Но отряд уже скакал вслед за Рахимовым, оставив Сухову молодого красноармейца Петруху с двумя лошадьми (по киноповести — лошадь одна) и женщин.

Сухов подскочил к Петрухе и попытался дважды выстрелить, но каждый раз ***оружие*** давало осечку.

— Тьфу! Чтоб тебе! — Сухов в сердцах ***стукнул прикладом о песок, и раздался выстрел***.

— Ну что же, мне всю жизнь по этой пустыне мотаться?! — в отчаянии воскликнул он.”

Это единственный случай, когда Сухов теряет присутствие духа; во всех остальных ситуациях он демонстрирует завидное самообладание.

Выше было показано, что каждому из видов оружия, применяемых различными персонажами фильма, соответствует определенный приоритет «обобщенных средств управления-оружия» (пистолет и винтовка, являясь оружием одиночного боя — символ средств управления третьего — идеологического приоритета). Но поскольку пистолет — оружие командного состава, а винтовка — рядового, то в этой сцене иносказательно большевизм получает косвенное доказательство того, что идеология марксизма, приданная “в помощь” большевизму троцкизмом — оружие не эффективное до тех пор пока не вступит в контакт с массами (песком). Но даже после такого контакта, идеология марксизма кроме шумового (винтовка действительно выстрелила) никакого другого эффекта произвести не смогла. По ходу действия фильма зритель будет неоднократно получать подтверждение правильности такой трактовки эффективности идеологии марксизма (владелец винтовки так ни разу из неё и не выстрелил). Реакция коранического ислама на этот процесс символически предана в словах Саида:

«Саид молча наблюдал за Суховым.

— Не ходи в Пенджент, — сказал он, когда Сухов, бросив винтовку, повернулся к женщинам, — Абдулла придет туда.

— Конечно придет. Разве бросит он своих баб, — буркнул Сухов. — Подъем! — закричал он женщинам. Те испуганно вскочили на ноги».

В фильме помимо Старой Крепости речь идёт о неком городе Педженте. Первым о нём упоминает Сухов при расставании с Саидом, затем Рахимов просит проводить туда "женщин Абдуллы"; Саид предупреждает Сухова, чтобы тот не ходил в Педжент и, наконец, Абдулла рекомендует Саиду вернуться в Педжент и "не искать Джавдета в Сухом Ручье". В последних картинах фильма Сухов выводит женщин из Педжента через подземный ход, указанный ему хранителем музея Лебедевым.

Старая Крепость — символ бывшей Российской Империи, из которой народы, её населявшие, вышли, чтобы объединившись создать новое государственное образование — Союз Советских Социалистических Республик. Поэтому можно предположить, что СССР в фильме представлен символически именем Педжент. Кстати, города с таким названием нет в республиках Средней Азии. Но интересно то, что в переводе с английского, близкое по написанию к «pagent» («педжент») слово «pagan» («пэйган») означает — языческий. Как можно раскрыть содержание этого символа?

Советская власть отлучила (внешне, по крайней мере) иерархов всех исторически сложившихся вероучений от участия в управлении государством и потому с их точки зрения Советский Союз — государство языческое. Отсюда каждый из персонажей фильма, высказывая свое отношение к Педженту, оглашает цели концепции управления, выразителем которой он выступает. Большевизм не на словах, а на деле способствует объединению народов бывшей империи в новое государственное образование. Троцкизм на словах декларирует те же цели, но на деле национальные толпы для него — обременительная обуза и он фактически подставляет большевизм, да и народы, под удары библейской концепции, определив в "помощники" большевизму абсолютно бесполезный марксизм (Петруху) и толпо-"элитаризм" (двух лошадей). Самую трудную работу — вывод национальных "элит" и народов из под влияния идеалистического атеизма и приобщение их к атеизму материалистическому — марксизму, троцкизм оставляет больше-

визму. Коранический ислам, наиболее осведомленный о всех разновидностях зла библейской концепции, предупреждает большевизм об опасности его вхождения в новое государственное образование (Педжент), в котором присутствующие лишь в иной форме элементы библейской концепции управления рано или поздно должны привести к реставрации капитализма.

— Не ходи в Педжент, Абдулла придет туда, — говорит Саид.

Внешне Сухов с ним соглашается:

— Конечно придет. Разве бросит он своих баб.

А на самом деле большевизм тут же предпринимает серьезные меры противодействия библейской концепции, используя при этом возможности коранического ислама. Под его влиянием процесс формирования мировоззрения национальных толп от марксизма переходит к кораническому исламу, а сам большевизм начинает проявлять интерес к основе коранического ислама — Различению.

«— Отдай коня! — приказал Сухов Петрухе и показал на Саида. Петруха передал повод коня Саиду.

— А как вы их различали? — Сухов смотрел на закутанных в чадры женщин».

Последняя фраза Сухова выпала из фильма — тоже очень значимый момент идентификации мировоззренческой ориентации кинорежиссера, конечно им неосознаваемый. Но интересно, к кому большевизм обращается с множественным “вы”? Если предположить, что вопрос о Различении адресован к марксизму, то из предыдущего обращения да и из последующих видно, что с Петрухой Сухов на “ты”. Скорее всего вопрос ко всем, кто бездумно привержен библейской концепции управления и прежде всего к троцкизму. Но тогда этот вопрос не по адресу: ранее Рахимов за всех библиистов ответил вполне определенно:

— Мы даже лиц-то их не видели, понимаешь?

А это означает, что к Различению большевизму придется подниматься самостоятельно, уповая на помощь Вседержителя. Что же такое Различение? Прямо сложить об этом явлении представление на основе диалогов персонажей фильма или понять, что это такое, из текста киноповести сложно, но понять что есть Различение, опираясь на канву художественных символов, можно.

— Вот список, — подскочил к нему Петруха, вынув из кармана лист бумаги.

Сухов берет список, некоторое время разглядывает его, потом приступает к перекличке.

— Зарина, Джамиля, Гюзель… — читает он имена женщин, а те одна за другой выстраиваются перед ним в шеренгу, как солдаты. — Саида, Хафиза, Зухра, Лейла, Зульфия, Гюльчатай…

Гюльчатай в сторонке на песке играет с черепахой.

— Гюльчатай! — Сухов повышает голос.

Гюльчатай, бросив черепаху, подбегает к остальным женщинам.

— Напра… — кричит Сухов, когда она занимает свое место в шеренге, и… вдруг вспоминает свою супругу Екатерину Матвеевну. В кадре она возникает, прислонившись к молодой березке, как далекий, но оттого еще более желанный образ в резком контрасте с реальностью, предстающей шеренгой закутанных в чадры женщин. В этой картине нет ни слова о Различении и тем не менее оно здесь явлено через художественные образы как нельзя лучше, поскольку реально присутствующие “эти женщины” — совсем не “та”, к которой тянется душа Сухова. Способность осознанно отличить “это” от “не это” и есть суть Различения. Но тому, что в Коране названо Различением невозможно научить, также его не возможно и купить; оно дается Свыше по объективной, а не декларируемой нравственности каждому непосредственно Богом в темпе течения со-*бытий* в Жизни.

Сцена контрастного сопоставления безликих женских фигур на фоне безжизненной пустыни с видением Сухова глубоко символична. Она иносказательно показывает, что после информационных контактов с кораническим исламом проблема Различения для большевизма становится жизненной необходимостью и, как мы увидим дальше, видение будет повторяться в критических для Сухова ситуациях.

— За мной, барышни, — скучно говорит Сухов, так и не закончив команды.

Тяжело вздохнув, он шагает по песку. Женщины гуськом спешат за ним следом; за ними идет Петруха. Саид верхом на коне замыкает «колонну».

Картина 3. Здесь величайшие ценности

Сухов мысленно писал бесконечное письмо своей Катерине Матвеевне:

«Душа моя рвётся к вам, ненаглядная Катерина Матвеевна, как журавль в небо. Однако случилась у нас небольшая заминка… Полагаю суток на трое, не более, а именно: мне, как сознательному бойцу, поручили сопроводить группу товарищей с братского Востока[1]. Отметить надобно — народ подобрался покладистый, можно сказать душевный, с огоньком, так что ноги мои бегут по горячим пескам в обратную сторону, так как долг революционный к тому нас обязывает…»[2].

Они подошли к Педженту в разгар солнечного дня. Пыльный, каменный, одноэтажный городишко, отделенный от пустыни полуразрушенной стеной, был заметен издали по причине дворцовой постройки с куполами и минаретами, возвышавшейся над пологими барханами пустыни.

Сухов продолжал свое письмо:

“Еще хочу сообщить вам — дислокация наша протекает гладко, в обстановке братской общности и согласия. Идем себе по пескам и ни о чем не вздыхаем, кроме как об вас, единственная и незабвенная Катерина Матвеевна. Так что вот зазря убиваться не советуем. Напрасное это занятие…”

---

[1] Во — первых, для Запада Россия на востоке. Во — вторых, приходившие в Россию с востока и юга — многие оставались в пределах России в качестве её жителей, но Россия не влилась в пределы их исторической Родины.

Приходившие с запада — псы — рыцари от папы римского (1242 г.), от него же польская шляхта (1600-е гг.), наполеоновцы, гитлеровцы — обрели гибель в России точно также, как и доморощенные западенцы — византийско-старообрядческая иерархия (после 1653 г.) сменившая её никонианская иерархия (в 1918 — 1930-х гг.), после — Петровская “интеллигенция” (декабристы, белое движение, марксисты-интернацисты — все в своё время).

[2] В этом письме выразилось приписывание Марком Захаровым Сухову и Катерине Матвеевне животного строя психики: Сухов, якобы во избежание сцен ревности со стороны Катерины Матвеевны умалчивает о том, что сопровождает группу женщин. Иных причин к умолчанию нет.

Формирование России, как цивилизации, происходило методом упреждающего вписывания русской культурой культур вливавшихся в неё народов. Поэтому в письме о народах говорится, что они "подбирались". Конечно были случаи в истории России, когда официальные власти вели силовой захват территорий, однако, через некоторое время захваченные таким образом народы находили от такой российской "агрессии" больше пользы для себя, чем вреда, что и отражалось в их "покладистости".

Большевизм, как особо русское явление, ставящий интересы трудящегося большинства выше интересов "элитарного" паразитического меньшинства, не может быть "левым", поскольку всё "левое" в русском языке означает — ложное, и воспринимается в народе как наваждение сатаны, приводящее всех "левых" к атеизму. Также известно, что лгать человек научился по мере развития абстрактно-логического мышления и речи, за которые отвечает левое полушарие головного мозга. Вынужденный временный союз большевиков с левыми эсерами и меньшевиками — троцкистами, невозможность постановки вопроса о размежевании большевизма с марксизмом в дальнейшем, вплоть до выхода работы Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР" в 1952 году, обязательное изучение марксизма в школах и ВУЗах вплоть до 1991 года, как официальной идеологии левой КПСС — и есть те самые "три дня заминки" (примерно три поколения), в течение которых "ноги" большевизма шли в сторону, противоположную его естественным устремлениям к правде. Это стало возможным после того, как троцкизм навязал большевизму в качестве идеологии марксизм, который поддерживал в трех поколениях советских людей стереотипы толпо-"элитаризма"

На экране появляется надпись: *"На третий день"*

Группа женщин во главе с Суховым входит в город. Петруха привязывает коня к городской стене, а Саид въезжает в город верхом. Если Педжент — символ нового государственного образования России (СССР), то мы имеем дело с двумя знаковыми моментами: марксизм, приверженный к толпо-"элитаризму", сдерживает нравственное развитие народов образующих новый тип государственности (конь Петрухи привязан к стене), но этому процессу будет противостоять коранический ислам (конь Саида въезжает в город).

Сухов стучит в окованную железом дверь, над которой висит странная вывеска: "Музей Красного Востока". Странная в том смысле, что реальный музей предполагает собрание вещественных и письменных документов прошлого, а у "Красного Востока" пока

еще никакого прошлого нет, поскольку события фильма привязаны ко времени борьбы с басмачеством после революции и гражданской войны. Следовательно, в символическом плане “Музей Красного Востока” — “воспоминание о будущем”, а все дальнейшие события по отношению ко времени создания фильма (1969 год) — своего рода прогноз-иносказание.

«— Умоляю, только не в музей! Здесь величайшие ценности!

Голос был взволнованный, с чисто русским произношением.

— Погоди, — сказал Сухов, — открой дверь… Ты откуда взялся? — спросил он, увидев на пороге пожилого русского человека с бородкой клинышком и с тюбетейкой на голове.

— Я хранитель музея. Моя фамилия Лебедев.

— Понятно. А где население?

— Спряталось. Привести сюда гарем!

— Вот что, товарищ хранитель, — строго сказал Сухов, — эти девять освобождённых женщин Востока — тоже величайшая ценность. И давайте не спорить. Вопросы есть? Вопросов нет. За мной!

Сухов отодвинул хранителя и шагнул во двор. За ним последовали Петруха и женщины.

Лебедев остался у двери; он растерянно смотрел на бандита из шайки Абдуллы, который следил за ним из-за колонны, угрожающе выставив револьвер».

Сначала нужно разобраться, что именно Сухову стало “понятно” после выяснения личности хранителя музея.

В музей люди ходят получать новые знания, информацию об известных в прошлом, но непонятных в настоящем явлениях жизни.

Красный Октябрь, разом изменивший жизнь многих миллионов людей на одной шестой части планеты, скорее можно отнести к неизвестным явлениям будущего. Руководимые стремлением к социальной справедливости, под лозунгами “Вся власть советам”; “Религия — опиум для народа”, трудящиеся массы, составляющие большинство населения России, стремительно ворвались в неведомую ранее жизнь и начали формировать в обществе новую, отличную от библейской, нравственность. Большевистские вожди

назвали её социалистической, не дав вразумительного определения социализму не потому что не хотели, а просто потому что не могли этого сделать. Вне зависимости от лозунгов и целей, провозглашаемых вождями, их объективная нравственность оставалась толпо-“элитарной”. И требовалось время для становления новой нравственности.

Разноликие российские “элитарно” настроенные знахарские структуры и кланы, ушедшие “в подполье” и не желавшие после революции делиться с трудовым народом всей полнотой управленческого знания, оказались на какое-то время в более выгодном положении по сравнению с неграмотным в большинстве своем населением России. Но в реальной жизни не может быть монополии на любое знание, поскольку оно — результат осознанной деятельности всех поколений современной цивилизации.

Исторически же реально в беседе Сталина с автором “Войны миров” писателем-фантастом Г.Уэллсом, 25 июля 1934 года уже были видны результаты “посещения музея”, а также намеки на понимание сущности концептуальной власти:

Сталин: «Непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется и не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм социализма не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того, — социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности. В этом смысле непримиримого контраста между “индивидуализмом” и социализмом нет. <…> Мне кажется, г-н Уэллс, что Вы сильно недооцениваете вопрос о власти, он вообще выпадает из Вашей концепции[1]. Ведь что могут сделать люди даже с наилучшими намерениями, если они не способны поставить вопрос о взятии власти и не имеют в руках этой власти? Они могут, в лучшем случае, *оказать со-*

[1] По смыслу сказанного речь идёт о концептуальной власти.

действие[1] тому новому классу, который возьмёт власть, но сами перевернуть мир они не могут. Для этого требуется большой класс, который бы заменил класс капиталистов и стал бы полновластным хозяином, как он. Таким классом является рабочий класс[2]. Конечно, надо принять помощь *технической* интеллигенции и надо, в свою очередь, оказать ей помощь. Но не надо думать, что она, техническая интеллигенция, может сыграть самостоятельную историческую роль[3]. Переделка мира есть большой, сложный и мучительный процесс. Для этого большого дела требуется большой класс. Большому кораблю большое плавание». <…>

Уэллс: «… В настоящее время во всём мире имеются только две личности, к мнению, к каждому слову которых, прислушиваются миллионы: Вы и Рузвельт[4]. Другие могут проповедовать[5] сколько угодно, их не станут ни печатать, ни слушать[6]. Я ещё не могу оценить то, что сделано в вашей стране, в которую я прибыл лишь вчера. Но я видел уже счастливые лица здоровых людей и я знаю, что у вас делается нечто очень значительное. Контраст по сравнению с 1920 годом поразительный».

Период 1934 — 1939 годы явился периодом “культурной революции” в СССР. Было внедрено повсеместно — обязательное

---

[1] Лебедев всё-таки “оказал содействие” Сухову в конце фильма.

[2] Раз уж речь идёт о “мировом перевороте” (с учётом того, что на момент разговора везде толпо-“элитаризм”) значит и понятие “рабочий класс” у Сталина шире: это — класс трудящихся, т.е. все, кроме паразитов.

[3] Речь идёт о месте узкоспециализированного знания в объемлющем знании о Мироздании.

[4] Всё правильно: Уэллс назвал представителей двух противостоящих друг другу мировых концептуальных центров управления.

[5] Уэллс подтвердил, что Сталин является “священником, которого нет в обычных религиях” (см. выше), а, следовательно, — суфием.

[6] «...суфий может быть полезен человеку только в той мере, в какой этот человек верит в его возможности» (Идрис-Шах. “Суфизм”, «Клышников, комаров и К^{О}», Москва, 1994 г.). Рузвельта тоже слушают, но представитель глобального знахарства суфием быть принципиально не может.

первоначальное образование на языках многих национальностей, некоторые из которых не имели даже своей письменности. Количество школ по начальному и среднему образованию выросло в 1,5 — 2 раза; по высшему образованию — увеличилось на треть. Число библиотек увеличилось почти в два раза. Годовой тираж газет вырос в 1,5 раза. Другие показатели процесса массового получения знаний росли огромными темпами.

«Сухов вытащил из кармана гимнастерки список.

— Джамиля, Зарина, Гюзель… — приступил он к перекличке. Все женщины оказались на месте, кроме Гюльчатай, которая по складам пыталась прочесть вывеску музея».

И в начале и в конце XX века остается неразрешенным вопрос о причинах особой “грамотности” еврейства. То ли это доказательство наличия особых умственных способностей этой странной общности, маскирующаяся под нацию, но в этом случае мы имеем дело с проявлением “обыкновенного фашизма”, против которого выступают лидеры современного еврейства; либо здесь имеет место “обыкновенная мафиозность” очень древних кланов.

«— Гюльчатай! — повторил Сухов.

Торопливо перебежав двор, та заняла свое место».

Вроде бы как все, но тем не менее свое место в общем строю народов у еврейства всегда особое и фильме это не раз очень тонко подмечено.

«— До свидания, барышни, — сказал Сухов и передал список Петрухе.

— Может, еще денек побудете, товарищ Сухов? — взмолился тот.

— Да не робей, Петруха, — бодро сказал Сухов. — Завтра придет Рахимов, заберет тебя отсюда».

Так большевизм определил для себя необходимость размежевания с марксизмом и троцкизмом. Но, как покажут дальнейшие события, сделать это будет возможно лишь через “купание” в воде. Вода, как символ информации, всегда использовалась писателями и поэтами.

«Саид сидел, поджав под себя ноги, у стены, за дверью музея, и негромко напевал себе что-то под нос.

— Ну, Саид, счастливо оставаться, — сказал ему Сухов, — а я только в море ополоснусь и в дорогу… Смотри, больше не закапывайся…

Саид продолжая напевать, смотрел вслед Сухову».

Картина 4. Лучше, конечно, помучиться…

«Бандиты напали на Петруху, как только Сухов покинул дворец. Жестоко избив его, они вывели жен Абдуллы на улицу.

Петруха остался лежать ничком на каменных плитах музейного двора. Лебедев подбежал к нему, плеснул на окровавленное лицо воды…»

Этот фрагмент киноповести в кинокартине воспроизведен точно. Но для понимания его места в контексте иносказания следует обратить внимание на слова-символы: “дворец” и “ничком”, являющиеся своеобразными ключами к постижению содержания второго смыслового ряда.

Сухов — символ большевизма. После уничтожения Сталина большевизм покинул “дворец” (символ центра управления), и власть в СССР перешла в руки меньшевика и троцкиста Никиты Хрущева. По словарю В.И.Даля имя Никита — человек, лежащий ничком, не способный вникать в существо объективных процессов, а следовательно и управлять ими[1]. После прихода к власти скрытых троцкистов, открыто разорвавших связи с большевизмом, марксизм из учения “вечно живого” мгновенно превратился в мертвую схоластику, не представляющую никакой опасности для “элит” Запада. Большевизм же наоборот, освободившись от троцкистской зависимости, получил реальную возможность выйти за рамки правил игры, разработанных постановщиками мистерий библейской цивилизации[2], что позволило ему в кратчайшие сроки подготовиться к восприятию “иной” воды. Купание в воде (образ информационного обновления — вхождение в новую логику социального поведения) породило и новые проблемы во взаи-

---

[1] Видимо, хорошо понимая важность этой проблемы, А.С. Пушкин одного из героев своих сказок назвал Никитой:

Царь Никита жил когда-то / Праздно, весело, богато, / Не творил добра, ни зла, / И земля его цвела. // Царь трудился понемногу, / Кушал, пил, молился Богу / И от разных матерей / Прижил сорок дочерей (“Царь Никита и сорок его дочерей”).

[2] В этой связи напомним еще раз о значении слова «педжент» как о передвижной сценической площадке, выносящей сценическую постановку на улицы и площади городов.

моотношениях представителей библейской концепции управления и освободившегося от пут марксизма большевизма. Символически всё это представлено в следующей сцене.

«Сухов вышел на окраину Педжента, к морю, туда, где кончалась железнодорожная ветка и стояло несколько нефтяных баков. Вдалеке на железнодорожном пути, едва заметном, а кое-где погребенном барханами, виднелась одинокая цистерна. Вдоль линии тянулись телеграфные столбы с оборванными проводами.

На берегу, в метрах двадцати от моря, лежал, опрокинувшись на бок, довольно большой баркас».

Так в фильме впервые появляется образ толпо-“элитарной” библейской цивилизации, в которую входят и стремятся войти страны, выстраивающие свою жизнь на основе библейских ценностей. В список этих стран следует включить не только непосредственно страны Запада и Северной Америки, но и другие страны (Восточной Европы, некоторые страны Ближнего Востока, Южной Америки и др.), экономика которых управляется с надгосударственного уровня через институт кредитования с ссудным процентом. После смерти Сталина предатели-троцкисты, начиная с Н.С.Хрущева, начали переориентировать нашу страну на этот вектор целей и, как будет показано далее, большевизму придется с ним серьезно разбираться.

Если оценивать не столько экономическое, сколько нравственное влияние Запада на направление общественного развития человечества в целом, то можно сказать определенно: к середине XX столетия Запад действительно “был на мели и лежал на боку”. И дело не только в том, что к этому времени Русская цивилизация одержала победу над одной из ведущих стран западной цивилизации, подключив к борьбе с ней ресурсы Запада в лице США и Англии; и не только в том, что темпы её экономического роста после кровопролитной войны намного превосходили темпы роста экономики любой из “развитых” стран Запада. Дело в том, что в этой цивилизации, развивающейся в рамках государственности Советского Союза, впервые в истории человечества рождалась принципиально новая культура — культура больших народов, как альтернатива культуре «малых народов», если пользоваться тер-

минологией И.Шафаревича, введённой им в “Русофобии”. Более того, в процессе становления новой культуры большие народы повернули дело так, что не только “малые” народы, но даже их ударный отряд — еврейство — вынуждены были с завидным энтузиазмом, иногда достойным лучшего применения, принимать активное участие в этом процессе. Конечно, отдельные представители национальных “элит” в глубине души относились к новой культуре с презрением, по-прежнему тяготея к толпо-“элитаризму” Запада[1]. Но парадокс процесса становления новой культуры состоял в том, что по-настоящему большие народы смогли оценить её достоинства после того, как им стали доступны “шедевры” западной культуры. Все познается в сравнении[2], и потому за процессами становления жизни в СССР, после того как “Сталин растворился в будущем” (искупавшись в «воде»), пристально наблюдали те, кто давно связал свои цели с библейской концепцией управления…

«Сухов разделся, нырнул в воду и с удовольствием поплыл…

С баркаса за ним наблюдали два человека: русский унтер и бородатый азиат в меховой папахе. Когда он отплыл достаточно далеко, унтер спрыгнул на песок…

Искупавшись, Сухов вылез на берег и подошел к своим вещам.

— Руки! — раздался резкий окрик, когда он наклонился, чтобы взять с песка кобуру, лежащую сверху.

Кобура была пустой. Сухов бросил её и поднял руки. Унтер и бандит в папахе держали его под прицелами своих револьверов».

Марксизм, как идеология большевизма, — обобщенное информационное оружие третьего приоритета — к середине XX столетия исчерпал свои возможности. В этом смысле “кобура” Сухова действительно была пуста. Но символически эта сцена показыва-

---

[1] Так представитель самого живучего клана Михалковых — Никита Михалков сделал добровольное грзяносердечное признание по этому поводу на “Круглом столе” в Горбачев-фонде в 1994 году: “Мы вынуждены были прикидываться чумазыми, чтобы иметь власть”.

[2] Иначе: в основе познания — метрология и соизмерение объектов и эталонов.

ет: Запад какое-то время будет держать большие народы под прицелом идеологии толпо-“элитаризма” в надежде, что под их влиянием через одно-два поколение большие народы воспроизведут нужные Западу нравственно ущербные “элиты”, опираясь на буржуазный национализм которых впоследствии можно будет развалить государственность российской цивилизации и задушить ростки новой культуры.

«— “Красноармейцу Сухову. Комбриг Мэ Нэ Ковун». Именной…” — прочитал унтер дарственную надпись на револьвере Сухова и бросил его третьему бандиту, появившемуся на палубе баркаса…

— У Абдуллы было десять жен, — сказал бандит в папахе Сухову, когда на берегу появились конвоируемые бандитами женщины. — Куда еще одну подевал? Погоди, вот придет Абдулла, он тебе вырвет язык. Ну чего молчишь?

— Язык берегу.

— Тебя как?.. Сразу прикончить или желаешь помучиться? — спросил унтер.

— Лучше, конечно, помучиться, — сказал рассудительно Сухов.

Унтер ударил его кулаком по лицу».

Внешне в ответах Сухова слышна некоторая бравада, но на уровне второго смыслового ряда эти ответы содержательно значимы. Большой народ жив пока жив его “язык”. “Малый” народ и до революции 1917 года пренебрегал языком большого народа. Российская “элита” предпочитала между собой говорить на французском или немецком и так далеко зашла в своем отчуждении от большого народа, что во времена наполеоновского нашествия принималась русским ополчением за врага и не раз за то была бита. Русский язык был и в России и в СССР языком межнационального общения, и естественно что ростки новой культуры поднимались на основе русского языка. Угроза Сухову “вырвать язык” — своеобразный намек большевизму на слабое место в межнациональных отношениях больших народов. И после развала СССР национальные “элиты” сразу ударили по этому месту, буквально “вырывая русский язык” из новых институтов государственного устройства всех бывших республик Советского Союза.

Так они хотели сразу покончить с большевизмом в трудовой среде своих народов, а на деле получили мучительный процесс искусственного выращивания примитивного национализма. Противоречивость этого процесса в том, что в большинстве бывших республик по-прежнему меж собой в транспорте, на работе и других общественных местах люди говорят на русском языке, а делопроизводство, обучение в ВУЗах, школах, а также дикторы на радио и телевидении, вывески на магазинах и государственных учреждениях — на "национальных" языках[1]. "Нация", "этнос" — латинское и греческое названия русского слова "народ".

"Бандит в папахе выстрелом из револьвера подал сигнал, и от коновязи, устроенной у одного из нефтяных баков, к баркасу подскакал еще один член шайки Абдуллы.

— Семен, — сказал бандит в папахе унтеру, — скачи к Абдулле.

Унтер вскочил на лошадь…

— А ну шагай, — сказал бандит в папахе Сухову и вдруг заметил большие, величиной с будильник, круглые часы на руке Сухова; глаза его сверкнули. Сухов усмехнулся. Не опуская рук, он снял часы и бросил бандиту. Тот ловко поймал их. В ту же секунду Сухов в прыжке вырвал у него револьвер. Падая на песок он дважды выстрелил. Сперва упал бандит в красном жилете, за ним — любитель часов.

Жены Абдуллы в панике бросились в разные стороны.

Сухов резко перекинулся с одного бока на другой, чтобы выстрелить в третьего бандита на баркасе, но в этом уже не было необходимости.

Бандит хрипел и, извиваясь всем телом, пытался сорвать с шеи петлю аркана, наброшенную на него Саидом.

---

[1] Пример из жизни Латвии конца 1991 г.: Вся реклама и вывески в фешенебельных местах Риги — уже на латышском, объявление на вокзале «Требуются путевые рабочие» — на русском. Такое государство долго (по историческим меркам) не протянет.

Картина 4. Лучше, конечно, помучиться

— Ты как здесь оказался? — спросил Сухов, когда покончив с бандитом, Саид спрыгнул с баркаса и подошел к нему.

— Стреляли, — ответил Саид».

В фильме, в отличие от киноповести, почему-то сложилась иная бухгалтерия по отношению к гарему Абдуллы.

— У Абдуллы было одиннадцать жён, — куда ещё двоих подевал? — спрашивает Семен Сухова.

Кто же эти одиннадцать жён Абдуллы в контексте второго смыслового ряда фильма? И действительно ли две из них "задушены Абдуллой" или "покончили с собой" сами, как это программировал Абдулла? И почему их судьбой так интересуется унтер Семён? Ведь это не его гарем?

Чтобы понять иносказание этого фрагмента следует вспомнить, что данный фильм в какой-то мере и результат коллективного творчества, а оно отражает логику, которая намного шире логики индивидуальной (сценариста или режиссёра-постановщика). Согласно ключам к иносказанию "гарем Абдуллы" — народы России (СССР), временно вышедшие из под контроля идеалистического атеизма, т.е. библейской концепции управления. После "пролетарской" революции 1917 года Русская цивилизация (которую и сегодня многие воспринимают в качестве империи) частично была воссоздана в рамках Советского Союза за счет добровольного, на основе свободного волеизъявления "больших" народов (при бешеном сопротивлении "малых"), в который вошло 15 республик. "Частично", потому что "малые" народы Царства Польского и Великого Княжества Финляндского, навязав свою волю "большим" народам, хотели сохранить на их шее ростовщическую удавку библейской концепции (в ключах иносказания — стремились к тому, чтобы те сами покончили с собой, исполняя рекомендации Абдуллы). Вследствие бездумной политики русского марксизма в период революции они были вынесены за пределы Старой Крепости (Российской Империи, — по контексту иносказания; Педжент — Новая Крепость — СССР). Другими словами, они как бы сами "покончили с собой", а не были "задушены" как это объяснил Петрухе Рахимов.

Черный Абдулла — образ толпо-“элитарной” (библейской) концепции управления, которая проявляется в стереотипах поведения и отношения к явлениям внутреннего и внешнего мира, т.е. предусматривает в определённом смысле “самостоятельность” принятия решений, но… в рамках алгоритма поведения выработанного на основе концепции. Психический троцкизм, как социальное явление, возникшее задолго до рождения самого Бронштейна-Троцкого и породившее идеалистический атеизм Библии, не считает нужным посвящать других (в том числе и русский марксизм) в свою долговременную стратегию. Поэтому происшедшее с “двумя женщинами” остаётся загадкой и для Петрухи, и для Семёна.

Судьбой двух народов, исчезнувших из поля зрения бывшей управленческой “элиты” Российской империи, интересуется в лице Семёна её часть, оказавшаяся в эмиграции. Согласно ключам к иносказанию “гарем Абдуллы” должен состоять из 17 жён — по числу народов бывшей Российской империи. Но шесть жён из 17 (Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан) — Абдулле принадлежать не могли, поскольку для их “малых” народов — национальных “элит” — в идеологическом отношении был предпочтительнее исторически сложившийся ислам, т.е. обрядность, а не смысл Корана. И большевизму, повязанному сразу после революции марксизмом, по существу троцкизм в лице Рахимова мог передать лишь девять жён из гарема Абдуллы, то есть девять “малых” народов, поскольку “большим” народам — тем, кто производительно трудится во всех сферах общественного объединения труда, в отличие от паразитов — в гарем Абдуллы в принципе доступ закрыт. И не удивительно, что после августа 1991 года все национальные “элиты” — “малые” народы — выстроились в очередь с просьбой принять их в гарем Абдуллы.

Екатерина Матвеевна в эту девятку не входит. Её образ является в сновидениях Сухова как мечта-идеал о будущем “большого” народа, занимающегося цивилизационным строительством и потому она с первых кадров фильма — с открытым лицом и с пол-

ными ведрами воды. Лица "больших" народов всех наций[1] для марксизма непостижимы, закрыты; его мировосприятию доступны лишь их "элитарные" вывески. Причина такой "слепоты" марксизма — в нравственности "малого" народа, одинаково ущербной вне зависимости от национальной принадлежности "элит". Поэтому в фильме "свободные женщины Востока" для Петрухи — все на одно лицо (закрыты паранджей), а его "любовное" томление по Гюльчатай — своеобразное выражение неосознаваемой тяги марксизма к ударному отряду любого "малого" народа — еврейству.

«Бандит в папахе выстрелом из револьвера подал сигнал, и от коновязи, устроенной у одного из нефтяных баков, к баркасу подскакал еще один член шайки Абдуллы.

— Семен, — сказал бандит в папахе унтеру, — скачи к Абдулле.

Унтер вскочил на лошадь…»

Конь, лошадь в ключах иносказания — символ толпы. Образ Семена — западный вариант отечественного Верещагина, но оба — две составные части малого народа, разорванного революционными событиями Октября 1917 года. Соединились они в исторически конкретной личности соЛЖЕницина. И фраза: "Унтер вскочил на лошадь" в переводе с языка иносказания звучит так: стереотипы обывательского отношения к западной культуре овладели постсоветской толпой в результате чего невероятный по замыслу сценарий развала супердержавы № 2, расписанный в опусе "Как нам обустроить Россию" соЛЖЕницина, обрел черты исторической реальности.

"— А ну шагай, — сказал бандит в папахе Сухову и вдруг заметил большие, величиной с будильник, круглые часы на руке Сухова; глаза его сверкнули. Сухов усмехнулся. Не опуская рук, он снял часы и бросил бандиту. Тот ловко поймал их. В ту же секунду Сухов в прыжке вырвал у него револьвер. Падая на песок он дважды выстрелил. Сперва упал бандит в красном жилете, за ним — любитель часов.

[1] Нация — латинское название русского слова "народ".

Жены Абдуллы в панике бросились в разные стороны.”

Этот фрагмент киноповести — о размежевании большевизма со всеми идеологиями библейского мировоззрения. Такое стало возможным после того, как мера понимания последователей Сталина стала выше меры понимания Глобального Предиктора, что символически выразилось в способности Сухова доказать людям Абдуллы, что он “не связан временем”. Поскольку это качество (“Мы не связаны временем”) было присуще только Глобальному Предиктору, то легкость освобождения Сухова из плена — своеобразный художественный прием, позволивший авторам киноповести в предельно сжатой форме на уровне второго смыслового ряда дать представление о сложных социальных явлениях, происходящих в российской цивилизации в конце XX века: сначала — смерть “бандитов в красных жилетах” — генеральных секретарей КПСС, а за ними — всех “любителей часов”— “новых бандитов” (или “новых русских”[1]) неспособных войти в новое информационное состояние, в котором оказалось всё общество после смены логики социального поведения.

Последняя фраза — о том, как национальные “элиты” («малые народы») всех республик Советского Союза в “панике бросились в разные стороны”, пожертвовав единством и благосостоянием больших народов, по природе своей неспособных паразитировать на чужом труде. А кто должен покончить с толпо-“элитаризмом” Запада? На кого возложена миссия уничтожения “бандита” оставшегося на “баркасе”? Судя по тексту следующего фрагмента — кораническому исламу:

«Сухов резко перекинулся с одного бока на другой, чтобы выстрелить с третьего бандита на баркасе, но в этом уже не было необходимости.

Бандит хрипел и, извиваясь всем телом, пытался сорвать с шеи петлю аркана, наброшенную на него Саидом.

[1] Ничего не поделаешь: дорогие часы «Ролекс» вошли в атрибуты «новых русских» в соответствующей серии анекдотов.

Картина 4. Лучше, конечно, помучиться

— Ты как здесь оказался? — спросил Сухов, когда покончив с бандитом, Саид спрыгнул с баркаса и подошел к нему.

— Стреляли, — ответил Саид».

“Саид спрыгнул с баркаса” — на уровне второго смыслового ряда о концептуальном размежевании коранического ислама с библейской цивилизацией: корабль во многих иносказательных традициях — символ цивилизации, государства. Коран — на стороне больших народов. А для “малых” народов всех национальностей, противостоящих кораническому исламу, главной проблемой конца XX и начала XXI века становится объективность смены логики социального поведения. Для осмысления этого нового в глобальном историческом процессе явления необходимо понимать, что во всех без исключения случаях, для восприятия пространства и времени необходим эталонный процесс, с которым сравниваются все прочие времена и пространства. Этим эталоном может выступать и сам человек (древний афоризм: человек — мера всех вещей) и какие-то объекты мироздания. Если нет эталонного процесса, то возникает “проблема Удава” из мультфильма, который в одиночестве мучился вопросом о том, какова же его длина? — до тех пор, пока ему не помог Попугай, взявший на себя функцию эталона длины и определивший, что длина Удава — «38 попугаев и одно попугайское крылышко». Без этого акта измерения Удав так и остался бы равным самому себе в неопределённой единичной длине Удава.

Также примерно обстоит дело с измерением времени. Поскольку всякий процесс, поддающийся периодизации, может быть избран в качестве эталонного, то единицей измерения времени становится продолжительность периода эталонного процесса, с которым соотносятся все остальные процессы, обладающие собственным течением времени.

По отношению к человечеству таким образом можно ввести понятия биологического и социального времени. Соответственно, историческое время возможно измерять в единицах астрономически обусловленного времени, как это принято в наши дни (хотя календари и лежащие в их основе процессы-эталоны вводятся по умолчанию); можно — в продолжительности и преемственности

царствований, как это показано в Библии, и что до сих пор сохранилось в Японии, т.е. на основе биологической обусловленности; можно и на основе социально обусловленного (культурологического) эталона.

Во всяком случае выбора эталона, — астрономический, биологический и социальный (культурологический) эталоны времени могут быть соотнесены друг с другом. Можно проследить, как изменялось соотношение частот процессов-эталонов биологического и социального времени в историческом развитии Западной и глобальной цивилизации по отношению к общему для них обоих эталону астрономического времени.

В каждой генеалогической линии, среднестатистически, у родителей раз в 15 — 25 лет[1] появляется первый ребенок. Продолжительность активной жизни человека на протяжении последних нескольких тысяч лет имеет примерно такое же значение. Соответственно частота эталона биологического времени может быть принята $f_б = 1/(25\ лет)$. Она характеризует скорость обновления информации в генофонде популяции, обусловлена генетикой вида и потому менялась в довольно узких пределах на протяжении всей памятной истории.

В жизни технократической[2] цивилизации, в которой жизнь общества подчинена техносфере, доминирует непрерывный процесс вытеснения устаревших технологий и технических решений новейшими, но того же самого назначения. Поэтому можно подсчитать среднестатистический период некоторого статистически стандартного (например тоже 50 %-ного) обновления технологического общественно значимого знания — T_c в каждую историческую эпоху. В качестве эталона частоты социального времени можно взять частоту $f_c = 1/T_c$. Она характеризует скорость обновления общественно значимой информации, не передаваемой генетически через физиологию, но передаваемой в преемственности поколений через культуру, несомую общественным устройством

---

[1] Годы — единицы измерения, основанные на астрономическом эталоне.

[2] Технократия — это не только власть технократов, но и власть техники над самими технократами, и, как следствие, — власть техносферы над обществом.

(социальной организацией). Эта частота $f_с$ на протяжении истории непрерывно возрастала: во времена фараонов и Екклезиаста, Иисуса и первых веков нашей эры, когда библейская концепция завоевания Мира методом культурного сотрудничества и управления завоеванным на основе программирования психики библейской культурой только формировалась и обретала глобальную значимость, частота социального времени составляла величину порядка 1/(сотни лет); в настоящее же время эталонная частота социального времени составляет около 1/(10 лет) — 1/(5 лет), в зависимости от того, на каких отраслевых знаниях она основана.

Иными словами, во времена, когда было оглашено Второзаконие, представляющее собой скелетную основу доктрины “холодной” информационной войны завоевания Мира, социально значимое множество технологий и технических решений не обновлялось веками, а через технологически почти что неизменный мир проходили многие поколения.

В наши дни социально значимое множество технологий и технических решений обновляется быстрее, чем раз в 10 — 15 лет, и техносфера, окружающая человека, успевает измениться несколько раз на протяжении активной жизни одного поколения. То есть изменилось соотношение эталонных частот биологического и социального времени: было $f_с << f_б$[1]; стало $f_с > f_б$.

Это изменение соотношения эталонных частот биологического и социального времени, предощущалось некоторыми поэтами, учеными, мистиками[2] в конце XIX века — первой половине XX, но оно стало ярко выраженным, открытым для всеобщего восприятия и осмысления, только к концу второй половины XX века, когда за время жизни одного поколения многократно успели и успевают устареть и обновиться необходимые для деятельности знания и практические навыки[3].

1 «<<» — знак в угловых кавычках означает «многократно меньше» в отличие от знака «<», означающего «строго меньше».

2 Среди тех, кто говорил о нём, был и Гитлер.

3 Это ярко видно в авиации: с 1910-х по начало 1960-х гг. на протяжении жизни одного поколения успели сменить друг друга три поколения классов летательной техники: этажерки из дерева и ткани, настоящие самолеты из дерева и легких сплавов, реактивная авиация из специ-

Следует также обратить внимание и на то, что изменение соотношения частот эталонов биологического и социального времени — за счет роста частоты культурологического (социально обусловленного) эталона, что исторически значимо, — произошло до того, как человечество достигло критического по Г.М.Идлису и И.С.Шкловскому 2030 ± 5 лет года[1]; оно совершилось, упреждая почти на столетие предвычисленное ими перенаселение и неизбежную в этом случае биосферно-демографическую катастрофу регионального или глобального масштаба. Это обстоятельство — упреждение — при целостном взгляде на *культуру человечества как на порождение биосферы Земли (и надстройку над нею)* позволяет увидеть некоторые возможности, которые создает изменение соотношения указанных эталонных частот, и которые представляют собой механизм принуждения в “лабиринте кармы” к тому, чтобы травоподобным “людишкам”, животным и биороботам в образе человеческом всё же в конце концов стать и быть Человеками и избежать биосферно-демографической катастрофы.

Объективное явление, которое названо здесь *изменение соотношения эталонных частот биологического и социального времени,* — собственная характеристика глобальной социальной системы нынешней цивилизации, от которой никуда не деться ни комулибо из людей персонально, ни человечеству в целом. Это информационный процесс, протекающий в иерархически организованной системе: биосфера — в основе культуры, культура — надстройка по отношению к биосфере.

Из теории колебаний известно, что если в иерархически организованной многоуровневой системе происходит изменение час-

---

альных сплавов и сталей. Еще быстрее протекало обновление компьютерных технологий.

[1] Г.М.Идлис, астрофизик, автор книги “Математическая теория научной организации труда и оптимальной структуры научно-исследовательских институтов” (АН Казахской ССР, Астрофизический институт, изд. “Наука", Алма-Ата, 1970 г.). Одна из её глав посвящена динамике численности человечества. И.С.Шкловский — тоже астрофизик, также занимавшийся анализом динамики численности человечества, на работы которого ссылается Г.М.Идлис. По полученным ими данным численность человечества к 2030 ± 5 году достигнет критической величины, что способно повлечь катастрофу перенаселения.

тотных характеристик процессов, протекающих на каждом из её выявленных уровней, то система переходит в иной режим своего поведения. Это общее свойство иерархически организованных систем, к классу которых принадлежит и биосфера, и человеческое общество в целом, и иерархически организованная психика каждого из людей.

Свершившееся изменение соотношения частот эталонов биологического и социального времени — своего рода порог в истории человечества, переступив который, и даже не заметив того, человечество уже по существу оказалось в новой эпохе — в начинающем её периоде “водораздела”.

Вот такой оказалась подводная часть “информационного айсберга”, представленная в лексике (“надводная часть”) одной лишь фразою: “Мы не связаны временем”. По существу это аналог ключевой фразы Директивы СНБ США 20/1 от 18.08. 1948г. : “Мы не связаны определенным сроком для достижения наших целей в мирное время”. Фраза ключевая потому, что Директива СНБ США полувековой давности имеет название «Цели США в отношении России», а указание в ней на отсутствие связи с “определенными сроками для достижения целей в мирное время” — исходный мировоззренческий принцип Глобального Предиктора, подразумевающий способность порождать время образующие социальные процессы.

Поскольку в киноповести и фильме нигде прямо не указано на связь событий с астрономическим эталоном, а последняя сцена символически связана с документом, дата которого точно известна, то можно предположить, что сцена схватки Сухова и Саида с бандитами Абдуллы у моря на уровне второго смыслового ряда указует на события, происшедшие в СССР и в мире в середине XX столетия: начало холодной войны Запада против СССР; смерть Сталина — жреца-вождя и, в соответствии третьим законом диалектики “отрицание отрицания”, — рождение нового, неподконтрольного “элитам” социального явления — сталинизма. И только спустя четверть века, когда единение большевизма и коранического ислама в подсознании больших народов цивилизации Россия начало набирать силу, один из западных аналитиков обратил на него внимание, выразив свое отношение к новому соци-

альному явлению одной фразой: “Сталин не ушел в прошлое; он растворился в будущем”.

«Сухов улыбнулся, не спеша оделся, подобрал свои часы и задумчиво посмотрел на море, мысленно продолжая письмо к своей Катерине Матвеевне:

“Обратно пишу вам, разлюбезная Катерина Матвеевна, поскольку выдалась свободная минутка. И разнежился я на горячем солнышке, будто наш кот Васька на завалинке. Сидим мы сейчас на песочке возле самого синего моря, ни о чем беспокойства не испытываем. Солнышко здесь такое, аж в глазах бело…”»

Картина 5. Динамит

«Петруха, цепляясь ногой за приклад винтовки, торопливо, почти бегом, следовал за Суховым, который шагал от моря к Педженту. За ним, отстав метров на десять, гуськом семенили жены Абдуллы.

— Товарищ Сухов, — всхлипывая просил Петруха.

— А как Рахимов задержится, что будет тогда? Ведь Абдулла из-за них, знаете?..

— Не робей, Петруха, — сказал Сухов».

Марксизм обеспокоен тем, что политический троцкизм, разгромленный большевизмом, может задержаться с возвращением в Россию, после чего Глобальный Предиктор займется ликвидацией всех, кто не оправдал его планов по наведению порядка в мятежной цивилизации. Но и марксизм и политический троцкизм — порождение психического троцкизма, который веками существует благодаря некоторым особенностям человеческой психики.

> Дело в том, что *равноправные* отношения с троцкизмом и троцкистами персонально на уровне интеллектуальной дискуссии, аргументов и контраргументов — бесплодны и опасны[1] для тех, кто рассматривает троцкизм в качестве одной из идеологий[2] и не видит его реальной ПОД-идеологической подоплеки, не зависящей от облекающей её идеологии.

---

[1] Как это показал опыт российской интеллигенции, искренне пытавшейся дискутировать с троцкистской властью в государстве и ставшей жертвой НКВД 1920-х гг.; а также и опыт многих жертв перестройки в СССР и демократизации в странах — его обломках.

[2] Именно в этом отношении к троцкизму, как к извращению идеологии научного коммунизма, и в отождествлении марксизма-ленинизма с наукой и состоит действительная ошибка большевизма в СССР в 1917 — 1953 гг.

При взгляде же с другой стороны, хозяевам психического троцкизма неприемлемо обсуждение и искоренение его психической подоплеки, вследствие чего они предпочитают изображать идеологически многоликий психический троцкизм в качестве какой-нибудь идеологии, по отношению к которой ими же в обществе формируется отношение хорошо, либо плохо — в зависимости от целей и складывающихся обстоятельств.

Интеллект, к которому обращаются в дискуссии в стремлении вразумить собеседника, или выявить совместно с ним истину, на основе которой можно было бы преодолеть прежние проблемы во взаимоотношениях с ним, — только одна из компонент психики в целом. Но психика в целом (в случае её троцкистского типа) не допускает интеллектуальной обработки индивидом информации, которая способна изменить ту доктрину, которую в данный момент отрабатывает та из многих идеологически оформленных ветвей троцкизма, к которой психологически принадлежит индивид.

Эта психическая особенность[1], свойственная многим индивидам, — исторически более древнее явление, чем исторически реальный троцкизм в коммунистическом движении ХХ века. Для этого свойства психики индивидов не нашлось в прошлом иного слова, кроме ***одержимость***. А в эпоху господства материалистического мировоззрения для этого явления вообще не стало в языке слов, отвечающих существу этого типа психической ущербности, которое сызнова было названо, но не по его существу, а по псевдониму одного из его наиболее ярких представителей троцкизма в коммунистическом движении ХХ века.

Ныне же, когда материализм в своем развитии породил кибернетику, информатику, вычислительные машины и информационные технологии, троцкист в терминах этих наук — автономный или дистанционно управляемый робот с ограниченной программой идентификации обстановки и реагирова-

---

Если же кто-то из психических троцкистов или их множество погибает, то это преподносится обществу как гибель за высокую идею (когда дана оценка «хорошо», как в случае тамплиеров, Троцкого и его сподвижников), либо нарочито признается и раздувается маниакальность, бесноватость, одержимость (когда дана оценка «плохо», как в случае с гитлеризмом) так, чтобы за этим пузырем были сокрыты те действительные идеи, на осуществление которых маньяки были запрограммированы, и которые весьма отличны от тех, которые они сами провозглашали.

[1] Полная глухота к содержанию высказываемой в его адрес критики в сочетании с приверженностью принципу подавления в жизни деклараций, провозглашенных троцкистами, системой умолчаний, на основе которых они реально действуют, объединившись в коллективном бессознательном.

ния на её изменения, физиологически во многом идентичный нормальному человеку.

Но такого рода особенности “троцкизма” в исторически широком смысле этого слова приводят к тому, что отношения людей и “троцкизма” по их существу лежат вне области конструктивных дискуссий, коллективного «мозгового штурма» каких-то проблем и прочей определённо целесообразной человеческой деятельности. При этом отношения с троцкизмом и троцкистами выпадают и из области этики и нравственности человеческих отношений, и, если в этом случае они не укладываются в возможности психиатрии и душевного целительства, развитые в обществе в конкретную историческую эпоху, то они переходят в область практической социальной гигиены всегда, когда общество устает от “троцкизма” и начинает защищать от него свою жизнь в настоящем и в будущем. “Троцкизм” в этом случае включает механизм имитации борьбы с самим собой и, активизируя его в общественной жизни, втягивает в мясорубку репрессий множество непричастных к нему людей, чтобы в последующем эти жертвы поставить в вину своим противникам: так было в реальной истории инквизиции в католическом мире, так было в СССР в период борьбы большевизма и троцкистского марксизма[1].

В России сегодня дело идет к очередному искоренению “троцкизма”, при котором многим “троцкистам” не поздоровится, будь они в обличье “коммунистов”, “патриотов”, “православных”, “мусульман”, “демократов”, “космополитов” и представителей прочих вероучений и идеологий, либо будь деидеологизированными субъектами… К сожалению, в этом во многом скрытом и непонятном для обыденного сознания процессе, большинство из принимавших неосознанное участие в нём, так и не успевает понять — «за что?…».

---

[1] Как явствует из особенностей политэкономии марксизма, о которых речь шла ранее, марксизм — изначально был троцкизмом, хотя Л.Д.Бронштейн, ставший «Троцким» приобщился к нему, когда марксистское учение уже обрело свою завершенность практически во всей его полноте.

Одной из причин гибели Сталина была невозможность для него лично выйти за рамки психического троцкизма, поскольку в объективно сложившихся в России исторических условиях (идеалистический атеизм христианских церквей был изжит, а материалистический атеизм в форме марксизма еще только набирал силу) по оглашению у него был марксизм, а по умолчанию — целесообразность. Суховское “не робей, Петруха” в этом смысле на уровне второго смыслового ряда тоже неопределенно: то ли обещание своевременного возвращения троцкизма, то ли уверенность в способности сталинизма противостоять Глобальному Предиктору. Рассмотрение дальнейших событий фильма с учётом ключей к иносказанию позволяет получить представление о том, как будет разрешаться эта неопределенность.

«Он остановился у ближайшего к морю двора. Здесь под стеной сидели на деревянных ящиках ***три высоких*** старика в чалмах. Обесцвеченные годами глаза их бесстрастно смотрели на Сухова, и если бы не четки, которые старики медленно перебирали, можно было подумать, что они вырезаны из серого, обветренного и обоженного солнцем песчаника.

— Здорово, отцы! — сказал Сухов.

Старики молчали.

Сухов хотел пойти дальше, но заметил вдруг на одном из ящиков, заменявших старикам стулья, полустертую надпись — «Динамит». Сухов легонько стукнул по ящику. Он не был пустым.

— Извини-ка, отец, Сухов приподнял старика и посадил его на землю рядом с ящиком. Затем отодрал крышку и увидел аккуратно уложенные динамитные шашки.

— Где взяли? — спросил Сухов.

— Давно здесь сидим, — ответил один из стариков.

Сухов покачал головой, вынул крайнюю шашку, швырнул её в воздух и выстрелил. Раздался оглушительный взрыв. Старики вздрогнули, но остались всё так же спокойны и невозмутимы.

— Петруха, — приказал Сухов, — прихвати ящик — пригодится.

— Есть!»

Картина 5. Динамит

Как уже было отмечено в ***Картине 1,*** внесение изменений в эту сцену, по сравнению с текстом киноповести, отражает (на уровне второго смыслового ряда) противостояние двух точек зрения на мир. Представители первой полагают, что мир един и целостен и всё в нём причинно-следственно обусловлено и где всякая вещь — триединство материи информации и меры. Представители второй считают, что мир — набор ничем не связанных друг с другом случайных фактов, явлений, процессов, обусловленных лишь определенным пространством и временем. Для краткости первую точку зрения образно можно назвать "мозаичной", а вторую — "калейдоскопичной"[1]. Четвертый старец, лежащий на ящике с динамитом, появился в фильме в процессе киносъемок как результат подсознательного отражения в творчестве кинорежиссера Мотыля (либо его консультанта) их личностного "калейдоскопа". Мировоззрению В.Ежова и Р.Ибрагимбекова, судя по тексту киноповести, присуща "мозаичная" картина мира, которая разворачивается из первичных предельных обобщений и отождествлений на основе понимания вселенной, как процесса триединства материи, информации и меры.

Мировоззренческий "калейдоскоп" выстраивается из вторичных[2] предельных обобщений и отождествлений, получивших название материи, энергии, пространства и времени. Две противостоящие мировоззренческие системы служат людям своеобразной (как правило, ими не осознаваемой) первичной системой координат, из которой человек разворачивает свою меру понимания яв-

---

[1] Подробнее о двух типах мировоззрения смотри в мировоззренческом стандарте и работах Внутреннего Предиктора СССР "Мертвая вода", "Приди на помощь моему неверью" и "Принципы кадровой политики гоударства, «антигосударства», общественной инициативы".

[2] Абстрактные категории: материя, энергия, пространство и время вторичны по отношению к объективному процессу триединства материи, информации и меры, поскольку как объективные категории пространство и время для сознания вне процесса изМЕРения не существуют (т.е. мера для них первична); что касается энергии, как объективной категории, то это — вещество в своем переходном состоянии из одного устойчивого агрегатного состояния в другое. Современная наука насчитывает пять устойчивых агрегатных состояний вещества: в виде вакуума, плазмы, газа, жидкого и твердого.

лений внутреннего и внешнего мира. Но если “мозаичная” картина мира дает возможность прийти к единой мере понимания в отношении объективных процессов внутреннего и внешнего мира человека, то мировоззрение “калейдоскопа” порождает “плюрализм мнений” по отношению к одним и тем же объективным процессам, на основе которого люди в принципе не способны прийти к единому мнению по любому вопросу. Доминирование в обществе мировоззрения “калейдоскопа” неизбежно порождает в нём алгоритм “разделяй и властвуй”. Люди, заинтересованные в устойчивом существовании такого алгоритма, будут сознательно поддерживать мировоззрение “калейдоскопа”, поскольку оно становится инструментом экспансии их субъективной концепции в объективном процессе концентрации производительных сил.

Однако, после того как навязанная таким образом концепция управления начинает определять жизнь всего общества, порожденный им алгоритм “разделяй и властвуй” не прекращает своего действия, а достигнутые цели концепции оказываются иллюзорными, поскольку тот же самый алгоритм всячески препятствует росту качества управления в системе, созданной на основе мировоззрения “калейдоскопа”.

Осознание обществом мировоззренческих корней алгоритма “разделяй и властвуй” можно уподобить “информационному взрыву” и потому мировоззренческое оружие по силе воздействия на людей принято считать оружием первого приоритета. Отсюда, видимо, и три высоких старца В.Ежова и Р.Ибрагимбекова (символ триединства материи, информации и меры), и появившийся в процессе киносъемок четвертый старец Мотыля образно связаны с взрывоопасным “динамитом”. В фильме эта взрывоопасность подчеркивается картиной дымящихся толовых шашек, которые Сухов поливает водой из чайника. Вода — символ информации. О том, что мировоззренческие корни алгоритма “разделяй и властвуй” имеют очень древнее происхождение, говорит ответ (данный якобы невпопад, поскольку вопрос касался динамита) одного из старцев: “Давно здесь сидим”.

Проверка эффективности “динамита”, произведенная Суховым с помощью выстрела из пистолета, — символическое объявление национальным “элитам” о том, что информационная война с биб-

лейской концепцией управления переводится с идеологического на мировоззренческий уровень.

«— А барышням объяви, — Сухов бросил взгляд на гарем, который сидел на песке поодаль от них, — что никакого Абдуллы не будет. Чтоб без паники. Ясно?

— Ясно!

Сухов пошел дальше. Вскочив на ноги, жены Абдуллы поспешили за ним».

За 1300 лет своего существования коранический ислам накопил большой опыт противостояния библейской концепции управления и у него есть сомнения по части быстрого преодоления психического троцкизма в толпо-“элитарном” обществе. Ведь алгоритм “разделяй и властвуй” действует и в исторически сложившемся исламском обществе, иначе откуда бы в нём появились два противоборствующих религиозных учения шиитов и суннитов. Всё это говорит о том, что еще существует “много людей” приверженных мировоззрению “калейдоскопа”. Отсюда в фильме и озабоченность Саида.

«У музея Сухова ждал Саид. Хмурый и сосредоточенный сидел он на коне.

— Ты что? — спросил Сухов.

— У Абдуллы много людей.

— Это точно, — согласился Сухов».

Коранический ислам занят поисками методов преодоления стереотипов исторически сложившегося ислама и потому избегает прямого столкновения с иерархией, поддерживающей принципы библейской концепции управления. Сталинизм, рассчитывая на поддержку коранического ислама в информационной войне, игнорирует его предупреждения об опасности прямого столкновения с Глобальным Предиктором и намекает своему идеологическому союзнику на изменившиеся исторические обстоятельства — смену логики социального поведения. Но для коранического ислама приоритетным пока остается процесс преодоления исторически сложившегося ислама, что символически представлено поиском Джавдета.

«— Завтра он будет здесь. Уходи!

— Теперь не могу, — сказал Сухов. — Видал, как всё обернулось… Оставайся ты тоже.

— Здесь нет Джавдета, — Саид тронул с места коня.

— Ну, тогда счастливо».

«Самая главная каста, управляющая всем, была каста духовных, или жрецов. Они предписывали и царю, как жить и что делать <…> Высшим божеством египтян был АМУН. В его лице соединились четыре божества: *вещество*, из которого состоит всё на свете, — **богиня Нет**; *дух*, оживляющий вещество или *сила*, которая заставляет его слагаться, изменяться, действовать — **бог Неф**; *бесконечное пространство*, занимаемое веществом, — **богиня Пашт**; *бесконечное время*, какое нам представляется при постоянных изменениях вещества, — **бог Себек**. Всё, что ни есть на свете, по учению египтян, происходит из вещества через действие невидимой силы, занимает пространство и изменяется во времени, и всё это таинственное соединяется в четырех едином существе Амун» (В. Водовозов “Книга для начального чтения”, С-Пб, 1878 г., выделено авт.).

«1(1). Благословен Тот, который ниспослал Различение Своему рабу, чтобы он стал для миров проповедником, —

2(2). у Которого власть над небесами и землей, и не брал Он Себе ребенка, и не было у Него сотоварища во власти. **Он создал всякую вещь и размерил её мерой** (выделено нами при цитировании: при размерении мерой какого-либо материала, возникает образ, информация, по отношению к которой вещество вещи выступает как материальный носитель информации в определённой мере. Соответственно мировоззрение триединства материи-информации-меры — богооткровенное мировоззрение, но…).

3(3). И взяли они вместо Него богов, которые не творят ничего, а сами сотворены.

4. Они не владеют для самих себя ни вредом, ни пользой, и они не владеют ни смертью, ни жизнью, ни воскресением» (Коран, сура 25 “Различение”).

Мировоззрение, выраженное в Коране, и мировоззрение, описанное В.Водовозовым, — два взаимно исключающих друг друга мнения об одной и той же Истине. Надо выбирать одно…

Картина 6. Первое общежитие свободных женщин

«Гулко звучали удары молотка. Сухов стоял на инкрустированном слоновой костью столике и прибивал фанерную вывеску над дверью помещения, в котором разместился гарем. На вывеске неровными буквами было написано: ***«Первое общежитие свободных женщин Востока. Посторонним вход воспрещен»***.

— Они же взяли самые ценные экспонаты, — в паузах между ударами молотка объяснял Сухову смотритель музея Лебедев. Он придерживал покачивающийся под тяжестью красноармейца инкрустированный столик.

— Какие еще экспонаты? Я же сказал барышням — брать ковры похуже.

— Это же одиннадцатый век! Чем старее ковер, тем он ценнее.

— Сейчас посмотрим, что они там взяли, — проворчал Сухов и слез со столика. Мимо прошел Петруха с большим медным кувшином в руках; следом шла, закутавшись в чадру, Гюльчатай.

— Они вас за хозяина принимают, — хихикнул Петруха, остановившись. — Как будто, значит, вы их муж…

Сухов насупился.

Из каменного колодца вверх вела узкая лестница. По ней, набрав воды в кувшин, поднимались Петруха и Гюльчатай.

Петруха обогнал Гюльчатай на две ступени и закрыл ей дорогу.

— Открой личико, открой, а? — попросил он. — покажись хоть на секундочку. Ты не думай, я не какой-нибудь. Если что — я по серьезному… замуж возьму… Женюсь то есть. Мне ведь наплевать, что ты там чьей-то женой была. Ты мне характером подходишь. Откройся… Гюльчатай, покажи личико.

Гюльчатай негромко рассмеялась».

“Гюльчатай негромко рассмеялась”, потому что она лучше Петрухи понимала символику ухаживания. Так иносказательно

поданы претензии марксизма на особые отношения с еврейством, которое само претендует на особое место среди “малых народов” всех национальностей. Но в процессе киносъемок в эту сцену вставлен эпизод с выбрасыванием гаремом Петрухи из «общежития». Но это как раз был тот случай, когда лица “женщин Востока” оказались открыты. То есть в системе символов, предложенных нами, марксизм пытался войти к народам России и не был ими принят. Другое дело — представители “малых народов”. Они не только не чурались марксизма, но наоборот — стремились продемонстрировать ему свою верноподданность, истинной целью которой был захват руководящих постов в сфере управления, чтобы авторитетом партии можно было давить трудящихся всей мощью государственного аппарата.

“— Гюльчатай, открой личико. Ты не думай, я не какой-нибудь. Если что, я и по — серьёзному… Ты мне по характеру подходишь. Я шустрых люблю. Я ведь и посвататься могу, ***у меня мама хорошая, добрая, её все уважают***. Да открой ты личико!” — говорит Петруха в фильме.

Если сравнить эти “домогательства” Петрухи, над которыми так любит посмеяться зритель, с приведенным выше текстом киноповести, то видно, что из него исчезла реплика об отношении “героя-любовника” к прошлому Гюльчатай, зато появилось упоминание о “хорошей и доброй маме, которую все уважают”.

Марксизм — порождение психического троцкизма, и он неразборчив в “любовных связях”, когда дело касается прошлого его “дамы сердца” (Мне ведь наплевать, что ты там чьей-то женой была). Именно благодаря его неразборчивости при формировании кадровой базы управленческого корпуса уровня государственной ответственности горбачевы, ельцины, собчаки, назарбаевы, акаевы, алиевы и прочие шеварднадзе забрались на вершину марксистско-троцкистской пирамиды власти в СССР и без труда развалили великую державу. Свою “политическую всеядность” марксизм всегда прикрывал интернацизмом, который подавался толпе в облике «интернационализма». Перевод этого слова на русский язык двоякий: кто понимает его, как символ дружбы народов, тот переводит как “многонационализм”; кто видит в нём палец, указующий на некую общность, рассеянную среди других

народов для достижения определенных целей, тот переводит его как “межнационализм”. Предлагая Гюльчатай руку и сердце, Петруха в фильме говорит ей о своей “хорошей и доброй маме, которую все уважают”. Чтобы поближе познакомиться с “мамой” марксизма, приведем главы из книги польского писателя Льюиса Бельского “Секреты Израиля и его коммунистической революции”, включенные в качестве отдельного приложения к вышедшей недавно на испанском языке книге Мориса Пинау “Заговор против церкви[1]”.

Сионизм и коммунизм[2]

Народ Израиля является, очевидно, кочевым племенем. Тем не менее еще до разрушения Иудеи римлянами (70 г. до н.э.) почти 19 веков назад это племя, подобно его братьям по расе финикийцам, уже имело свои колонии среди других наций, сохраняя в то же время собственное территориальное государство. Когда римляне разрушили Иудею, сравняв с землей второй Храм, иудаизм, будучи распространен среди различных народов земли, продолжил свое существование в израильских колониях, существовавших к тому времени среди указанных народов. Еврейские эмигранты[3] укрепили и размножили эти колонии. Их внутренняя

---

1 Здесь приведены выдержки из книги “Complot contra la Iglesia” (“Заговор против Церкви”) Mourice Pinay, Стр. 637:

«Мы сочли уместным включить как заключительное приложение в это новое издание труда “Заговора против Церкви” несколько глав (XV, XVI и XVII) из книги польского врача-патриота Luis Bielski (Людвига Бельского?), озаглавленный “Секреты Израиля и его коммунистической революции” (Мехико 1.09.1968)».

2 Правильнее было бы назвать “Сионизм и марксизм”, поскольку для марксизма коммунизм — лишь благообразная вывеска. Используя вывеску коммунизма марксизм решал одновременно две задачи: прикрывал красивыми словами свою неблаговидную деятельность в настоящем и дискредитировал мечту об обществе справедливости в глазах будущих поколений.

3 Здесь уместно напомнить, что слово «еллины», которое многие понимают, как древние греки, на самом деле в те далёкие времена это сло-

прочность обеспечивалась специальными политическими институтами власти, превратившими эти колонии в клетки единого организма, каковым и является иудейский народ в рассеянии. Единое международное руководство ими осуществлялось Раввинскими Синодами, собиравшимися, как правило, в секрете на протяжении многих веков.

Царям древней Иудеи и Великому Синедриону унаследовал Наси (князь или патриарх, ударение падает на «и»), наделенный верховной властью над народом Израиля в изгнании [Здесь автор произвольно смешивает понятия «Иудея» и «Израиль» — примечание переводчика]. Наси был ранее главой Великого Синедриона. Вавилонская ветвь диаспоры противопоставила ему Exilarc'a или Князя Изгнания, наделив его теми же полномочиями, что Наси в израильских колониях из его сферы влияния.

Во времена Наполеона Бонапарта по его инициативе вновь был открыто собран Великий Синедрион под председательством Наси. В XX веке институты Всемирного израильского правительства стали открытыми для всех. После первой мировой войны в этом качестве выступил "Комитет Еврейских Делегаций", успешно отстаивавший еврейские интересы на Версальской мирной конференции. В августе 1932, сентябре 1933 и августе 1934 в Женеве открыто собирались Всемирные израильские Синоды, хотя большая часть их решений сохранялась в тайне. Их официальное наименование было "Всемирные Еврейские Конференции". На последней из них было решено публично учредить "Всемирный Еврейский Конгресс" как самостоятельный официальный орган центрального правительства израильского народа, рассеянного по всему миру. Упомянутый Всемирный Еврейский Конгресс окончательно обосновался в Женеве в 1936 году под председательст-

---

во обозначало — "евреи из стран языческих" (см. «Словарь малопонятных слов, встречающихся при чтении Псалтири и молитв», изданный по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ). Отсюда известное выражение апостола Павла «Нет ни еллина, ни иудея» — никакого отношения к интернационализму исторически сложившегося христианства не имеет, но по умолчанию полагает прежде всего равенство перед церковью имени Христа всех евреев, живущих в Иудее и в рассеянии.

вом раввина Стивена С. Вайза (Stephen S. Wise), бывшего президента “Комитета Еврейских Делегаций”, сделавшего тогда заявление, на которое следовало бы обратить внимание: «евреи означали уже не веру и не религию, а народ, единый еврейский народ, включающий всех нас».

В действительности в настоящее время Всемирный Израиль включает в себя не только многочисленные враждующие между собой религиозные фракции, но и всех неверующих иудеев — деистов, материалистов и атеистов, являющихся частью израильской нации с теми же правами, что и религиозные иудеи.

Важнейшей задачей Диаспоры Великого Израиля было создание при первой возможности Государства Израиль —не для возвращения туда всех евреев, расселенных по планете, как они лживо декларировали, поскольку они не собирались оставлять доминирующие позиции, завоеванные ими в политике и экономике гойских народов; но просто по патриотическим и религиозным мотивам, а также из претенциозности, в большей или меньшей степени характерной для израильтян.

Восстановление Государственности Израиль и Храма Соломона было их навязчивой идеей на протяжении веков. Однако уже во втором веке христианской эры между ними возникли серьезные разногласия на этот счет. Те из них, в ком национальные чувства превалировали над религиозными, продолжали мечтать о завоевании Палестины политическими или военными средствами. Напротив, ортодоксы считали тяжким грехом реакцию подобных попыток до обещанного в Священном писании пришествия Мессии, — только он один мог реализовать подобные святые прожекты. Неудачная попытка Бар-Кохбы отвоевать Палестину у римлян (135 г. н.э.) привела к тому, что возобладала точка зрения ортодоксов, в связи с чем дальнейшие попытки предпринимались уже серией ложных мессий, появлявшихся то тут, то там в израильских колониях, начиная с Серено (Sereno) в 720 г. и оканчивая Саббатаем Цеви (Sabbatai-Zevi) (1626 — 1676) и Яковом Франком (Jakob Frank) в 1757 г., что, впрочем, не мешало в отдельных случаях израильским националистам вынашивать планы возвращения в Сион и завоевания Палестины, не ожидая пришествия Мес-

сии, несмотря на оппозицию и гнев раввинов-ортодоксов, чьи теологические предубеждения на этот счет были в XIX столетии решающим образом поколеблены ввиду двух обстоятельств.

Органическое единство институтов Великого Израиля было в начале разбито религиозной реформой, начатой в XVIII веке Моисеем Мендельсоном (Moises Ben Mendel), основавшим движение Хаскала и заложившим основы неомессианства, о котором пойдет речь далее. В той же части иудаизма, которая осталась верной старой раввинской традиции, вскоре выделился крупный теолог раввин Цви-Хирш-Калишер (Tzvi-Hirsh-Kalisher, 1795 — 1874), сумевший с помощью гениальной диалектики разрушить те самые предубеждения теологов о законности и желательности завоевания Палестины, не дожидаясь пришествия Мессии. Проповеди этого раввина, к которому вскоре присоединились и еще некоторые из числа ортодоксов, и подготовили решающим образом почву для движения сионистов, возникшего несколько позднее.

Другим фактором, открывавшим двери Сионизму во Всемирном Израиле, стало неомессианство (о котором было упомянуто ранее). Его главными адептами являлись последователи реформ Моисея Мендельсона — члена движения “Хаскала” и “Союза иудеев для развития науки и цивилизации”. Видное место среди них занимали Раввин Моисей Гесс и Барух Леви; последний является одним из израильских наставников основателя современного коммунизма Карла Маркса, чей отец, хотя и обратился в протестантизм, когда маленькому Карлу было всего 6 лет (возраст, в котором его крестили), дал ему соответствующее талмудическое образование, как и полагалось по их семейной традиции. Маркс, таким образом, был марраном (крипто-иудеем) в полном смысле этого слова. Он стал одним из главных глашатаев новых неомессианских тенденций в лоне иудаизма, наряду еще с одним марраном — поэтом Генрихом Гейне и израильским историком Граецем (Graetz), автором монументального труда “История иудеев”, немало поспособствовавшего распространению неомессианства в реформировании иудаизма.

Картина 6. Первое общежитие свободных женщин

Видный французский исследователь Саллюст (Salluste) в своей книге “Тайные источники большевизма[1]” (“Les origines secretes du Bolchevisme”) приводит много ценных фактов по этому поводу, в том числе один примечательный документ, поднявший столько шума в Европе, содержащий полное изложение этой новой мессианской тенденции во Всемирном Израиле. Речь идет об известном письме Раввина Баруха Леви своему ученику Карлу Марксу, в котором он объясняет ему сущность неомессианства. В этом послании упомянутый раввин пишет ему: «Сам еврейский народ станет своим собственным Мессией. Его царство над миром осуществится посредством объединения остальных человеческих рас, отмены монархий и границ как основы обособленности (particularismo) и провозглашения всемирной республики, которая повсюду признает права гражданства евреев.

При этой новой организации человечества дети Израиля, рассеянные в настоящий момент по всей поверхности Земли, все одной расы и одинакового традиционного образования, без большого сопротивления ***станут повсюду руководящим элементом, особенно, если смогут навязать рабочим массам руководство евреев*** (выделено нами)**.** Так, победа пролетариата передаст в израильские руки правительства всех наций вместе с установлением Всемирной республики. Тогда правительства еврейской расы смогут отменить индивидуальную собственность [individual; ср. с privada — частная, personal — личная; прим. пер.] и распоряжаться повсюду богатствам народов. Таким образом реализуется обещание Талмуда о грядущих временах мессианских, когда евреи будут владеть собственностью всех народов земли».

В этих немногих словах раввин Барух Леви объяснил своему молодому ученику Марксу как суть неомессианства, так и способ его реализации посредством всемирной коммунистической революции, используя рабочий класс лишь как слепой инструмент.

[1] Такое название книги говорит лишь о том, что в сознании западных “элит” марксизм не отличим от большевизма. Этой аберрацией зрения страдают и “новые” демократы России.

Гению самого Карла Маркса было предоставлено дальнейшее развитие этих базовых принципов.

Вместе с тем неомессианство, отвергнув решительно идею личности-Мессии и заменив её идеей еврейской нации-Мессии, не только породило марксов социализм или современный коммунизм, но и сделало возможным появление сионизма, окончательно похоронив раввинские предубеждения против возможности завоевания Палестины и создания государства Израиль без вмешательства обещанного пророками Мессии. Самому израильскому народу, рассеянному по миру теперь соответствовала миссия реставрации в Палестине царства Израиля. Поэтому, хотя некоторые члены движения “Хаскала”, и прежде всего Иосиф Перл (Joseph Perl), временно отвергли идею реставрации израильской Палестины по политическим мотивам (т.к. это была провинция Оттоманской империи, населенная главным образом арабами), неомессианство, отвергнув выше упомянутые теологические возражения, открыло двери в сионизм для израильтян, мало-помалу оставлявших идею личности-Мессии в пользу идеи мессии-народа, призванного восстановить иудейское царство в Палестине. Я имел возможность убедиться в том, что даже раввины-ортодоксы уже начинают считать Мессию просто аллегорией, принимая идею народа Израиля как своего собственного Мессию, независимо от их официальной позиции на этот счет.

Одна из статей веры ортодоксального иудаизма[1] гласит:

«Твердо верю в пришествие Мессии, и как бы поздно он не явился, каждодневно ожидаю его».

Многие понимают её в неомессианском смысле, считая, что под «пришествием Мессии» подразумевается наступление мессианских времен. Среди современников сионистов в изобилии присутствуют неомессианские элементы, так что сам сионизм считается мессианским движением, независимо от появления индивидуального Мессии. Взгляд на сионизм как на мессианское движение широко распространяется в иудаизме, является типично не-

[1] Это двенадцатая из тринадцати статей, установленных раввином Моисеем Маймонидом, одним из создателей нынешней израильской религии, одобрявшего марронизм, который сам притворно обратился в ислам.

омессианским, точно так же как и коммунизм Маркса. Оба представляют собой как бы щупальцы единого израильского спрута, пытающегося реализовать свой мессианский идеал и овладеть миром. Существуют, тем не менее, определённые ультра-ортодоксальные секты во всемирном израиле, которые продолжают считать создание государства Израиль незаконным и греховным до пришествия личности-Мессии; эти секты находятся в явном меньшинстве среди прочих в современном всемирном израиле. Эти ультра-ортодоксы даже заявляют, что гнев Божий изуверски разрушит государство Израиль, созданное не по божественным мандатам. В действительности сторонники этой точки зрения — всего лишь придерживаются подлинной раввинской ортодоксии, доминировавшей на протяжении веков и видоизмененной в прошлом веке, как это было продемонстрировано выше. Для них катастрофическое разрушение гоями государства Израиль явилось бы закономерным проявлением божьего гнева. Однако, как я уже раньше отметил, этот остаток подлинной иудейской ортодоксии настолько незначителен, что никак не мог воспрепятствовать развитию и прогрессу сионизма.

Возвращаясь к зарождению сионизма, важно отметить, что тезис раввина-ортодокса Калишера, вымостивший дорогу ортодоксии к сионизму, оказал также решающее влияние на раввина-коммуниста Моисея Гесса, поглощенного в те годы задачей подготовки пролетарской коммунистической революции. Гесс полностью разделял требование ортодокса Калишера о возврате Палестины еврейскому народу. В своей книге “Рим и Иерусалим” он подверг критике всех тех раввинов, как ортодоксов, так и реформистов, кто пожертвовал национальной еврейской идеей и выдвинул мысль о созыве Еврейского Конгресса с целью немедленной колонизации Палестины. Гесс признавал, что на его про-Палестинскую позицию оказал серьезное влияние и неомессианец Граец (Graetz). Здесь мы ясно видим, как на заре сионистского движения шли рука об руку руководители еврейской ортодоксии, неомессианства и коммунизма. Коммунист Моисей Гесс умер в 1875 г., — в то время уже были преодолены те теологические предубеждения, которые препятствовали зарождению и повсеместно-

му развитию сионистского движения. Недоставало только лидера, и таковым явился Теодор Герцль (Teodoro Herzl), чей израильский фанатизм, подобно еврейским основателям современного коммунизма Марксу и Энгельсу, также проявился в ношении ими традиционной иудейской бороды — по рекомендации Торы.”

* * *

Приведенные выдержки из книги Мориса Пинау “Заговор против церкви” доказывает лишь одно: “хорошая и добрая мама, которую все уважают” у марксизма и еврейства одна — это библейская концепция управления.

Библейский идеалистический атеизм христианских вероучений России успешно скрывал истинное предназначение еврейства, т.к. исторически сложившееся христианство вне зависимости от конфессиональной принадлежности — был всего лишь экспортной модификацией иудаизма. Поэтому до появления Рахимова лица женщин, и Гюльчатай в том числе, мог видеть только Абдулла. Марксизм, же созданный внуком двух раввинов, был действительно “не какой-нибудь” ветхозаветный или новозаветный, а современный, светский, предназначенный для окончательного порабощения сознания народов мира через специально созданную для этих целей из диких кочевников особую общность, пропущенную через процесс рассеяния среди других народов мира. Вот и получилось, что из “черты оседлости” евреи сразу попали в государственные структуры вследствие “правильного” — интернацистского понимания ими в их большинстве “интернационализма”.

«В верхнем проеме показалась голова Сухова.

— Отставить!.. Я тебе дам личико! — гаркнул он. К стенке поставлю за нарушение революционной дисциплины!

Женщина выскочила из колодца.

— Стой! — остановил её Сухов. — Объяви барышням подъем… Стой! И вот что: с сегодняшнего дня назначаю тебя старшей по общежитию. Будешь отвечать за порядок. Вопросы есть?

— Нет. — Гюльчатай припустилась ко дворцу.

— Господин назначил меня любимой женой! — разнесся по двору музея её ликующий крик».

Картина 6. Первое общежитие свободных женщин

Если строго следовать символике киноповести “Белое солнце пустыни”, то большевизм был против того, чтобы “личико” еврейства открылось русскому марксизму. Почему? Союз большевиков с троцкистами, меньшевиками, ликвидаторами и отзовистами вынудил их “назначить” (под давлением складывающихся в стране обстоятельств) вечно молодое еврейство “старшим” во вновь складывающемся общежитии народов бывшей империи. Эти обстоятельства определялись, с одной стороны, саботажем старого кадрового корпуса управленцев и недоверием к новой власти национальных “элит”, а с другой — более высокой грамотностью еврейства по сравнению с другими народами России. Возомнив себя “любимой женой” большевизма, еврейство забралось во “дворец” (в фильме — символ высшей государственной власти). Порядок же еврейство понимало только в рамках библейской концепции управления и потому сразу принялось создавать концлагеря, по типу тех, через которые само было пропущено в “синайском турпоходе”[1].

Но назначение Гюльчатай “старшей женой” в новом “общежитии” могло преследовать также и другую, (возможно не осознаваемую большевиками, но доступную Высшему Промыслу) цель: управление по библейской концепции из бесструктурного режима выходило на структурный, что при наличии альтернативной концепции переводило всю систему в состояния концептуальной неопределенности.

Еврейство — носитель библейской концепции концентрации производительных сил в обществе. Несмотря на пресловутую “черту оседлости” через финансы, т.е. бесструктурно оно практически контролировало внутреннюю и внешнюю политику империи. Подогревая революционные настроения в среде интеллигенции (практически все газеты царской России принадлежали еврейским кланам), оно в глазах простонародья выглядело защитником его интересов. Раскрыть двойную игру “любимой жены” можно было только допустив её до структурного управления, по-

[1] Смотри работу Внутреннего Предиктора СССР “Синайский турпоход”, 1997 г.

сле чего созданный ею репрессивный аппарат сам сделает свое дело. Русские марксисты были атеистами материалистического толка, а потому цели Высшего Промысла если и были доступны им, то только на уровне подсознания. Отсюда, по мнению сталинизма, им ничего другого не оставалось, как “держать кувшин с водой” и стоять по стойке «смирно», до тех пор, пока толпа не дозреет до народа. Но затем Сухов требует от Петрухи, чтобы тот “тащил воду” на себе.

«Петруха, держа кувшин, стоял по стойке «смирно».

— Я же серьезно! — испуганно сказал он. — Я на ней жениться хочу. Личико бы только увидеть. А то вдруг крокодил какой-нибудь попадётся, потом казнись всю жизнь.

— Давай, давай, тащи воду, — мягче сказал Сухов и пошел в “общежитие”».

Но марксизм оказался к этому (нести обществу «Концепцию общественной безопасности») не готов даже в конце XX столетия, поскольку всегда интересовался больше внешней стороной концепции управления, а не её содержанием. И потому ни у кого не вызвал удивления фрагмент заседания Государственной Думы, показанный на всю страну по телевидению в октябре 1999 года, в котором один из последних представителей марксизма депутат Харитонов, пытаясь выяснить суть экономических взглядов правительства, бессознательно увязал свое любопытство с “домогательствами” Петрухи: «Я, как тот незадачливый солдатик из “Белого солнца пустыни”, хочу спросить нашего премьера: “Гюльчатай, личико-то открой!”»

Все программы ТВ, словно желая закрепить в подсознании телезрителей ассоциации такого рода, неоднократно повторили этот эпизод, вставив в него кадр с Абдуллой, открывающим свое лицо из-под паранджи только что убитой им Гюльчатай, как некий курьез.

«Как только Сухов миновал дверь «общежития», раздались крики и в него полетели подушки. Жены Абдуллы, все как одна, задрали подолы платьев и закрыли ими свои лица.

Картина 6. Первое общежитие свободных женщин

Сухов, вытаращив глаза, обалдело смотрел на оголенные животы женщин и на их длинные, до щиколоток, полупрозрачные шальвары.

Первая взглянула из-под подола Гюльчатай.

— Не бойтесь, это наш господин! — крикнула она, и женщины тотчас же открыли свои лица Сухову.

Они были разные, но все смотрели на Сухова преданно и призывно. Три из них были очень хороши. Сухов зажмурил на мгновенье глаза.

— Господин, — сказала Гюльчатай, — никто не должен видеть наши лица. Только ты! Ты ведь наш новый муж. Скажи своему человеку, чтобы он не входил сюда.

Сухов сглотнул слюну и, не глядя на гарем, походил немного по комнате.

— Товарищи женщины!.. — вдруг вдохновенно заорал он. — Революция освободила вас. Вы должны навсегда забыть свое проклятое прошлое — как в семейной жизни, так и в труде. У вас нет теперь хозяина. И называйте меня просто товарищ Сухов. Вы будете свободно трудиться, и у каждой будет собственный супруг.

Женщины внимательно слушали его».

Россия вошла в революцию не пролетарской, а крестьянской и почти поголовно безграмотной страной. Но один “малый народ” имел в этом отношении преимущество перед остальными народами: еврейство, несмотря на черту оседлости (запрет селиться в крупных городах и некоторых регионах империи), в целом было более грамотным. Положение же еврейской бедноты из черты оседлости имело даже некоторые преимущества перед другими малоимущими слоями общества, так как евреи не знали тяжелого промышленного труда. Что касается ограничений прав еврейства, о котором так много писали в России до революции, то в монархической России права у низших сословий были повсеместно ограничены независимо от национальной принадлежности. Как писал Достоевский в “Записках из мертвого дома”: «Евреи требовали свободы передвижения, когда в России этими свободами ещё никто не пользовался». “Свободно передвигавшихся” вылавлива-

ли как “безпачпортных бродяг” и высылали в родную деревню или водворяли в тюрьму.

Поэтому из всех жён Абдуллы только Гюльчатай демонстрирует грамотность: она водит пальцем по надписи на вывеске, которая находится над дверями музея, и читает про себя.

В фильме добавлен эпизод с песней про Степана Разина, которую прослушивают с граммофонной пластинки обитательницы нового «общежития». “Женщины Востока” в присутствии Сухова без паранджи и можно разглядеть на их лицах выражение недоверия. Если помнить, что речь идет о большом народе, то можно полагать: так символически показано — до понимания подлинной свободы народам СССР еще далеко.

Чем же определяется подлинная свобода человека? Почему народы, жившие в СССР, несмотря на более низкий материальный уровень, по сравнению с уровнем жизни в странах “великолепной семерки”, были более свободны, особенно во времена сталинизма? Сегодня ответ на этот вопрос утоплен в море лжи. Но пройдет время, уйдет эйфория “демократических свобод” и народы потребуют правды. При этом следует помнить: никто и никогда не будет говорить, что он несёт людям ложь; все будут утверждать, что говорят только правду. Но отличить правду от лжи невозможно без Различения, а научить или научиться этому нельзя, ибо Различение дается Свыше по нравственности, причем не декларируемой самим человеком, а той нравственности, которая объективно преобладает в обществе.

Ответ на вопрос о подлинной свободе станет доступен человеку лишь после того, как он осознает, что любой процесс во Вселенной представляет собой триединство материи, информации и меры. Если информационный (духовный) прогресс в системе, представляющей собой общество людей, отстает от материального “прогресса” (можно в частности рассматривать технический прогресс и связанное с ним улучшение “благосостояния трудящихся”), то процесс триединства начнет выходить за рамки балансировочного режима. И процесс разбалансирования системы может выйти за пределы, предусмотренные общевселенской Мерой, что приведет к деградации системы, её откату назад относительно достигнутой меры развития, после чего процесс развития либо

повторится вновь, но уже по отличному от предыдущего пути, либо система погибнет, как не способная соотнести свою деятельность с Высшим Промыслом.

Людям дана свобода выбора, позволяющая обрести и свободу воли. «Свобода выбора» и «свобода воли» далеко не одно и то же. Часто человек встает перед необходимостью сделать правильный выбор, но утрата Различения парализует свободу воли, поскольку правильный выбор возможен лишь на основе Различения, даруемого Свыше по нравственности. Иными словами, если процессы материального и духовного развития в обществе сбалансированы и согласованы с Мерой развития, установленной Свыше, то в психике человека, живущего в таком обществе, появляется ощущение свободы, свойственное тому историческому периоду в котором он живет. Происходит это потому, что связь с Иерархически Высшим объемлющим управлением осуществляется посредством Меры, установленной Им же. Отставание от Меры, либо её чрезмерное опережение — есть утрата этой связи, что проявляется в психике людей в форме разного рода стрессов, ощущения потери смысла жизни, несвободы. И свобода определяется не количеством денег, не наличием у одних индивидов неограниченной власти над другими, а умением владеть собой на основе чувства меры, что позволяет человеку поддерживать связь с Богом.

Всё это в совокупности представляет истинную религию (религия в переводе с латыни — связь) людей. Способность к истинной религии определяется Различением, научиться которому невозможно, ибо оно дается человеку Свыше по его нравственности. Вот и получается, что при сталинизме простые труженики, живущие в согласии с чувством меры, были свободны и религиозны даже без церковного ритуала.

С утратой чувства меры, церковный ритуал богослужения зачастую служит лицемерным прикрытием для некоторых индивидов их безнравственности и разрушает в них истинную религию, что влечет за собой и утрату ощущения свободы. Более всех в фильме обеспокоена, чтобы “никто не увидел лица женщин”, Гюльчатай. Как это понимать на уровне второго смыслового ряда?

Еврейство — передовой отряд “малого народа” любой национальности и его прямая обязанность — поддержание в обществе толпо-“элитарных” отношений.

Гюльчатай: «Не бойтесь, это наш господин (открывает лицо, за ней и все остальные). Господин, никто не должен видеть наши лица, — только ты. Ты — наш новый муж, скажи своему человеку, чтобы он не приходил».

Признание Сталина “новым мужем” национальных “элит” шло при самом активном участии еврейства. Ему даже был отдан пост комиссара “по делам национальностей” в надежде, что он будет верным космополитом-марксистом. При этом на марксизм, как и на еврейство, возлагались охранительные функции по отношению к толпо-“элитаризму”, с небольшим, но очень деликатным дополнением: марксизм обязан был всячески маскировать мафиозную сущность еврейства под нацию, представляя её в качестве самой талантливой среди прочих равных народов. Делалось это весьма своеобразно: по оглашению — через гонения, запреты на определенные виды профессиональной деятельности, а по умолчанию — через продвижение на руководящие посты “гонимых”. Все кадровые чистки приводили лишь к концентрации еврейства в основных видах интеллектуальной деятельности общества, безуспешно стремившегося освободиться от паразитизма еврейских “гениев”.

Трудно было избежать обвинений в антисемитизме при борьбе с этой мафией, маскирующейся под “малый народ” и потому Сталин просто вынужден был дать определение нации, чтобы невредимым пройти между Сциллой мафиозности еврейства и его же Харибдой расизма[1]. Перед второй мировой войной “хорошая добрая мама” Петрухи, “которую все уважают” это определение молча проглотила, но не забыла.

[1] См. его работу “Марксизм и национальный вопрос”.

Картина 7. Ваше благородие…

«— Раз, два, — выкрикнул Сухов.

— Взяли! — хором ответили ему гарем и Петруха.

Они все дружно навалились на баркас, стоявший на валках, немного сдвинули его. До воды оставалось еще метров двадцать…

— Раз, два! — крикнул Сухов.

— Взяли!! — дружно навалились жены Абдуллы. Петруха и Сухов вытерли лбы.

— Еще бы человек пять мужиков, — сказал Петруха.

— Десять еще лучше, — согласился Сухов, — да где их взять?

— Раз, два! — крикнул он опять.

Женщины навалились из последних сил.

Баркас сдвинулся еще чуть-чуть.

— Ничего не поделаешь, — сказал Сухов женщинам, — придется потрудиться. Спустим на воду — и в море!

— Может, передохнем? — предложил Петруха. — А то надорвутся с непривычки.

— Перекур! — объявил Сухов».

Кинорежиссер Мотыль предпочел этот эпизод киноповести в фильм не включать. Если бы он мог внятно изложить соображения, которыми при этом руководствовался, то и читатели и кинозрители могли бы стать свидетелями лексического выражения его объективной нравственности, как правило режиссёрами прямо не высказываемой, а скрываемой нравственностью публично декларируемой[1]. Тем не менее объективную нравственность можно “вычислить” через умолчания, вскрывая второй смысловой ряд оглашений. Пока же отсутствие рассматриваемого эпизода в фильме говорит лишь о том, что объективная нравственность Мотыля, в чем-то расходится с объективной нравственностью В.Ежова и Р.Ибрагимбекова.

---

[1] Чтобы понять, о чём здесь идёт речь, достаточно послушать публичные высказывания братцев кинорежиссёров Михалковых и сопоставить эти высказывания с их реальной жизнью при всех режимах.

В ***Картине 4*** “баркас” был определен как символ толпо-“элитарной” библейской цивилизации, у которой есть и свои цели развития. С учетом этого замечания следует помнить, что многонациональное общество Советского Союза оставалось толпо-“элитарным”. Но кризиса национальных отношений, якобы развалivших Русскую цивилизацию, завершавшую очередной этап своего развития в форме государственности СССР, не было, а был создан потенциал неразрешенных своевременно проблем общественного развития, которые после государственного краха СССР были целенаправленно слиты в непрерывную череду межнациональных конфликтов, поддерживаемых “элитарными” кланами как внутри новых “сувенирных” демократий, так и при содействии их зарубежных покровителей, ведущих борьбу с социализмом.

Если же говорить о социализме, как идеале, провозглашенным в СССР целью государственной политики, то в понимании большинства «социализм» оставался словом, в которое различные слои толпо-“элитарного” общества вкладывали смысл, соответствующий их объективной нравственности. Большевизм же под этим словом понимал идеал общества без паразитизма одних на труде и жизни других и в котором, по крайней мере, нет государственно или мафиозно организованного паразитизма меньшинства на большинстве.

Отсюда в последний период существования СССР после смерти Сталина можно было быть недовольным двумя вещами:

- либо тем, что построение социализма избрано целью государственной политики;
- либо тем, что построение социализма сопровождается извращениями и отступничеством от провозглашенного идеала в реальной политике.

Тем, кто осознавал себя в качестве представителей “элиты”, которая якобы обладает “естественным правом” превозноситься надо всем остальным населением во всех смыслах слова «превознестись», идеалы социализма были неприемлемы и целью их осознанной и бессознательной деятельности было *изменение социалистической ориентации государства СССР, что неизбежно*

вело к его расчленению в угоду “элитарным” амбициям национальных и региональных “элит”.

Подавляющее же большинство населения было концептуально всеядно, нравственно безразлично к вопросам организации жизни общества, власти вообще и государственной власти, в частности, и потому по отношению к идеалам социализма справедливости занимало паразитическую позицию: т.е. они не возражали бы против того, чтобы кто-то другой исправил извращения в социалистическом строительстве, а они бы пользовались этими достижениями и в лучшем случае сказали бы победившим защитникам идеалов социализма «спасибо».

Поэтому главную опасность для жизнеспособности социализма представляли национальные “элиты”, привыкшие больше брать от общества, чем давать ему. Большевизм стремился изменить вектор целей общества, порожденный библейской нравственностью, и пытался для этого привлечь интеллектуальный потенциал национальных “элит”, создавая для них даже особые условия существования. Но на призыв большевизма «потрудиться» в ответ всегда раздавалось дружное «взяли!». Конечно, на уровне первого смыслового ряда команда: “Раз, два! — Взяли!” — всего лишь обычное, поддерживающее коллективную энергетику словосочетание, но на уровне второго смыслового ряда, где следует оперировать другими понятиями — процессами и явлениями, слаженный ответ национальной и партийной “элит”, выраженный словом “взяли”, — краткая и точная характеристика их объективной нравственности. Процесс “перестройки” раскрыл их объективную нравственность, долгое время скрываемую декларациями о благих намерениях. “Мы вынуждены были притворяться чумазыми, чтобы иметь власть”, — заявил кинорежиссер Никита Михалков в 1994 году на заседании “Круглого стола” в “Горбачев-фонде”.

Не мог большевизм с такими “помощниками” “сдвинуть баркас”, т.е. изменить вектор целей общественного развития, порожденный библейской нравственностью, и потому вынужден был начать разбираться с “механизмом” их формирования.

«— Я посмотрю мотор, а ты пока сходи туда… — Он указал Петрухе в сторону белого дома, стоявшего на

берегу в километре от них. — Царская таможня там была, узнай, кто там сейчас. Вроде мелькнул кто-то…

Петруха отправился в сторону дома, а Сухов полез на баркас, в тени которого прилегли женщины».

Отправив марксизм выяснять отношения с либеральной интеллигенцией, большевизм по сути полез в “генераторную” формирования вектора целей библейской цивилизации. По странному совпадению Верховный Совет РСФСР, состоявший в основном из либеральной интеллигенции, заседал до своего разгона в здании, названным простым народом “белый дом”. И марксисты (их не следует путать с коммунистами) занимали в этом постсоветском законодательном органе власти ведущие позиции. Именно их “законодательные инициативы” положили начало уничтожению всех социальных завоеваний простых тружеников, имевших очень смутное представление о сути проводившихся “демократических” реформ. Наибольшую же выгоду от “реформ” получили “элитарные” кланы, всегда скрывающие свои подлинные цели. Их представители, занимая руководящие посты в партии и правительстве, до августа 1991 года действительно старались держаться «в тени», но рано или поздно библейская нравственность, которой они в душе всегда были привержены, должна была проявить их объективные, а не декларируемые цели, сводившиеся к тому, чтобы у них всё было как на западе: собственные посольства, почетные караулы, персональные самолеты, виллы, яхты, бронированные лимузины. То, что всё это ляжет тяжелым бременем на плечи простых тружеников (сами национальные “элиты” могли «надорваться с непривычки») — это их нисколько не беспокоило.

Есть еще один знаковый момент в этом эпизоде, почему-то выпавший из фильма. Он обозначен в киноповести одной фразой: “До воды еще оставалось метров двадцать…” Первое рукописное издание “Мертвой воды” было подготовлено к печати уже в 1991 году. С выходом в свет в 1995 году экономического раздела концепции Общественной Безопасности под названием “Краткий курс…” можно говорить о её завершении. В 1969 году до её появления действительно оставалось лет двадцать…

«Дом показался Петрухе странным: в выжженном солнцем Педженте совсем не было зелени, здесь же из-за высокого дувала выглядывали густые деревья.

Огромные ворота с металлическими кольцами были заперты, на окнах, на ставнях висели замки.

Петруха обошел домик-крепость с трех сторон, но нигде не было никакой возможности пробраться хотя бы во двор…

Когда Петруха, прыгнув с разбегу, ухватился за верх дувала, приоткрылась одна из ставень и показались огромные усы и дуло револьвера.

Петруха спрыгнул в сад. Что-то зашуршало, зашлепало, сбив фуражку с его головы. Это пролетел по саду испуганный павлин. Он опустился рядом с другим павлином на навес в глубине двора.

Петруха вытер вспотевший лоб и огляделся. Двор был небольшой. Посреди двора располагался бассейн, и в нём плавали… осетры. По двору ходили маленькие барашки».

В фильме “содержимое” двора таможни, за исключением “маленьких барашков”, соответствует тому, что описано в киноповести. Если азиатское слово “дувал” заменить русским “ограда”, то получится символическое описание условий существования высших кругов либеральной интеллигенции в послесталинские времена. Клановая замкнутость, жратва, пьянка, ностальгия по “революционному”, а по сути троцкистскому прошлому, выражаемая через песни бардов, типа Высоцкого и Окуджавы, — всё это признаки “застоя”, безвременья и всех видов социального идиотизма, главным из которых является нигилизм, как плата “малому народу” за отрыв от большого народа. Марксизму в пределах своего “дувала” либеральная интеллигенция отводила особую роль.

«Петруха осторожно поднялся по каменной лестнице, ведущей на террасу второго этажа. На двери висел амбарный замок. И снова одна из ставень, на этот раз та, что выходила во двор, отворилась, и в ней показались усы и револьвер.

Петруха опять не заметил этого. И, решив, что в доме никого нет, хотел выбраться со двора. Сделать это было нетрудно, так как лестница на террасу шла возле дувала. Но только Петруха повернулся, как сверху, из окна, раздался голос:

— Стой!.. Руки вверх!

Петруха замер и поднял руки вместе с винтовкой.

Кто-то схватил его за запястья и одним мощным рывком втянул в окно.

Оказавшись в комнате, Петруха увидел перед собой огромного, тучнеющего уже, усатого мужчину в казацких шароварах и белой нательной рубахе.

В полумраке (ставни повсюду были заперты!) Петруха разглядел на стенке текинский ковер с саблями, гитару, несколько фотографий, под потолком клетку с птицей, на окнах занавески, цветы, на одном из подоконников пулемет «максим», в углу иконостас, под ним горка гранат и пулеметных лент. В другом углу стояла широкая кровать с цветастым лоскутным одеялом и горой подушек. Под кроватью — другой «максим».

— Ты в чей дом забрался? Отвечай, — сказал усач.

— Не знаю, — вполне искренне ответил Петруха.

На столе он увидел самовар, труба которого выведена была в окно. Возле откупоренной уже бутылки и цветных пиал лежали в тарелках румяные пироги, картошка в мундире, соленые огурцы, пол-арбуза и персики.

— Ты что, не слыхал про Верещагина?! — удивился усач. — Дожил!.. Было время, в этих краях каждая собака меня знала. Вот так держал! — усач сжал свой огромный кулак. — А сейчас забыли…»

Да, было время, когда песни из кинофильмов, созданных представителями новой, советской интеллигенции пел весь народ. Никто особенно не вникал к какой национальности принадлежал тот или иной деятель культуры. Все они пользовались искренним признанием и любовью народа, даже не подозревающего, что для либеральной интеллигенции простые труженики не люди, а “собаки”. А “чтобы в этих краях каждая собака их знала” они “вынуждены были притворяться чумазыми”.

«Усач подошел к столу и нарезал пирог.

— Садись, — он пододвинул Петрухе пиалу со спиртом, — пей, коли храбрый.

Петруха отпил немного, сразу задохнулся и схватился за огурец.

Усач залпом хватил свой стакан»

Картина 7. Ваше благородие…

“Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальем!” — эти слова из песни не выкинешь. Кино пользовалось в СССР огромной популярностью, но вряд ли можно было найти хотя бы один фильм советских времен, в котором всенародно любимые киноактеры не пили и не курили. А ведь это были кумиры толпы. Толпа же, по определению В.Г.Белинского — “собрание людей, живущих по преданию и рассуждающих по авторитету” своих кумиров. И эти кумиры и их “творцы” несут прямую ответственность за судьбы мальчиков и девочек, начинающих сегодня пить и курить уже в 8 — 9 лет, независимо от того, понимают они или нет, что с помощью “искусства кино” и при их непосредственном участии уничтожается генофонд нации. С позиции же достаточно общей теории управления всё это — показатель эффективного использования оружия пятого приоритета в борьбе противоборствующих мировоззренческих систем. Не лишне напомнить здесь, как тонко использовал этот вид оружия Э.Рязанов в фильме “Ирония судьбы или с легким паром”. После демонстрации предновогоднего “подарка” в 1975 году “бытовое пьянство” с мурлыканием под гитару настолько захватило всю страну, что “ребятам из Лэнгли[1]” можно было больше не беспокоиться по части применения этого вида оружия в условиях “советской действительности”. Но с особой эффективностью этот вид оружия был использован в августе 1991 года, когда пьяная толпа участвовала в фарсе под названием “демократическая революция”.

Что касается марксизма, то он действительно был “втащен” либеральной интеллигенцией в Россию методом культурного сотрудничества в расчёте на то, что идеи материалистического атеизма постепенно будут заполнять идеологический вакуум, возникавший в массовом подсознании, после того как оно начало преодолевать идеалистический атеизм Библии. Однако марксизм, как идеология материалистического атеизма, “привился” в России лишь в сознании либеральной интеллигенции, поскольку психический троцкизм марксизма соответствовал её духу. Соотношение объективной и декларируемой нравственности “элиты” (по оглашению — борьба за народное счастье; по умолчанию — сначала

[1] Так называют себя ЦРУшники в своём узком кругу.

себе — “раз, два — взяли!”, а трудовому народу — по остаточному принципу, то есть — пусть всё остаётся, как было) в марксизме выражается через декларацию красивых лозунгов о “свободе, равенстве и братстве” с полным умолчанием механизма их реализации. Но именно это обстоятельство стало главным препятствием на пути претворения в жизнь ленинского наказа: “Каждая кухарка должна учиться управлять государством”.

Объявленное большевиками и реализуемое Сталиным право на всеобщее среднее образование нарушило монополию либеральной интеллигенции на знания, в основном прикладного характера, создав у неё иллюзию, что её “забыли”. Знаниями же первых трёх приоритетов, помимо прикладных, она и ранее обладала лишь в рамках библейской концепции. Но всё это *вторично* по отношению к «Языку жизни», который в большинстве своем интеллигенции недоступен.

Можно сказать, что во времена сталинизма либеральную интеллигенцию понемногу стали “забывать” по мере того, как она (не добровольно, а по принуждению) утрачивала свою “элитарность”, но в троцкистко-хрущевскую “оттепель” для реализации её “элитарных” амбиций были созданы все условия. Так что “таможня” никуда не исчезла, но более того, в новом информационном состоянии её приверженность к библейской логике поведения проявилась в ином качестве и по существу она стала тормозом продвижения народов к новой культуре мышления, при которой важна не фактология нового знания, а методология его освоения.

Выйти на методологию можно лишь при условии преодоления в мировоззрении народов России-СССР идеалистического и материалистического атеизма, что в религиозном плане означало бы очищение истинного учения Христа от библейских извращений, а в социальном — очищение коммунизма от догматов марксизма, что по сути своей — проявление единства меры в социальном и духовном планах, которое на арабским языке выражается одним словом — ислам, а в переводе на русский означает — царство Божие на небе и на земле.

Разумеется, речь здесь идет не об исторически сложившемся исламе, а об исламе кораническом, который представлен в фильме образом Саида. О том, что “таможня” привержена библейской

концепции управления и бездумно (на уровне стереотипов отношения к явлениям внутреннего и внешнего мира) противостоит продвижению коранического ислама, в фильме показано не прямо, а опосредованно через сцену прямого столкновения Саида и Абдуллы, возникшую на экране сразу же после сцены пьяного застолья Верещагина и Петрухи.

Картина 8. Кинжал хорош для того, у кого он есть

«Саид ехал по пустыне. И хотя он был занят своими мыслями, он сразу заметил трех всадников, выскочивших из-за бархана.

Саид продолжал ехать в том же направлении.

— Стой! — крикнул один из всадников. — Стой! Кому говорят?!

Другой выстрелил.

В ту же секунду, свесившись с седла, Саид дважды выстрелил по бандитам из-под лошади.

Двое бандитов свалились с коней. Третий дал стрекача.

Саид развернул коня и поскакал за ним. Конь вынес Саида на вершину бархана. Саид вскинул винтовку и… В тридцати метрах прямо на него двигался отряд Абдуллы. Два пулемета держали Саида на прицеле. Саид опустил винтовку.

Отряд насчитывал полсотни всадников и пару десятков груженых тюками верблюдов. В середине, окруженный телохранителями, ехал на белом коне Абдулла.

— Зачем ты убил моих людей, Саид? — спросил он, когда отряд подошел поближе. — Я послал их сказать, чтобы ты не искал Джавдета в Сухом ручье. Его там нет».

Последние слова Абдуллы не означают, что он знает местонахождение Джавдета, но по ним можно предположить, что он имеет представление о местах, где Джавдета искать не следует. Всё это говорит о том, что между Джавдетом и Абдуллой существует некая связь, которую хотел понять Сухов еще в ***Картине 1***.

Так в ней на вопрос Сухова “А Джавдет, он с Абдуллой или как?”, Саид отвечает: “Джавдет — трус, Абдулла — воин”.

Поначалу может показаться, что такой ответ не по существу, но если его рассматривать как иносказательную оценку определенного этапа длительного процесса противостояния двух концепций

управления глобального уровня значимости: библейской и коранической, то он довольно точен.

В настоящее время для заправил Запада главным препятствием на вожделенном пути к безраздельному мировому господству является проблема, существо которой они предпочитают не обсуждать в средствах массовой информации, но которой пугают обывателя повсеместно. Это — проблема “исламского фундаментализма”. Абстрактно-филологическое арабо-латинское пугало “исламский фундаментализм” не опирается на корневую базу ни в одном из ныне живых языков и не имеет в них смысла, по какой причине оно осмысляется каждым, кто с ним сталкивается, из того контекста, в котором его подают средства массовой информации. Средства же массовой информации Запада повсеместно формируют образ врага из всего, что в нынешнем мире обусловлено фактом Коранического Откровения в прошлом.

Причина этого лежит не в расхождении богословов по неотмирным вопросам догматики и душеспасения; и не в различии ритуалов господствующих культовых традиций, а в том, что агрессия Библейской региональной цивилизации (Запада) в сопредельные ей регионы протекает как скупка собственности народов и самих народов на основе ростовщического кредита, в котором в глобальных масштабах доминируют еврейские кланы, контролирующие надгосударственное банковское дело под видом заурядного частного предпринимательства, подобного якобы частному предпринимательству в сфере торговли и производства. Коран же категорически запрещает ростовщичество — кредитование под процент — будь оно частным либо же государственным. То есть, ставя ростовщический кредит вне закона под проклятие Бога, Кораническая культура защищает верное её идеалам общество от гнета надгосударственной глобальной библейской надстройки и её периферии, что исключает возможность завершения глобальной экспансии библейской цивилизации и установления Западом “нового мирового порядка”, который на поверку оказывается старым древнеегипетским рабовладением, но осуществляемым при помощи финансовой ростовщической удавки, а не грубой вооруженной силой.

Почему же Кораническая культура, имея в своем арсенале столь мощное оружие, как Коран, не смогла остановить экспансию библейской доктрины глобального рабовладения? Символический ответ на этот вопрос в фильме краток: “Джавдет — трус, Абдулла — воин”, но в таком виде он упрощает проблему противостояния двух концепций управления и потому его нет в киноповести. И тем не менее авторы киноповести не уходят от ответа на этот вопрос.

«Абдулла говорил спокойно, легкая усмешка кривила его губы, но глаза смотрели недобро.

— Твой отец был другом моего отца, продолжал Абдулла. — Дорога легче, когда встретится добрый попутчик. Ты будешь моим гостем.

Абдулла подал незаметный знак. Четыре бандита подскакали к Саиду и встали с ним с двух сторон…»

Если перевести эту сцену с языка символов на язык “холодной войны”, то получается, что библиисты следуя “незаметным” знакам искажающим откровения “священного писания”, разоружили коранический ислам, превратив его в ислам исторический. Такая операция не только облегчила экспансию Библейской концепции, но обеспечила ей к тому же еще и “доброго попутчика”. Как такое могло случиться? Ответ на этот вопрос есть в Коране, сура 2:

«257(256). Нет принуждения в религии. Уже ясно отличился прямой путь от заблуждения. Кто не верует в идолопоклонство и верует в Аллаха, тот ухватился за надежную опору, для которой нет сокрушения. Поистине, Аллах — слышащий, знающий!»

Бог действительно всегда слышащий, знающий, что нельзя сказать о человеке. И потому, хотя со времени оглашения Корана Мухаммадом прошло более 1300 лет, человек не всегда способен отличить прямой путь от заблуждения. Большинство слышит только то, что хочет услышать. Это означает, что даже прямые откровения о царстве Божием на земле, идущие к человеку от Бога, попадают не в пустоту, а в уже сложившуюся к тому времени в его сознании и подсознании систему стереотипов его отношения к явлениям внутреннего и внешнего мира, сформированную традициями прошлого, культурой. То, что очевидно и понятно в одной системе стереотипов, неприемлемо в другой системе стереотипов.

Картина 8. Кинжал хорош для того, у кого он есть

«Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, а потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий», — известное изречение К.Пруткова, в котором “понятия” — стереотипы, пересмотр которых дело невероятно трудное.

«Банда Абдуллы неторопливо двигалась к Педженту. Абдулла был в хорошем расположении духа.

— Мой отец перед смертью сказал: “Абдулла, я прожил жизнь бедняком…” — рассказывал он Саиду, ехавшему рядом, — “и я хочу, чтобы Аллах послал тебе дорогой халат и красивую сбрую для твоего коня”. Я долго ждал, а потом Аллах сказал мне: “Садись на коня и возьми сам что хочешь… если ты храбрый и сильный…”.

Абдулла умолк, чтобы дать высказаться собеседнику.

— Мой отец ничего не сказал перед смертью. Джавдет убил его в спину, — мрачно произнес Саид.

— Твой отец был мудрый человек, — продолжал Абдулла. Большое сильное его тело мерно покачивалось в седле. — Но кто на земле знает, что есть добро и зло? Кинжал хорош для того, у кого он есть, и плохо тому, у кого он не окажется в нужное время».

Слова, “кто на земле знает, что есть добро и зло”, — “визитная карточка” Абдуллы — символ безнравственности Библейской концепции. Это своеобразный пароль опознавания «свой-чужой» для всех национальных “элит” Библейской цивилизации существует в Ветхом Завете. Для “людей Абдуллы” этот текст как бы отсутствует (изъят из изданий Библии на всех западноевропейских языках), но он всё равно остаётся в умолчаниях. Поэтому мы приводим его по русскому изданию Библии (Числа, 14:10), из которой он не изъят, то ли по недомыслию православной иерархии, то ли благодаря стремлению противостоять католической и протестантской иерархии на уровне особой библейской “самости”. Текст восстановлен по переводу семидесяти толковников — Септуагинте:

«[только детям их, которые здесь со Мною, которые **не знают, что добро, что зло**, всем малолетним, ничего не смыслящим, им дам **землю**…][1]».

В диалоге Саида и Абдуллы выявлена сущность концепции концентрации производительных сил общества методом “культурного сотрудничества”, на основе которого все народы превращаются в безликую толпу, после чего можно «брать у неё всё, чего хочешь». И первой (а потому и вечно юной[2]) женой в “гареме Абдуллы” стало древнее семитское племя кочевников, дошедшее неизменным до нашего времени под именем еврейства. Но у этой “жены” есть особая миссия — миссия “жертвы”: все остальные народы должны на своей шкуре ощущать гнет глобального рабства, но не должны впрямую сталкиваться с глобальным рабовладельцем, а свою ненависть (и тайную, и явную) изливать на “И.О.” глобального рабовладельца — рассеянное по всему свету “богоизбранное” племя. В этом — суть жертвенности еврейства, которая воспринимается евреями, как беспричинное проявление ненависти к ним всех народов.

«Гюльчатай уже спала, её юное лицо было спокойно.

У изголовья каждой бывшей жены висела табличка с их именем.

— О Аллах, — поднялась вдруг одна из них. — Есть хочу.

И тогда, как по команде, поднялись все и обернулись к Гюльчатай.

— Наш муж забыл нас, еще не узнав. Это его дело. Но почему он не дает нам мяса? — протянув к ней руки, сердито сказала Джамиля. — Когда я была любимой женой Абдуллы, мы каждый день ели мясо! — с презрением глядя на Гюльчатай, добавила она. — И орехи… И рахат-лукум!

---

1 В синодальном переводе в квадратные скобки заключен текст из Септуагинты (перевода Ветхого Завета на греческий, осуществленного 70 толковниками в III веке до нашей эры), добавленный в канонический текст Библии новозаветной эпохи.

2 В терминологии гумилевцев «пассионарность» еврейства непреходяща, хотя они не вдаются в рассмотрение причин этого “чуда”.

Гюльчатай испуганно слушала Джамилю».

В фильме слова про “мясо” и “рахат-лукум” исчезли. Почему? Потому что они слишком прямо указуют на сущность националь-ных “элит”, которых не интересует вопрос, откуда появляется у прикармливающего их господина “мясо и рахат-лукум”. Им важ-но, чтобы эти продукты были в необходимом им количестве вне зависимости от складывающихся обстоятельств.

Картина 9. Сейчас мы поглядим, какой это Сухов

«Верещагин сидел с Петрухой в обнимку на полу и пел:

...Ваше благородие,
Госпожа удача,
Для кого ты добрая,
А кому иначе,
Девять граммов в сердце...
Постой, не зови!
Не везет мне в смерти,
Повезет в любви.

Ваше благородие,
Госпожа чужбина,
Жарко обнимала ты,
Да только не любила...[1]

Сухов подошел к дому. Прислушался к песне. Потом бросил в открытое окно камешек и присел на песок…

…Камешек упал в пиалу со спиртом, которую Верещагин собирался поднести ко рту. Некоторое время тот оторопело смотрел на камешек, лежавший на дне пиалы, затем двумя пальцами выловил его и опорожнил пиалу.

— Эй, хозяин, — позвал его снаружи Сухов. — Прикурить есть?

Услышав голос своего командира, Петруха бросился к окну, но Верещагин силой усадил его на место.

— Ты что? — спросил он.

---

[1] В киноповести здесь дается сноска, что данные стихи принадлежат Б.Окуджаве.

Картина 9. Сейчас мы поглядим, какой это Сухов

— Это же товарищ Сухов, — заплетающимся языком сказал Петруха. Он сильно захмелел.

— Сухов, говоришь? — усмехнулся Верещагин. — Ну ладно, сейчас мы посмотрим, какой это Сухов.

Верещагин, покряхтывая, тяжело поднялся, достал из ящика динамитную шашку, подошел к иконе и поднес к огню лампады фитиль шашки, огонек побежал по шнуру. Он перекрестился и направился к окну…

Сухов продолжал сидеть на песке перед домом.

— На, прикури, — сказал ему появившийся в окне Верещагин. — Прости меня грешного, — пробормотал он и швырнул шашку Сухову.

Шашка упала рядом с Суховым. Шнур стремительно укорачивался. Сухов протянул руку, взял её, неторопливо прикурил и бросил через плечо. Не долетев до земли, шашка взорвалась, взметнув к небу тучи песка.

— Благодарствуйте, — не оглянувшись на взрыв, поблагодарил Сухов и затянулся.

— Ну, заходи, — приветливо сказал Верещагин и кинул ключи».

Эта картина вошла в фильм с небольшим изменением: после взрыва динамита на экране появляются три старца, у которых с головы словно ветром сдувает чалмы. Без ключей к иносказанию невозможно понять откуда вдруг в фильме явились старцы. “Ключи”, которые бросает “таможня” Сухову, — знак признания либеральной интеллигенцией способности большевизма пользоваться первым приоритетом обобщенных средств управления-оружия.

Напомним, что на первом приоритете — информация мировоззренческого, методологического характера, в которую прежде всего входят первичные обобщения и отождествления — основополагающие категории вселенной, а они-то у большевизма и либеральной интеллигенции — принципиально различные. Как было показано ранее, по тексту киноповести старцев было три. Четвертый, лежащий на ящике с динамитом, появился в фильме процессе киносъемок. Нет в тексте киноповести и “дымящегося” динамита, поливаемого Суховым водой из чайника. Невозможно по-

нять эти и другие расхождения сценария фильма с сюжетом киноповести на уровне первого смыслового ряда, поскольку все они — результат импровизации коллективного бессознательного. Но это особый вид импровизации, когда “картина как бы сама себя рассказывает”[1], в результате чего происходит нечто близкое к тому, что описал А.С. Пушкин в 22 октаве предисловия к поэме “Домик в Коломне”:

Насилу-то рифмач я безрассудный
Отделался от сей октавы трудной.

Можно сказать иначе: целостность и взаимосвязанность иносказания “Белого солнца пустыни”, заданного содержанием киноповести В.Ежова и Р.Ибрагимбекова, была нарушена внесением в сюжет фильма изменений, «продиктованных» съемочной группе с уровня коллективного бессознательного или, как принято теперь говорить, с эгрегориального уровня, хотя инициатором каждого отдельно взятого эпизода, выпадающего из сценария или добавляемого в него, выступала конкретная личность.

Для описания одного и того же процесса символы могут быть самые разные, но если они отражают объективную реальность, то всегда будут указывать на одно и то же явление, понимание которого будет определяться системой взглядов на мир читателя (или зрителя). Можно назвать такую систему взглядов мировоззренческим стандартом. Любое множество мировоззренческих стандартов может быть сведено к двум, условно названным по образу восприятия мира в качестве либо “калейдоскопа”, либо “мозаики[2]”.

---

[1] Фраза из романа Томаса Манна “Иосиф и его братья”, в котором десять страниц Библии были развернуты писателем в двухтомник, превосходящий по объему саму Библию. Благодаря “вхождению Томаса Манна в ситуацию”, машинистка, печатавшая рукопись романа, по его окончании с восторгом воскликнула: “Теперь-то я знаю, как всё было на самом деле”.

[2] Многим людям с детства приходилось иметь дело с устройством под названием “калейдоскоп”, а некоторым случалось заниматься и выкладыванием мозаики. Но немногие задумывались над вопросом: чем отличается калейдоскоп от мозаики. В калейдоскопе и мозаике картинка

формируется из одних и тех же элементов — разноцветных стекляшек. В калейдоскопе стекляшки разбросаны беспорядочной грудой и только за счет системы зеркал они представляются зрителю строго симметричной (хотя иллюзорной и бессодержательной) картинкой. Мозаичная картина реальна, стекляшки в ней строго упорядочены и каждой отведено свое место в соответствии с замыслом художника. В калейдоскопе картинка формируется произвольно и непредсказуемо в зависимости от угла поворота всего устройства, а изъятие или добавление к уже имеющейся груде даже одной стекляшки кардинально меняет всю картинку. В мозаике угол зрения, под которым она рассматривается, не меняет её содержания; не оказывает заметного влияния на содержание мозаичной картины изъятие или добавление к ней одной стекляшки. Более того, если картина по своим размерам достаточно велика (например, мозаичное полотно “Переход Суворова через Альпы” на фасаде здания музея А.В. Суворова), то зритель даже не заметит изъятие или добавление нового элемента.

В жизни стекляшки мозаики и калейдоскопа можно уподобить аналогам исторических фактов. И тогда для одних (стоящих на позициях “мозаичного” мировоззрения) мир будет един и целостен и всё в нём будет взаимосвязано и причинно-следственно обусловлено; выпадающие из массовой статистики факты при таком типе мировоззрения будут представляться не ни весть откуда свалившимися случайностями, а вписываться в определенные статистические закономерности. Для других, стоящих позициях “калейдоскопа”, мир будет представляться набором не связанных меж собой случайных фактов, а любой поворот истории, появление нового, ранее неизвестного исторического факта (или его изъятие по причине недостоверности) может в их глазах изменить всю картину мироздания.

Для “калейдоскопа” и “мозаики” есть и свой набор предельных (или первичных) обобщений и различений. Для “калейдоскопа” их четыре: материя, энергия, пространство и время; для “мозаики” — три: материя, информация и мера. Это очень древние предельные обобщения. Поэтому только на поверхностный взгляд ответ старика в фильме может показаться не имеющим отношения к существу вопроса Сухова о происхождении динамита; на уровне второго смыслового ряда ответ содержательно точен: “Давно здесь сидим”.

Первичные обобщения, как правило, не осознаются большинством людей, но их объективные проявления во всех аспектах жизнедеятельности человека настолько сильно, что становится уже трудно не заметить, как весь мир давно сотрясается от последствий незримого противостояния двух типов мировоззрения — “калейдоскопа” и “мозаики”.

Какое-то представление об их противостоянии имел, видимо, Пушкин, выразив его в первой октаве предисловия к “Домику в Коломне”:

> ***Четырехстопный ямб*** *мне надоел:*
> *Им пишет всякий. Мальчикам в забаву*
> *Пора б его оставить. Я хотел*
> *Давным давно приняться за октаву.*
> *И в самом деле: я бы совладал*
> *С* ***тройным созвучием****. Пущусь на славу!*
> *Ведь рифмы запросто со мной живут;*
> *Две придут сами, третью приведут.*

Здесь “мозаичный” мировоззренческий стандарт, иносказательно представленный в качестве «тройного созвучия» материи, информации и меры в мироздании, символически противопоставлен «четырехстопному ямбу» — мировоззренческому стандарту “калейдоскопа”. Октава — символ мироздания и его бесконечности; понять мироздание, отобразить его без искажений можно только через «тройное созвучие» — символ триединства материи, информации и меры. О причинах искажений объективной картины мира, предстающей в сознании в виде образов[1], в фильме говорится также иносказательно.

Наблюдательный зритель не мог не обратить внимания на одно обстоятельство: Сухов ни разу не закурил и не выпил до встречи с Верещагиным. Почему?

Время после ухода из жизни Сталина было не просто временем «застоя»; это было время активного воздействия на народы СССР оружием пятого приоритета — оружием геноцида (алкоголь, табак и другие виды наркотиков) живущих и будущих поколений. Этот тип оружия, при бездумном содействии либеральной интеллигенции врагам Русской цивилизации, с особой жестокостью и изощренностью использовался для подготовки будущего развала страны и уничтожения генофонда нации. Поэтому ни одного фильма, ни одного спектакля (даже для детей) в шестидесятые-

---

[1] “Нет вещи без образа” — русская пословица из словаря В.И.Даля.

семидесятые годы невозможно было представить без сцен употребления табака и алкоголя. По установившейся в те времена традиции самые популярные актеры просто «не смотрелись» без сигареты и спиртного вне зависимости от сюжета сценария фильма или спектакля. Любое заседание различных государственных комитетов, комиссий, пленумов (в том числе и ЦК КПСС), защиты диссертаций, присвоение ученых званий, вручение наград невозможно было представить без «банкета», а праздники — семейные, государственные, религиозные — не мыслились без обильной выпивки. И всё это подавалось через средства массовой информации в яркой и привлекательной «упаковке», что не могло не отразиться на мировоззрении вступающих в жизнь новых поколений: юноши и девушки, подражая своим кумирам, бездумно участвовали в запланированном самоубийстве. На этом “искусстве” держался пьяный бюджет страны, формируемый за счет добровольно-принудительного[1] налогового обложения психически неустойчивых и слабых.

Так «мозг нации» (или может всё-таки говно, как в свое время правильно заметил В.Ульянов-Ленин?) пропил и прокурил Советский Союз. И этот трагический для судеб страны процесс уничтожения генофонда нации символически подан сценой пьяного ку-

---

[1] Действительно, каждый пьяница спивается добровольно, т.е. добровольно отдает большую часть своего заработка государству, которому производство спиртного обходится во много раз дешевле цены, по которой алкоголик приобретает отраву. Но пьяницами становятся не все, а только психически неустойчивые и слабые, быстрее привыкающие к наркотику и только после того, как привыкнет к его употреблению. Согласно еще дореволюционной статистики, из каждой сотни юношей и девушек, впервые в торжественные и праздничные дни приобщившихся к бокалу шампанского или “хорошего” вина, 16 — 22 к 40-летнему возрасту превращались в алкоголиков. Это — закрытая статистика; но даже если сделать её достоянием общества — мало что изменится: каждый в свои 20 лет уверен, что попадёт в “хорошую”, а не в “плохую” статистику. Это — культура, формирующая стереотипы отношения к явлениям внутреннего и внешнего мира, а способность непредвзято оценить сложившиеся в обществе стереотипы, да еще их преодолеть — не каждому по силам.

ража «Таможни» с Петрухой. Либеральная интеллигенция России, неспособная к творчеству без наркотического допинга, к тому же еще была “влюблена” в марксизм.

После того, как Сухов показал, что умеет обращаться с динамитом, Верещагин бросает ему ключи от “таможни”.

Передача ключей Сухову — акт иносказательно символический. Но кроме того, что об этом уже было сказано выше, он означает и то, что либеральная интеллигенция утратила монополию на знание вообще, и на управленческое знание в особенности. Исторически это важное для судеб народов СССР событие совпало с введением в стране всеобщего обязательного среднего образования. Как на это событие отреагировала «таможня»?

«— Садись, выпьем, — пригласил Верещагин гостя к столу, когда Сухов вошел в комнату.

— Можно, — согласился Сухов и посмотрел на фотографии, висевшие на стене. На одной из них Верещагин, молодцевато закрутив усы, сидел в мундире и орденах рядом с молодой женщиной в чепчике, очевидно женой.

— Во дворе павлинов видел? — спросил Верещагин, словно перехватив взгляд Сухова.

— Видел.

— Вот на них и сменял мундир-то.

Верещагин налил в пиалы спирта. — Петруха!

— Я не пью, — сказал еле державшийся на ногах Петруха.

— Правильно, — одобрил его Верещагин. — Я вот тоже сейчас это допью, — он поставил на стол бутыль до половины наполненную самогоном, — и брошу.

Сухов аккуратно взял свою пиалу, не торопясь выпил и вытер усы.

— Больно мне твой Петруха по душе! — сказал Верещагин, опорожнив свою пиалу. — Выпьем…

— Погоди, — остановил его Сухов. — Мы к тебе по делу.

— Знаю, — сказал Верещагин. — Всё знаю.

— Пулемет дашь?

— Абдуллу ждешь?

— Жду, — сказал Сухов.

Картина 9. Сейчас мы поглядим, какой это Сухов

Верещагин понимающе покачал головой.

— Вот что, Сухов, — сказал он, помолчав, — была у меня таможня. Были контрабандисты. Сейчас таможни нет. Контрабандистов нет… В общем, у меня с Абдуллой мир. Мне всё едино, что белые, что красные, что Абдулла, что ты… — Тут Верещагин вздохнул и произнес. — Вот если бы я с тобой пошел, тогда другое дело.

— Ну, в чем же дело? — спокойно спросил Сухов. — Пошли.

— Пшли! — подтвердил пьяный Петруха.

Верещагин встал из-за стола. Сжал свой огромный кулак.

— Пошли, ребята! — сказал он. — Тряхну стариной.

— Здравствуйте, — сказал Сухов, глядя мимо Верещагина в сторону двери.

Там вдруг появилась женщина, та, что сидела рядом с Верещагиным на фотографии. Она удивленно смотрела на Верещагина, на нежданных гостей.

Верещагин обернулся. Увидел женщину.

— Здравствуйте, — ответила она на приветствие Сухова и вышла в другую комнату.

— Ребята, я сейчас, — сказал Верещагин упавшим голосом и пошел за ней.

Петруха дернулся с места.

— Назад! — Сухов схватил его за гимнастерку.

Женщина, это была жена Верещагина, плакала, прислонившись к дубовому комоду.

— Ты что говорил? — укоряла она сквозь слезы Верещагина. — Ты какие клятвы давал? Сдурел на старости лет!

Лицо Верещагина жалостливо скривилось.

— Настасья, — просительно сказал он.

— Мало тебе, что ты молодость мою сгубил, — продолжала Настасья, — а сейчас и вовсе вдовой оставить хочешь?!

— Настасья, — еще более просительно сказал Верещагин и, нагнувшись, поднял установленный на подоконнике ручной пулемет.

— Ой, Паша! Пашенька! Паша! Пашенька, прости, Христом Богом прошу! Прости, Паша! — бросилась к нему с рыданьями Настасья и ухватилась за приклад пулемета. — Не ходи! Не ходи с ними. Погубят ни за грош!

Сухов и Петруха продолжали сидеть на своих местах. В комнату вошел с пулеметом в руках Верещагин.

— Вот что, ребята, — сказал он, переводя дыхание. — Пулемета я вам не дам.

Сухов встал на ноги.

— Павлины, говоришь? — сказал он усмехнувшись. — Понятно… Пошли, Петруха.

Они прошли мимо Верещагина, всё еще державшего пулемет в руках, и спустились во двор…»

Эта картина, вошедшая в фильм с несущественными изменениями, играет важную роль в понимании второго смыслового ряда.

Большевизм, получив поддержку освобожденного от пут коранического ислама, готовится к информационной войне с библейской концепцией управления. Но для победы над Чёрным Абдуллой он должен владеть обобщенным оружием всех шести приоритетов. Оружие первого приоритета — методологическое — “давно сидит” открыто и практически доступно всем: оно за оградой “таможни”. Но оказывается не каждый способен взять “динамит”. И не всякий, кто его имеет, пользуется им по назначению. Так, например, когда людям Абдуллы потребовалось взорвать цистерну, Семён промчался мимо старцев с “динамитом” к “таможне”. У “таможни” имеется свой запас “динамита”, но “таможня” может только проверять им психологическую устойчивость своих оппонентов. Поджигание динамитной шашки от библейской лампадки в ключах иносказания означает, что это оружие первого (мировоззренческого) приоритета, но… Амуновского происхождения. Им “танк” (цистерну) с Суховым не взять, но с его помощью (на основе противопоставления) можно обнажить новый мировоззренческий стандарт: тройное созвучие материи, информации и меры. Отсюда и реплика, вылетевшего из таможни Семёна: “Гранаты есть, но не той системы”.

Картина 9. Сейчас мы поглядим, какой это Сухов

Сухов проверяет эффективность “динамита” выстрелом из пистолета, когда “динамит” — в свободном полёте. Пистолет — оружие третьего приоритета (идеологическое). Форма (идеология), соединившись с истинным, не извращенным отсебятиной “обладателей писания”[1] содержанием (мировоззрением) дает взрывной эффект.

Какое-то представление об этом эффекте, видимо, имел русский историк В.О. Ключевский, поскольку оставил своим потомкам такой афоризм: “Христос дал истину жизни, но не дал форм её, предоставив их (формы) злобе дня”. Возможно, что этот афоризм также говорит и о том, что необходимо время для того, чтобы форма (идеология) «доросла» до истинного содержания (мировоззрения), после чего человечество будет способно обрести и единое чувство меры, избавившись от так называемых «двойных стандартов».

А что хотел получить беспартийный большевизм от либеральной интеллигенции? Напомним: Сухов на повторное предложение Верещагина выпить, сказал, что пришел по делу; «Таможня» же самонадеянно говорит о своем “всезнайстве” («Всё знаю!»). Чтобы понять природу власти вообще и власти концептуальной в особенности, большевизму необходимо понимание законов развития глобального исторического процесса. Другими словами, пулемет для Сухова — символ обобщенного оружия второго приоритета, т.е. представление о глобальном историческом процессе и методах управления в нём. Но у “таможни” мировоззрение библейское и для него мера понимания глобального исторического процесса дозируется церковной иерархией, что и показано символически сценой истерики Настасьи: “Ты какие клятвы давал?”. Фраза “Таможни”: «Пулемёта я вам не дам!» — иносказательное признание того, что оружие второго приоритета находится под контролем иерархии церквей имени Христа. И это действительно так, поскольку второй приоритет обобщенных средств управления — хронологический — надгосударственный уровень управления,

[1] В Коране “обладатели писания” противопоставлены пророкам, которым дается Свыше откровение.

поэтому летоисчисление в странах с доминированием христианских конфессий вот уже две тысячи лет определяется Ватиканом. И в этом контексте становится понятной иносказательная сторона заявления Верещагина: «У меня с Абдуллой мир».

Всё это в совокупности означает одно: видение, понимание и описание глобального исторического процесса большевизму придётся вырабатывать самостоятельно. В результате зритель в фильме видит, что пулемёт Сухов добывает … в музее.

«За воротами, в тени дувала, их ждал гарем.

— А вас кто сюда звал?! — прикрикнул Сухов на женщин, вскочивших при его появлении на ноги. — Марш в общежитие.

Женщины заторопились в сторону музея.

— С ними мы баркас на воду не спустим, — сказал Сухов Петрухе, — надо что-нибудь другое придумать…»

Последняя реплика в фильме отсутствует, хотя правильно понятая на уровне иносказания она способна пролить свет на многие события происходящие в конце XX века в мире и в России.

К середине XX века народы СССР уже стояли “у стен таможни”, дозирующей жизненно важные знания для большинства. Сегодня, когда «женщины Востока» вышли из Педжента, обществу предстоит самостоятельно осваивать информацию первого, второго и третьего приоритетов обобщённых средств управления, не ожидая в этом деле помощи от либеральной интеллигенции, которой еще предстоит “отрезвление” от материалистического атеизма марксизма и идеалистического атеизма Библии.

Картина 10. Заведут мотор и через сорок два ка-а-к!..

«Сухов и Петруха подтащили к баркасу ящик с динамитом, конфискованный у педжентских стариков.

Спустившись в трюм, Сухов прошел к мотору. Достав кусок бикфордова шнура, присоединил его к одному из цилиндров под свечу.

— Считай, — сказал он Петрухе и запустил мотор. Шнур загорелся. Петруха начал считать:

— Один, два, три, четыре… — Он досчитал до **сорока двух**, пока шнур весь сгорел. Отрезав новый кусок шнура, Сухов проделал эту операцию еще раз. Шнур загорелся снова. Убедившись таким образом в надежности своего замысла, Сухов вытащил из ящика несколько шашек, затем один конец бикфордова шнура присоединил к свече двигателя, другой — к ящику с динамитом.

— Спрячь получше ящик и шнур, чтоб не видно было, — приказал Сухов Петрухе, — и прибери здесь всё.

— Теперь пускай плывут себе! — потер руки Петруха. — За кордон собрались. Заведут мотор и через сорок два ка…ак!

— Это точно, — подтвердил Сухов и полез по трапу на палубу».

Абдулла с бандитами пытается уйти с награбленным “товаром” на баркасе по воде. Поскольку в эпическом названии Концепции Общественной Безопасности тоже есть слово «вода»[1], то «баркас» в контексте иносказания фильма — символ толпо-“элитарной” цивилизации. Но, как было показано в начале ***Картины** 7*, прежде чем заложить «динамит» под управленческие принципы толпо-“элитарной” цивилизации, сталинизм пытался

---

[1] В суфийских притчах «вода» — символ информации. Например, в притче под названием “Когда меняются Воды”, иносказательно дается предсказание о качественном изменении информационного состояния общества.

использовать её потенциал в деле улучшения жизни народов СССР, то есть пытался «спустить баркас на воду».

Напомним еще раз, что с уходом из этого мира в 1953 году Сталин не ушел в прошлое, а растворился в будущем. Появление в 1995 году работы Внутреннего Предиктора СССР “Краткий курс…”, раскрывающей существо экономической проблематики, аббревиатура Концепции Общественной Безопасности — КОБа, опущенная в фильме фраза киноповести “До воды оставалось метров двадцать…” и слова Петрухи: “Заведут мотор и через сорок два ка…ак!” — всё это в мировоззрении “калейдоскопа” (мир — набор случайных фактов, не связанных причинно-следственной обусловленностью) — случайные числовые совпадения; но в “мозаичном” мировоззрении (мир един и целостен, и всё в нём причинно-следственно обусловлено) те же самые слова — проявление (в русле второго смыслового ряда) меры, т.е. численной определённости развития социальных процессов.

Чтобы понять существо затронутого здесь вопроса, необходимо знать, что раскрытие любого иносказания данного в художественных образах просто невозможно до тех пор, пока в обществе не появится терминологический аппарат, на основе которого неосознаваемые, то есть внелексические образы можно было бы перевести в осмысленную лексику на уровне сознания. И в этом смысле словосочетание «расшифровка иносказания» не совсем точно отражает суть процесса, о котором говорится в данной работе. Если в обществе нет однозначно понимаемого терминологического аппарата, то рассказать о том, что возможно было бы описать с помощью этого терминологического аппарата, невозможно: нет слов, символов, а подчас и образов тех явлений, о которых автор хочет поведать миру. Отсутствие терминологического аппарата при развитой системе многозначных иносказаний, однозначно понимаемых только при освоении ключей-символов, при развитой системе неформальной передачи практических навыков — одно из средств *охраны ото всех* тех “тайных” знаний, которые в своем коллективном сознательном и бессознательном несли касты высших управителей — управленцев в древнем мире.

Как только в обществе появляется терминология, способствующая однозначному пониманию всякого нового знания, сохра-

нение монополии на знание на основе “посвящений” становится невозможным, поскольку даже не способные понять новое знание попугаи и зомби-магнитофоны будут распространять его в обществе, пересказывая где-то как-то услышанные ими слова-термины. И даже если сами они не понимают смысла слов, то их услышат те, кто способен понять их, кто на их основе может построить образы новых явлений и таким образом освоить новое знание. И это неизбежно приведет к качественным изменениям бытия всего общества.

Картина 11. Всё она, Гюльчатай…

В Педженте ночь. Слышны голоса женщин, расположившихся на отдых: «О, Аллах[1], где же он, муж этот. Всё она, Гюльчатай… Наш муж забыл нас, ещё нас не узнав. И как его понять: ведь мы не так уж плохи. А *может быть* Гюльчатай плохо его ласкает? Или ему не нравится как она одета? А может…?»

«В Педженте — ночь», что означает: в СССР — эпоха застоя. Это период, когда к управлению страной пришли люди и близко не стоявшие к тому типу личности, о которой можно сказать: «государственный муж». А слова женщин: «О, Аллах, где же он, муж этот?», — сетование народов о государе-пастыре, который бы опекал их и заботился об их судьбах. Можно считать, что это как раз то время, когда Сталин, как личность, “не ушёл в прошлое, а растворился в будущее”. И хотя в фильме этот момент символически не зафиксирован, но можно говорить о том, что образно по умолчанию, на уровне второго смыслового ряда, он обозначен. Для понимания этого необходимо пояснить разницу между восприятием образа Сталина толпо-“элитарным” сознанием и тем, кем он был по существу своей практической деятельности.

Сталин жил в обществе, в котором в течение веков сформировалась коллективная психика возложения ответственности за общенародные дела исключительно на *государя* и на *сформированный им кадровый корпус* профессиональных управленцев, что соответствует концепции осуществления власти в обществе как «пастырства». Ни один из государей Руси-России за всю историю до 1917 г. не принял на себя миссии «сеятеля» глобальной ответственности и заботы о судьбах планеты. Если бы это было иначе, то история России была бы иной и внутренне менее драматичной. В частности, если бы Николай II возложил на себя заботу и ответственность за искоренение мироедства на всей планете, то он не

---

[1] Примерно то же самое говорят практически все, в основном когда бывает плохо: “О, Господи!, О, Боже!” и т.п. Это свидетельствует лишь о том, что на уровне подсознания практически все верят и доверяют прежде всего Богу (такова человеческая природа), при сознательном атеизме.

влип бы в глобальную паутину закулисных интриг, завершившихся государственным крахом империи в ходе империалистической войны 1914 — 1918 гг. Более того, при такой его деятельности ему была бы оказана помощь Свыше.

Это означает, что 1917 г. подвел итог в России концепции осуществления власти как «пастырства» и возврата к этому не будет ни в какой форме в виду неэффективности этого способа самоуправления общества.

И.В.Сталин, будучи «сеятелем» и вступив в должность государя российской региональной цивилизации, впервые в её истории принял на себя глобальную заботу и ответственность[1]. Он сеял слово в общество, большинство членов которого уклонялось от общегосударственной, а тем более от глобальной ответственности и заботы. Но в то же время это было общество лояльное ко всякому государю, облегчающему жизнь простых людей, что и создавало достаточную для развития СССР общественную поддержку, хотя было и множество недовольных. И Сталин сеял своё слово в психику людей с толпо-“элитарной” нравственностью так, чтобы со временем оно произросло иной психикой, *которой свойственно добровольное возложение каждым на себя лично, самостоятельно избранной и определённой им доли коллективной заботы и ответственности за всю планету в предстоящих веках.*

Кроме того, под руководством И.В.Сталина была создана государственность, уже тогда явившая собой образ будущего в жизни, а не только в провозглашенных ею идеалах. Анализ архитектуры структур государственности СССР конца позднего сталинизма с позиций теории управления показал, что эта государственность по принципам своего построения и архитектуре структур, наиболее

[1] Извращенное восприятие этого выражается в обвинениях Сталина в том, что он якобы держал курс на мировую социалистическую революцию (см., например “Ледокол” В.Б.Резуна-Суворова и “Операция «Гроза»” И.Л.Бунича). Т.е. по существу такого рода мнения о деятельности Сталина — выражение неспособности увидеть отличия между троцкизмом и большевизмом.

соответствовала полной функции управления[1] из всего множества известных в истории государств с момента краха весьма своеобразной государственности Египта времён фараонов, откуда и выплеснулась глобальная концепция библейского мироедства, ныне именуемая “новым мировым порядком”. И в смысле полноты соответствия полной функции[2] управления государственность СССР превосходила все современные ей государственности, чья архитектура соответствовала ограниченным функциям управления, из которых хозяевами библейской доктрины была исключена оставленная ими за собой концептуальная власть, вырабатывающая долговременные концепции общественного развития и стратегии их осуществления.

В ***Картине 6*** было показано, почему национал-большевизм в России сразу после революции вынужден был прибегнуть к услугам еврейства: эта религиозная общность, являющаяся по сути своей самой древней мафией, внешне выделялась наибольшей грамотностью среди всех народов, освободившихся из под гнета библейской концепции управления. Подсознательно воспринимая Библию, как концепцию управления глобального уровня значимости и понимая особую роль еврейства в продвижении её среди других народов, Сталин предполагал использовать стремление самой древней мафии к власти в сложном и длительном процессе преодоления как идеалистического атеизма Библии, так и материалистического атеизма — марксизма. Поэтому-то Сухов и назначает Гюльчатай старшей по общежитию, но еврейство в соот-

---

[1] *Полная функция управления* описывает циркуляцию и преобразования информации в процессе управления, начиная с момента выбора и упорядочивания по их значимости субъектом-управленцем целей управления до осуществления целей в процессе управления. Это система *стереотипов отношений* и *стереотипов преобразований* информационных модулей, составляющих информационную базу управляющего субъекта, моделирующего на их основе поведение (функционирование) объекта управления (или моделирующего процесс самоуправления) в той среде, с которой взаимодействует объект (а через объект — и субъект). Более обстоятельно этот термин, в том числе и по отношению к государственному управлению, пояснен в работах: “Достаточно общая теория управления”, “Мертвая вода” изданий 1992, 1998 и 2000 гг.

[2] Дательный падеж.

ветствии с мерой понимания, принятой в мафиозной общности, присваивает себе функцию “любимой жены” большевизма, что не соответствовало реальности того времени. Что собой в действительности представляет функция “любимой жены” для человеческого общежития современной цивилизации с точки зрения самой древней мафиозной общности очень точно показал В.В. Розанов:

«Еврей всегда начинает с услуг и услужливости, а кончает властью и господством. Оттого в первой фазе он неуловим и неустраним. Что вы сделаете, когда вам просто “оказывают услугу”? А во второй фазе никто уже не может с ним справиться. “Вода затопляет всё”[1]. И гибнут страны и народы.

“Услуги” еврейские, как гвозди в руки мои, “ласковость” еврейская как пламя обжигает меня, ибо, пользуясь этими “услугами”, погибнет народ мой, ибо овеянный этой “ласковостью”, задохнется[2] и сгинет народ мой» (В.В. Розанов, “Опавшие листья[3]”, Короб первый).

Сталин, возможно единственный из управленцев его уровня в России, держал евреев на безопасном для её развития расстоянии, хотя евреев вокруг него было достаточно.

Поэтому Сухов и говорит Гюльчатай: «… Ты это оставь, дочка. А может и впрямь тебя замуж отдать? Женю на тебе Петруху законным браком. Парень он холостой, увезёт тебя к матери своей».

Матерью марксизма, как и еврейства, является библейское знахарство. Не надо забывать, что К.Маркс, немецкий еврей был

---

[1] Воду женщинам носит Гюльчатай днём, а Сухов ночью не дремлет: обычно он спит днём. Так на уровне второго смыслового ряда зрителям “Белого солнца пустыни” указано, что подсознательные процессы у народов контролирует сталинизм, а сознание захвачено еврейским агрессором. Но и народы начинают “просыпаться” и “задавать вопросы”, типа: “А может...?”.

[2] Абдулла тоже душит свои жертвы.

[3] Название этой работы В.В.Розанова, либерального интеллигента (в переводе с латыни “интеллигент” — способный понять общий ход вещей) ассоциативно обращено к афоризмам о русской интеллигенции В.О.Ключевского: *«Черви на народном теле: тело худеет — паразиты волнуются».* «*Российская интеллигенция — листья, оторвавшиеся от своего дерева: они могут пожалеть о своем дереве, но дерево не пожалеет о них, потому что вырастит другие листья».*

внуком двух раввинов (по линии отца и матери). По сути своей и Гюльчатай и Петруха — собственность Черного Абдуллы. Изречение Тараса Бульбы: “Я тебя породил, я тебя и убью” — как нельзя лучше подходит к ситуации, сложившейся к середине XX столетия во взаимоотношениях между библейской концепцией управления и её порождением — еврейством и марксизмом.

Гюльчатай: «Я твоя жена».

Сухов: «Моя жена дома».

Чем же заняты те, кто воспринял Сталина не как пастыря, а как сеятеля, который «слово сеял»? В фильме этот процесс во внелексических образах представлен подготовкой Суховым (во время ночного разговора с Гюльчатай) пулемёта к схватке с Абдуллой. «Пулемёт» — образ информационного оружия второго (хронологического) приоритета. Сухов раздобыл его в музее, где можно собрать необходимое количество исторических фактов, которые после их анализа позволяют понять направленность хода глобального исторического процесса и особую роль в нём еврейства. Любой человек, впервые столкнувшийся с еврейским вопросом и не понимающий его роли в глобальном историческом процессе, оказывается в двух возможных ситуациях: он либо поднимается над этим вопросом (то есть начинает понимать, что еврейство — лишь инструмент для достижения глобальных целей каких-то сил и надо выявить эти силы и разобраться с ними); либо он оказывается раздавленным этим вопросом (кругом одни евреи, всё в мире ими схвачено и надо как-то приспосабливаться к жизни в таком мире, а не воевать с его господами).

Если первые ищут причины, то вторые бездумно за причины принимают следствия и приходят, как им кажется, к естественному выводу: всем плохим и хорошим в своей истории человечество обязано евреям. В фильме это выражено символически одной репликой, прозвучавшей из среды “свободных женщин Востока”: “Всё она, Гюльчатай!”

При понимании этого, даже незначительные на первый взгляд разночтения сюжета киноповести и фильма, на уровне второго смыслового ряда уже не кажутся столь безобидными. Так, например, в фильме “пулемет” — символ обобщенного информационного оружия второго (исторического) приоритета есть только у

Сухова и Верещагина, но его нет на вооружении ни у Абдуллы, ни у Саида. В киноповести последние не только обладают этим видом оружия, но и демонстрируют умение им пользоваться по назначению. Действительно, в явном виде в Библии и в Коране история современной цивилизации, с опорой на хронологию, отсутствует, но это не означает что в библейской и коранической концепции хронология, как таковая, отсутствует вообще. Речь идет о другом: в Библии и в Коране единый астрономический эталон по разному связан с глобальным историческим процессом, что и приводит к разному летоисчислению в христианской и исламской цивилизациях.

Российская либеральная интеллигенция, раздавленная еврейским вопросом и идеалистическим атеизмом исторически сложившегося христианства, хотя и держит у себя дома “пулемет”, но по сути не способна использовать этот вид оружия в интересах своего народа. Отсюда и верещагинское: “Пулемета я вам не дам!” И финал такого отношения к историческому знанию закономерен — Настасья (символ иерархии церквей имени Христа) выбрасывает «пулемёт» Верещагина в море. Сегодня, в конце XX столетия, каждый может убедиться в правильности такой трактовки отношений либеральной интеллигенции и иерархов всех христианских церквей, если не поленится познакомиться с учебниками истории в школах и вузах России.

“Законный брак” русского марксизма с еврейством сам по себе — начало информационной самоидентификации, а вслед за ней и самоликвидации древнейшей на земле мафии. В 1947 году Сталин дал согласие на создание государства Израиль потому, что на начальном этапе процесса самоликвидации еврейства цели вождя-сеятеля и пастухов еврейского стада совпадали. Однако, на его завершающем этапе эти цели разошлись: Сталин хотел, чтобы еврейство превратилось из биороботизированной периферии глобального знахарства в нацию (в соответствии с данным им определением нации и по оглашению и по умолчанию); хозяева библейского стада, наблюдая ассимиляцию еврейства в СССР, хотели бы в рамках искусственно созданного государства повысить эффективность своей периферии в целях более успешной экспансии «нового мирового порядка».

Как показывают современные события на Ближнем Востоке, превращение мафии в нацию не устраивает Глобальный Предиктор и не исключено, что им уже принято решение о ликвидации государства Израиль. Как это будет происходить — вопрос второй. Скорее всего арабам, как и немцам в первой половине XX века, сначала будет позволено уничтожить это искусственно созданное на основе исторического мифа государственное образование, чтобы затем возложить на них вину за новый холокост и вызвать ненависть во всем мире к исламу. Так Глобальный Предиктор смог бы убить сразу двух зайцев: сохранить дееспособной свою периферию и спровоцировать религиозную войну адептов библейской концепции с мусульманской цивилизацией, остановив тем самым превращение исторически сложившегося ислама в ислам коранический.

В отличие от современных политиков Сталин поднялся над “еврейским вопросом” и дал содержательный ответ на него:

«Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. Только наличие всех признаков вместе взятых даёт нам нацию».

Определение нации, данное Сталиным в работе “Марксизм и национальный вопрос” (1913 год), одновременно было и ответом на вопрос о роли еврейства в глобальном историческом процессе, поскольку это искусственно созданное социальное образование в понятие нации не вмещалось. Другими словами, можно сказать, что “Сухов” начал готовить “свадьбу” Петрухи и Гюльчатай ещё до революции.

«Сухов с крыши наблюдал за ночным городом. Послышались легкие шаги. Сухов оглянулся, насторожился. В люке чердака появилась Гюльчатай. Она откинула чадру и тихо ждала, когда Сухов взглянет на неё.

— Ты зачем пришла? — спросил Сухов.

— Я пришла к тебе, господин, — Гюльчатай улыбаясь, приближалась к Сухову.

— Ты чего это так расфуфырилась? — спросил он строго.

Гюльчатай, улыбаясь призывно, шла на него.

— Ты чего?.. — спросил Сухов. — Ты что?! — прикрикнул он.

Гюльчатай вплотную придвинулась к нему.

— Ты это оставь! — шепотом сказал Сухов. Он совсем близко увидел её глаза, губы.

— Господин, плохо — таранька, таранька… Дай твоим женам мяса.

— Что? — удивился Сухов.

— Дай самый плохой барашек. Гюльчатай будет тебя любить.

Сухов покачал головой.

— Мяса… А где его взять? Каши и той нет, а ты мяса просишь. Одна таранька осталась.

Гюльчатай, продолжая ласково глядеть на Сухова, села ему на колени.

— Ты это оставь, — несколько растерянно сказал Сухов и попытался отодвинуть её от себя. — А может, и впрямь тебя замуж отдать?! — осенила его вдруг спасительная мысль. — Женим на тебе Петруху законным браком. Парень он холостой, повезет тебя к матери своей.

— Петруха? — спросила Гюльчатай, продолжая сидеть у на коленях у Сухова. — Я твоя жена. Разве не правда?

— Моя жена дома, — нахмурился Сухов.

— Разве ты не можешь сказать, что Гюльчатай твоя любимая жена? Разве она обидится?

— Обидится?! — Сухов вздохнул. — Сколько раз тебе объяснять: нам полагается только одна жена. Понятно? Одна.

Гюльчатай удивилась.

— Как же так — одна жена любит, одна жена пищу готовит, одна одежду шьет, одна детей кормит — и всё одна?

— Ничего не поделаешь.

— Тяжело, — сказала Гюльчатай.

— Конечно, тяжело, — вздохнув, согласился Сухов».

Так зритель иносказательно информируется о пятом признаке нации — наличии у нации всего спектра профессий. У Сухова это сказано открыто; у Сталина в его определении нации это же мож-

но прочесть — по умолчанию. Естественно, с точки зрения такого определения, еврейство не воспринималось другими народами в качестве нации. И Гюльчатай права: всё это “тяжело” воспринимается конкретными представителями еврейства.

Сталин был сторонником многонационального социализма, в котором сохранение национальных традиций гарантируется исключением из жизни общества государственно и мафиозно организованной эксплуатации человека человеком, включая и паразитизм на жизни целых народов. Шло формирование интегрирующей все народы культуры на базе русской культуры, что требовало обязательного изучения русского *языка*, как гаранта образования в дальнейшем единой устойчивой общности людей на базе единой *территории*, *экономической жизни* и *психического склада*, проявляющегося в единодушном отрицании толпо-“элитарной” *культуры* прошлого. То есть, Сталин закладывал основы формирования единой внутренне не антагонистичной цивилизации многих народов, которая в иерархическом отношении стоит выше нации-государства. Такая общность, внешне возможно воспринимаемая в качестве новой нации, но в действительности объемлющая многие народы и сословия, часто встает перед глазами Сухова в виде некого далекого идеала будущего.

«И опять, в который уже раз за время его странствий по пустыне, предстала перед его глазами Екатерина Матвеевна, законная супруга. — Ладно, ладно. Спокойной ночи. Завтра поговорим. — Сухов спихнул со своих колен Гюльчатай…

А когда под утро задремал ненадолго, приснилось ему, что сидит он на зеленой лужайке в окружении своих многочисленных жен общим числом в десять человек — гарем плюс незабвенная Екатерина Матвеевна.

Жены, как полагается, одеты в нарядные платья, на головах у них цветастые платочки, и все заняты делом: кто шьет, кто прядет… А посреди всех их, окруженный вниманием и лаской, сам он, Федор Сухов, восседает. В красной чалме и в обнимку с любимой Екатериной свет Матвеевной… Чай пьет из пиалы…»

Это и есть идеал новой, Русской цивилизации, в которой все работают и деятельность каждого народа, преодолевшего толпо-“элитарные” амбиции, находит достойное место в общественном объединении труда.

Сцена фильма с воображаемым Суховым “гаремом” на лужайке (серп и молот у самовара) иносказательно дает представление о новой концепции управления русского общежития, с единой экономикой многих народов его населяющих, в соответствии с их природными и культурными особенностями в рамках самодостаточной региональной цивилизации.

“Ночь” в Педженте была долгой. Сон Сухова — это и сон “сталинизма” в СССР времён застоя. Последователи стратегии «сеятеля» не раз впадали в состояние тоски, поскольку все завоевания эпохи сталинизма (культурного и экономического уровня) утрачивались казалось безвозвратно. И это состояние души отражено в письме-размышлении Сухова:

«А ещё хочу приписать для вас, Екатерина Матвеевна, что иной раз такая тоска к сердцу подступит: клешнями за горло берёт. Думаешь: как-то вы там сейчас, какие у вас заботы? С покосом управились, или как? Должно быть травы в этом году богатые. Ну да недолго разлуке нашей длиться. Ещё маленько пособлю группе товарищей, кое-какие делишки улажу и к вам подамся, бесценная Екатерина Матвеевна. Простите великодушно: небольшая *заминка*, закончу в следующий раз».

О какой «группе товарищей», которым необходимо «маленько пособить» говорится в письме?

Всё, чем гордились граждане СССР, это — ставшие реальностью уже в прошлом — грани образа неизбежного будущего, на воплощение которого деятельно работали Сталин и его сподвижники. Всё, что в СССР времён Сталина и позднее было неприемлемо, — выражение несоответствия порочной нравственности, этики и психики общества (включая и самих лидеров партии и государства) сути этого жизненно неизбежного будущего, и государственности, ему свойственной.

В те времена Сталин, пребывая в обществе, *привыкшем бездумно* возлагать всю полноту ответственности и заботы обо всём персонально на государя, был занят практическим управлением,

что в общем-то соответствовало более «пастырской» миссии, чем миссии «сеятеля». Среди всего прочего это, неизбежное в тех условиях «пастырство», имело две взаимно дополняющие друг друга стороны:

- устранение тех, кто понимал марксизм в его истинном духе, как средство имитации социализма и коммунистического строительства и
- государственная поддержка тех, кто был привержен или пассивно лоялен идеалам справедливости и жизни без мироедства, даже не будучи искушенным начетчиком в марксистской словесности или иной теоретически развитой социологической доктрине.

Вот вторым-то сталинизм, “растворившийся в будущем” и помогал всеми возможными средствами, выращивая в соответствии со стратегией “сеятеля” новую кадровую базу общества будущего. В этих условиях общность всем одной и той же марксистской фразеологии не позволяла сторонникам жизни по справедливости без мироедства размежеваться с **мироедами**, имитирующими свою приверженность социализму и коммунистическому строительству. И эта общность слов при взаимно исключающем понимании их смысла большевизмом и троцкизмом — главная мировоззренческая особенность той эпохи.

И прямым доказательством этого служат письма-размышления Сухова, второй смысловой ряд которых мы здесь открываем. Написаны они хорошо известным ныне режиссёром Марком Захаровым, вполне реальной личностью, несущей в себе всю полноту марксистско-троцкистской раздвоенности психики времен застоя.

Что касается реальной личности Сталина, то он будучи на протяжении тридцати лет безвылазно занят практическим управлением, которое не мог передать никому другому без вреда для осуществления миссии «сеятеля»; будучи сам взращен культурой той эпохи, если и мог дать сам новую НЕмарксистскую фразеологию большевизму, то его бездумно верующие в марксистские слова сподвижники (и троцкисты прежде всего), мгновенно пресекли бы подобную деятельность. А остальное общество, если бы Сталин даже остался жив, бездумно бы согласилось с мнением, предложенным ему командой злых «пастырей» от марксизма-троцкизма,

о том, что от напряженной работы Сталин повредился в уме, в связи с чем его пришлось изолировать в лечебнице. Возможно, что известный многим, а ныне популяризируемый эпизод с “диагнозом”, якобы поставленным В.М.Бехтеревым (1857 — 1927), был попыткой раскрутить такого рода сценарий еще в 1927 г., что завершилось гибелью Бехтерева, уничтоженного с целью сокрытия закулисной правды, так и оставшейся “неизвестной”.

Но даже и без такого прямого отказа от марксизма многое из того, что было сделано И.В.Сталиным и его сподвижниками, воспринимается большой долей из числа его современников и потомков, как проявление психической ненормальности.

Вполне вероятно по этой же причине раскрытие иносказания фильма “Белое солнце пустыни” будет оцениваться “абдулловцами” как плод больного воображения закоренелых сталинистов. Но общество, где господствует мироедская — явно ненормальная для человека — психика, подавляющая жизнь всех людей и жизнь планеты, просто не в праве настаивать на психической ненормальности тех, кто непреклонно стремился и стремится к тому, чтобы очистить Землю от мироедства.

И.В.Сталин сеял слова в марксистской фразеологии, но смысл их был антимарксистским. И посеянное тогда И.В.Сталиным слово, было пробуждено к новому циклу жизни ни чем иным, как очередной попыткой втащить Россию силой и ложью в “новый мировой порядок” осуществления рабовладения по западному образцу.

В “Белом солнце пустыни” почти ни одного слова не сказано просто так ради логического завершения событий первого смыслового ряда. Первому смысловому ряду как правило соответствует информация второго смыслового ряда, дополняющая целостность последнего до необходимой полноты передачи информации с уровня коллективного бессознательного. Описать всё, что передано в фильме вторым смысловым рядом, во-первых, невозможно, а во-вторых, и не нужно, поскольку зрители *сами* и каждый посвоему в процессе просмотра фильма достраивают недостающие им для полного понимания информационные выкладки, дополняя тем самым уже описанное здесь. И процесс этот идёт уже более тридцати лет, захватывая всё новые и новые поколения; но идёт

он на уровне подсознания, вызывая иногда недоумение, а иногда и ерничение в среде либеральной интеллигенции.

Давая расшифровку символики второго смыслового ряда “Белого солнца пустыни” в определённой лексике, мы осознанно придаем и определенную направленность процессу информационного противостояния Русской и Библейской цивилизаций, которую можно выразить заключительными словами еврейского анекдота:

— Драку заказывали?

— Нет!

— Оплачено!

Картина 12. Абдулла, руки-то опусти…

Абдулла с со своими людьми входит в город. Заспанный Петруха занят “отправлением естественных надобностей”. При виде всадников он испуганно вскакивает, подтягивает штаны, лихорадочно дёргает затвор винтовки, жмет на курок раз, другой — осечка.

Таким большинству в нашей стране и виделся карикатурный промарксистский путч в августе 1991 года: спали, спали бездумные охранители марксизма и вдруг, словно проснувшись, бессмысленно задергались, в результате чего на уровне третьего приоритета обобщенных средств управления (оружия) «свободные женщины Востока» снова оказались под контролем библейской концепции. Другими словами, бывшие обкомовские, горкомовские и прочие “секретари” на идеологическом уровне решили вдруг вернуться в прошлое и поменять свой материалистический атеизм на атеизм идеалистический. Но они неспособны понять того, что народ в целом, преодолевший в своём мировоззрении идеалистический и материалистический атеизм, невозможно вернуть в прошлое, поскольку народ всегда устремлён в будущее.

Относительно осечки оружия Петрухи полезно вспомнить похожий эпизод в начале фильма, когда его винтовкой пытался воспользоваться Сухов, чтобы остановить движение Рахимова. Еще раз напомним, что в фильме стрелковое оружие одиночного боя (пистолет, винтовка) — символ информационного оружия третьего приоритета — идеологического. Поэтому ни разу за весь фильм Петруха так и не смог воспользоваться своей винтовкой по назначению. Более того, как только сталинизм оставил марксизм один на один со «свободными женщинами Востока», идеология марксизма сразу же оказалась под контролем библейской концепции управления. В фильме это иносказательно отражено эпизодом “разборки” людей Абдуллы, скрывавшихся в Педженте, с Петрухой после ухода Сухова. Потом штыком этой же винтовки будет уничтожен Абдуллой и сам Петруха. Так образно показано, что идеология марксизма и её лексика при определенных обстоятельствах может быть использована в интересах библейской концеп-

ции управления. Отсюда — проблема размежевания большевизма с троцкизмом, левачеством, меньшевизмом и кулачеством[1] — проблема лексического размежевания с марксизмом.

Как только Сталин предпринял такую попытку в работе “Экономические проблемы социализма”, реакция со стороны тех, кто не собирался делиться полнотой власти в России, была незамедлительной: Сталина через полгода не стало. Поэтому в фильме у Сухова и Петрухи — у каждого свое оружие одиночного боя: у Сухова — пистолет, у Петрухи — винтовка.

Ворвавшись без какого-либо сопротивления в Педжент, Абдулла стремительно входит в “Общежитие первых освобожденных женщин Востока”. Жены Абдуллы, сбившись словно бараны в кучу, жмутся в углу музейного помещения.

— Джамиля, разве ты не была любимой женой? Почему ты не умерла? — спрашивает Абдулла и, не дожидаясь ответа, щелкает предохранителем маузера. Завывание женщин и их тихий плач неожиданно прерывается негромкой командой:

— Руки вверх! Брось оружие! Обернёшься — стреляю!

В кадре появляется Сухов, сидящий в узком проеме окна с пистолетом в правой руке и с пулеметом — в левой. С наружной стены музея виден камень, привязанный к пулемету веревкой через приспособление, напоминающее колодезный ворот. Камень, по-видимому, выполняет роль противовеса для тяжелого пулемета в руках Сухова. Абдулла, не опуская рук, бросает маузер и сразу слышится следующая команда.

— Кинжал! И пять шагов вперед!

Развязав веревку и освободив пулемет от противовеса, Сухов спрыгивает с окна, а камера показывает, как набирая обороты стремительно раскручивается ворот и камень падает на голову

[1] Горбачев, Ельцин и многие члены ЦК КПСС, секретари обкомов по сути своей — наследники русского кулачества, сознательно пролезшие в руководство партии и государства, чтобы развалить их изнутри. Кулак — как социальное явление, общественный класс, — во все времена прежде всего прочего обеспокоен тем, чтобы у него и его наследников всегда были дешевые батраки, всеобщее благоденствие на основе общественного объединения труда свободных людей ему неприемлемо. Это и выразилось в промежуточных итогах реформ после 1991 г.

стоящего под окном подпоручика Семена. Отбросив пинком ноги кинжал и подобрав браунинг, Сухов отдает распоряжения Абдулле:

— Скажи своим нукерам, чтобы они убрались со двора. Как только они сядут на баркас, я тебя отпущу. — И, видя некоторое замешательство Абдуллы, ласково добавляет:

— Если что, я не промахнусь.

Сухов садится в музейную карету, на облучке которой сидит манекен кучера, а Абдулла остается один с поднятыми вверх руками.

— Абдулла! — раздается из кареты ласковый голос Сухова. — Руки-то опусти!

В этот момент кукла, скрывающая сидящего в карете, начинает медленно валиться вперед и Сухов её поправляет. Неожиданно распахивается дверь и в помещение музея влетает вооруженный бандит.

— Махмуд! — раздраженно командует Абдулла. — Скачите на берег все. Грузите баркас, спускайте на воду. Я остаюсь в гостях. Если в полдень меня не будет, — вернетесь рассчитаться за гостеприимство. Убирайся!

Так сцена столкновения Сухова с Абдуллой представлена в фильме. А вот как она выглядит в киноповести:

«Абдулла спустил предохранитель маузера.

Сзади донесся легкий шорох. Обернувшись, Абдулла увидел в узком окне общежития Сухова. Он сидел на подоконнике, сзади него висела веревка, в руках он держал револьвер.

— Руки вверх и лицом к стене! Быстро! — приказал Сухов.

Абдулла поднял руки.

— Брось оружие. Обернёшься — стреляю, — ласково добавил он.

Абдулла вынужден был подчиниться.

Сухов пинком ноги отворил дверь общежития и наставил револьвер на двух нукеров, стоявших на часах. Приказал им бросить оружие и встать лицом к стене. Те тоже подчинились.

Сухов подвел Абдуллу к барьеру галереи так, чтобы он был виден со двора стоявшим там бандитам.

— Прикажи им сложить оружие, — громко скомандовал Сухов Абдулле. — Или я отправлю тебя к Аллаху.

Бандиты, увидев Абдуллу, взятого на мушку, растерялись.

— Ты слышишь меня? — спросил Сухов. — Говори.

Абдулла молчал. Тогда заговорил Сухов:

— Вы должны все погрузиться на баркас и морем уйти из Педжента. Я передам вам его, — Сухов показал на Абдуллу, — когда вы отчалите от берега. Ясно? А теперь освободите двор! Чтобы ни души здесь не осталось!.. Вы тоже катитесь отсюда! — приказал Сухов нукерам, стоявшим лицом к стене».

Из сопоставления фрагментов текста, набранного разным шрифтом, видно, что сцены прямого столкновения Сухова и Абдуллы в фильме и киноповести отличаются появлением в фильме музейной кареты, камня — противовеса пулемету, а главное тем, кто реально отдает команду бандитам. В связи с последним можно предположить, что второй смысловой ряд киноповести предусматривает вариант, по которому судьбу западной цивилизации во второй половине XX века должен определять неперсонифицированный сталинизм (Концепция Общественной Безопасности — сокращенно КОБа); фильм вносит коррекцию, по которой инициатива по оживлению библейской цивилизации после смены логики социального поведения (“спуск баркаса на воду”) должна остаться в руках Глобального Предиктора. Сама сцена содержательно очень символична и информационно плотно упакована. Она — логическое продолжение картины выяснения отношений Сухова с «Таможней». Пьяная либеральная интеллигенция подлинного знания о месте России в глобальном историческом процессе сталинизму дать не могла, поскольку, даже имея какое-то смутное представление о нём на уровне фактологии, всё равно воспользоваться им по назначению была не способна. Почему? Да потому, что её «динамит» — четырёхипостасный ***амуновский*** коктейль (материя, энергия, пространство и время) — действительно “опиум для народа”. Поэтому в фильме он и поджигается от библейской лампадки, а Суховым используется только для

прикуривания. «Динамит» же Сухова (триединство материи, информации и меры) — другого качества, хотя внешне и неотличим от динамита “таможни”.

“Динамит” таможни до сих пор используется *библейской тоталитарной сектой,* именуемой почему-то христианской церковью безо всяких к тому содержательных оснований в её деятельности, поскольку опирается она не на учение Христа, а на Никейский символ веры, представляющий собой краткое изложение «предания старцев» их же словами.

Никейский Символ Веры:

1. Верую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.
2. И во единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единороднаго, Иже от Отца рожденнаго прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Им же вся быша.
3. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася.
4. Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна.
5. И воскресшаго в третий день по Писанием.
6. И восшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца.
7. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца.
8. И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже с Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки.
9. Во единую Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.
10. Исповедую едино крещение во оставление грехов.
11. Чаю воскресения мертвых,
12. и жизни будущаго века.

Аминь.

Как хорошо видно из его содержания в нём нет ни единого слова самого Христа из Его благовестия. Слово «Аминь», стоящее в конце символа веры, это не подпись, а нечто близкое по смыслу следующему: «Ами-инь! Тебя призываем!». Это так, поскольку «Аминь» это — собственное имя господа, которому в действительности поклоняется и православная церковь, но это не имя Христа — Иисуса, — которого церковь громогласно именует своим Господом. В том, что Аминь действительно господь тех, кто дал христианам символ веры, каждый может убедиться, заглянув в Откровение Иоанна (Апокалипсис): «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия», — гл. 3:14.

Аминь, Амен (латинское), Амун, Амон, А.Мень — вариации одного и того же имени бога Солнца, которому поклонялись древние египтяне. Даже если истинно то, что он «свидетель верный и истинный, начало создания Божия», то всё же он не Бог Всевышний, и не Иисус Христос, пришедший под своим именем, а не под псевдонимом. Поэтому сегодня для тех, кто стремится войти в активную концептуальную деятельность, будет далеко не всё равно на основе какого мировоззрения они, обладающие по Божьей милости свободой выбора, смогут воспринимать, понимать, объяснять и активно воздействовать на процессы окружающего их мира: на основе представления о вселенной, как процессе триединства материи, информации и меры; или же на основе представления о вселенной в виде четырёхипостасного амуновского коктейля материи, энергии, пространства и времени.

Сцена со старой каретой без лошадей и куклой, за которой прячется Сухов в процессе переговоров с Абдуллой, — ключевая в том смысле, что она хронологически привязана к определённому времени. В 1969 году трудно было даже предположить возможность появления на экранах ТВ такой передачи, как “Куклы”; с 1996 по 2000 годы она была одной из самых популярных, а на вопрос: “Кто же нами правит?” — большинство в тот период не задумываясь отвечало: “Куклы”.

Если это так, то невольно возникает вопрос: “А где же сегодня Сухов?”. Но в такой постановке это уже вопрос о реальной власти в стране даже для тех, кто неспособен его сформулировать в опре-

делённой лексике и кто постоянно рефлексирует на тему: оставил ли Сталин преемника, а если оставил, то в каком виде и когда он проявится?

На облучке музейной кареты в одежде кучера тоже сидит кукла. Карета без лошадей в музее — царская — символический образ сценария, по которому к власти в России рвутся представители монархических кланов, которые вопреки самому понятию «монархия — власть одного» не могут прийти к согласию между собой по вопросу, кто будет этим одним властителем — монархом. Этот сценарий усиленно навязывали общественному сознанию России все средства массовой информации в последнее десятилетие XX века. Но если следовать содержанию второго смыслового ряда фильма, а не киноповести, то получается, что уже в годы “застоя” были люди, которые, возможно сами того не осознавая, бредили монархическим сценарием развития России. И спектакль с захоронением останков царской семьи *и их слуг*[1] — лишь один из этапов этого сценария.

О том, что в матрицу развития России монархический сценарий через фильм “Белое солнце пустыни” вводился через уровень бессознательного, говорит тот факт, что карета, в которой прячется от людей Абдуллы Сухов, никуда не едет. Это по существу означает — монархический вариант для России бесперспективен. Но если киноповесть — иносказательное выражение *матрицы выхода России из кризиса, объемлющей все другие варианты,* то сцена с “царской” каретой, введенная в фильм, показатель того, что в реальности если монархический вариант и может реализоваться, то только для того, чтобы потенциал монархистов исчерпался также, как уже исчерпал себя потенциал буржуазных демократов.

При таком понимании общего хода вещей, миссия формального главы государства (президента) — миссия гальюнщика, последовательно сливающего в политическое небытие: ЦК КПСС, Верховный Совет, правительство буржуазных демократов, марксис-

[1] О них обычно забывают, в том числе и церковь, причислившая отрекшегося императора к лику святых вместе с членами его семьи, хотя именно слуги приняли смерть за царя добровольно.

тов-троцкистов и, если того потребуют обстоятельства, то и монархистов. Всё это необходимо народам России для обретения политической зрелости такого уровня, на который пока ещё не может подняться ни один народ в мире. Похоже, что этот сложный этап в истории развития Российской региональной цивилизации близится к завершению.

«Первый раз за многие века русский народ оставлен на собственное усмотрение. Освобожденные от тирании государства, церкви и партии, русские встретили кризис 90-х годов не анархическим насилием, как боялись многие, но с изумившей всех осмотрительностью, продемонстрировав в их повседневном поведении соединение индивидуальной инициативы и общественной солидарности, создающих ***новый стиль традиционной русской идеи*** (наше выделение).

Подвергнутые сомнительному благодеянию быть управляемыми некомпетентным правительством, русские прошли в высшей степени суровый тренировочный курс, целью и содержанием которого была и остаётся опора на себя — это основа политической зрелости».

Эта оценка процессов, происходящих в России тем более интересна, что она сделана Б.Парамоновым — ведущим русской службы радиостанции “Свобода”, которого никто не может заподозрить в симпатиях к России. И тем не менее, скорее всего сам того не понимая, он высказался о рождении в Русской цивилизации ростков новой культуры — культуры Богодержавия.

Сухов прячется за куклой, а когда та пытается завалиться, он её поддерживает. Весь мир увидел эту сцену в исполнении современных актеров 15 октября 1998 года во время посещения Ельциным Узбекистана. То, что у Ельцина какие-то непорядки с вестибулярным аппаратом ни для кого тогда секретом не было: об этом красноречиво говорит его походка, да и падал он, видимо, уже не раз. Поразительно другое: почему это, вообще-то заурядное событие из во многом комичной деятельности Ельцина на посту президента России, не только попало в объективы телекамер (туда попадает кое-что и похлеще), но и стало достоянием самой широкой аудитории. Более того, сцену «падения и поддержания куклы»

неоднократно повторили по всем каналам ТВ России и мира как будто для того, чтобы она накрепко впечаталась в сознание толпы, бездумно глазеющей на экраны ТВ.

Что касается преемственности власти, то она (преемственность) бывает структурная и бесструктурная; а главное, преемственность всегда — в пределах определённой концепции управления. Если преемственность структурная, а концепция реально толпо-“элитарная”, то преемник всегда “великий”. Хрущев, например никогда не был преемником власти в концепции большевизма, которой следовал И.В.Сталин. И тем не менее преемственность власти большевизма с убийством Сталина (с целью пресечь развитие большевизма) всё же была обеспечена, но обеспечена она была идеологически бесструктурно. Так, образно говоря, «Сталин не остался в прошлом, а растворился в будущем».

Как Сталин «растворился в будущем» гадают сегодня многие политологи Запада и Востока. Но уже одно определенно: все их опасения на тему «реставрации сталинизма» выражают их ощущение того, что вождь-жрец СССР каким-то образом всё-таки присутствует в настоящем. А раз «растворился», а не сгинул с концами, то при определенных условиях может и «выкристаллизоваться». Поэтому и западная, и наша демократическая “элита” более всего озабочены тем, чтобы такие условия не были созданы.

У них нет понимания того, что до середины XX столетия именно *определённая концепция общественного устройства* была воплощена в личности И.В.Сталина в наиболее полном виде, хотя в иносказаниях фильмов, предшествующих “Белому солнцу пустыни”, (например, “Иван Грозный” С. Эйзенштейна) довольно прозрачно намекалось на олицетворение определенной концепции в личности государя. Соответственно у них нет понимания и того, что личность, воплощающая в себе концепцию, случайна в том смысле, что она обусловлена исторически сложившимися обстоятельствами. А каждый случай принадлежит статистике; статистика же множества случайных личностей в каждую историческую эпоху конкретна, а исторические эпохи отличаются одна от другой статистическим раскладом личностей по их отношению к каждой из множества возможных концепций общественного устройства. И новая концепция общественной безопасности, после того

как она введет общество в процесс автосинхронизации, неизбежно проявит и необходимую личность (и даже не одну) для своего осуществления. Вероятность реализации того или иного варианта развития Русской цивилизации безлика, но вероятностная предопределенность всегда личностно окрашена. И пока шло раскрытие второго смыслового ряда “Белого солнца пустыни”, проявилась и личность, способная воплотить Концепцию Общественной Безопасности в жизнь.

Сцена “переговоров” Сухова с Абдуллой — хороший пример возможности передачи через иносказание плотно упакованной и содержательно важной информации. Карета с кучером-куклой на облучке, которая никуда не едет, — точный символ попытки вернуться в дореволюционное прошлое после августа 1991 года. А как можно кратко рассказать, что в результате “добровольно-принудительного” выполнения народами СССР Директивы СНБ США 20/1 от 18 августа 1948 года, Библейская концепция самоуправления Западной цивилизации стала “заложницей” Концепции Общественной Безопасности (КОБы)? — В фильме эта информация передана зрителю одной сценой в течение двух минут.

— Если что, я не промахнусь. Абдулла, руки-то опусти, — предупреждает Сухов хозяина гарема.

Избавившись от бандитов, Сухов сажает Абдуллу в подземелье, с открытым зарешеченным сверху отверстием, и выставляет на сторожевой пост Петруху.

«…Советская власть должна была не заменить одну форму эксплуатации другой формой, как это было в старых революциях, а ликвидировать всякую эксплуатацию. <…>

Совершенно не правы те товарищи, которые заявляют, что поскольку социалистическое общество не ликвидирует товарные формы производства, у нас должны быть якобы восстановлены все экономические категории, свойственные капитализму: рабочая сила, как товар, прибавочная стоимость, капитал, прибыль на капитал, средняя норма прибыли, и т.п. <…> наше товарное производство коренным образом отличается от товарного производства при капитализме.

Более того, я думаю, что необходимо откинуть и некоторые другие понятия, взятые из “Капитала” Маркса, где Маркс занимается анализом капитализма, и убрать понятия искусственно приклеиваемые к нашим социалистическим отношениям. <…>

Я думаю, что наши экономисты должны покончить с этим несоответствием между старыми понятиями и новым положением вещей в нашей социалистической стране, заменив старые понятия новыми, соответствующими новому положению.

Мы могли терпеть это несоответствие до известного времени, но теперь *пришло время*, когда мы должны, наконец ликвидировать это несоответствие. <…>

Планомерное развитие народного хозяйства, а значит и планирование народного хозяйства, являющееся более или менее верным отражением этого (основного экономического закона социализма — авт.) закона, сами по себе ничего не могут дать, если неизвестно, во имя какой задачи совершается плановое развитие народного хозяйства, или если эта задача не ясна. <…> Эту задачу не может дать сам закон планомерного развития народного хозяйства. Её тем более не может дать планирование народного хозяйства. Эта задача в основном экономическом законе социализма в виде его требований…[1]» (Экономические проблемы социализма в СССР, 1952 г.).

Работа И.В.Сталина “Экономические проблемы социализма”, даже судя по изложенному выше отрывку, пусть на короткое время сделала библейскую концепцию управления заложницей сталинизма. К сожалению, держать её в заложниках должен был русский марксизм, сам оказавшийся заложником жидовосхищения, либерализма и чистоплюйства.

И всё-таки, если исходить из реального положения вещей, “баркас на воду бандитам спустить не удалось”, то есть библей-

[1] А требования таковы: “...ликвидировать всякую эксплуатацию “; “...вместо обеспечения максимальных прибылей, — обеспечение максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей общества...”(там же).

ская цивилизация в лице “передовых стран Запада”, несмотря на внешнюю видимость экономического процветания, в конце XX века стоит на грани культурной и биосферной катастрофы. Из опыта глобального исторического процесса известно, что культура всегда определяла направление экономического развития, но никак не наоборот. Если в “экономически развитых” странах Запада насаждается культ бездумного потребления и паразитизма, то экономика всей библейской цивилизации не может не быть паразитной по отношению ко всему остальному человечеству. Но об этом же в свое время предупреждал Сталин:

«…Европа такая часть света, где много фабрик и заводов, но ощущается недостаток сырья и продовольствия. В этом её трагедия…» (“Интервью с г-ном Стассеном”, 9.04.1947 г.).

“Недостаток сырья и продовольствия” до августовского путча пополнялся в основном за счёт СССР. В условиях постоянного роста потребления в странах “развитого капитализма” библейская цивилизация “на плаву” долго продержаться не могла. Их экономика находилась в “перегретом” состоянии вследствие необеспеченности средств платежа необходимым энергопотенциалом. Выход из создавшегося положения заправилы библейской концепции выбрали для Запада самоубийственный: уничтожить СССР, как единую державу, развалив её на множество сувенирных “государств”, чтобы иметь возможность беспрепятственно грабить их природные богатства.

Да, Сталин отправил всю банду, претендовавшую из века в век на господство в России на верную гибель: разговаривать с ними по другому было бесполезно. Они понимали только силу. Невиданная прежде в истории культурная революция в России в начале XX века, обеспечившая доступ к знаниям всех слоёв общества, уже через 10 — 15 лет помогла сформировать в обществе достаточно широкий слой грамотных управленцев, способных несмотря на марксистскую риторику проводить в жизнь целесообразные решения. После второй мировой войны большие народы всех стран мира подсознательно воспринимали СССР, как светлую альтернативу библейскому толпо-“элитаризму”. Но чтобы эта

альтернатива обрела реальные контуры в мире, необходимо было чтобы:

- сами народы мира преодолели интеллектуальное иждивенчество и смогли бы на уровне сознания воспринимать губительность толпо-“элитарной” библейской концепции управления;
- сталинский курс оставался неизменным по крайней мере лет 10 — 15.

Последнее Сталин предвидел:

«Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим учёным, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны.

Что касается планов на более длительный период, то партия намерена организовать мощный подъём народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, *втрое* по сравнению с довоенным уровнем. <…> Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет *гарантирована* от всяких случайностей. На это уйдёт, пожалуй, *три новых пятилетки, если не больше*. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать» (Сталин. ”Сразу после войны…”, 9.02.1946 г.).

На страже государственности всегда стоит какая-либо идеология. У нас был марксизм. Ничего другого Сталин обществу открыто пока предложить не мог. “Железный занавес”, который Глобальный Предиктор пробил войной, “захлопнулся” ещё прочнее после Победы. Можно сказать, что теперь за “железным занавесом” оказался сам Глобальный Предиктор (конечно с другой его стороны), поскольку задуманный им передел мира не состоялся, а лагерь стран социализма угрожающе наращивал свой потенциал и к 80-м годам средний уровень жизни в странах социалистического лагеря уже превосходил средний уровень жизни в странах капиталистического лагеря, даже с учётом “застоя” в СССР. Но вся беда в том, что об успехах капитализма судили (в том числе и в СССР) не по среднему уровню жизни в странах капитализма в целом, а только по уровню жизни в странах “великолепной” семёрки. При таком понимании обыденным сознанием реалий капитализма “железный занавес” был необходим до тех пор, пока в

стране либо будет достигнут уровень потребления не ниже, чем в странах “великолепной семерки”, либо будет изжит толпо-“элитаризм”.

Выбрав второе, Сталин фактически отказался от участия в глобальном соревновании всепожирающей гонки потребления и тем самым, по умолчанию, подписал смертный приговор не только библейской концепции, но и её модификации — марксизму, после преодоления которых в сознании советских людей потребность в “железном занавесе” отпала бы сама собой.

История сослагательного наклонения не имеет, но если им уметь правильно пользоваться, то можно многое понять в прошлом, настоящем и будущем. Русскому марксизму выпала миссия охраны попавшей в заложники сталинизму библейской концепции управления. Международный бандитизм, скрывающийся под покровами буржуазной демократии, мог бы действительно быть подавлен, если бы марксизм действительно понимал каким уровнем взрывной силы обладает набирающее силу новое мировоззрение в России. Но для этого сталинизм, как Концепция Общественной Безопасности (КОБа) глобального уровня значимости, должен был обрести четко выраженные лексические формы. В этом содержательный смысл завещания Сталина молодым марксистам СССР, выраженный им в последней работе “Экономические проблемы социализма”. Понимание Западом процесса, в результате которого библейская концепция управления стала заложницей сталинизма, отражено в фильме в репликах бандитов после захвата Абдуллы Суховым.

Бандиты: «Абдуллу взяли! А что мы могли? Он с крыши по верёвке».

Существует документальный аналог этой истерики, выражающей беспомощность западных иерархий, оказавшихся в заложниках сталинизма: “Мы слишком натерпелись за эти 15 лет!” Эта фраза, взятая из директивы 20/1 СНБ США от 18 августа 1948 года, указует на начало периода пребывания Абдуллы в качестве заложника — 1933 год.

Картина 13. Гюльчатай! Открой личико…

«Таможня»: «Опять ты мне эту икру поставила. Не могу я её каждый день проклятую есть. Хоть бы хлеба достала».

Настасья: «Ну где его теперь найдёшь. Ешь: ведь опять не закусывал». Кормит с ложечки как ребёнка.

При половых отношениях *под водительством инстинктов* желание близости у мужчины вызывает женщина, вне зависимости от того, стремится она к этому умышленно либо же нет; реакция мужчины — ответная. Другое дело, примет ли женщина вызванное ею и обращённое к ней желание мужчины сразу же, пройдёт ли некоторое время, либо же женщина его никогда не примет. Но существующая для мужчины необходимость добиться от женщины принятия вызванного ею же желания телесного совокупления и породило иллюзию активной роли мужчин в половых отношениях под водительством инстинктов.

В действительности же мужчина в культуре скрытого матриархата — невольник половых инстинктов, активизируемых в нём женщиной.

И ещё: многим женщинам, мужья которых пьют, следует задуматься и над той особенностью, что алкоголь и многие другие наркотики возбуждают именно те участки коры головного мозга, которые нормально возбуждаются при отработке организмом программ полового поведения. Но наркотики возбуждают эти участки в обход нормальных информационных путей при отработке организмом инстинктивных программ полового поведения. То есть алкоголь для многих мужчин средство, которое выводит их из подчинения инстинктивно обусловленному сиюминутно ориентированному во времени деспотизму женщин, по существу их хозяек. То обстоятельство, что наркотики впоследствии вызывают зависимость от них, играет сопутствующую роль, о которой на первой стадии мало кто задумывается, обращаясь к ним в бездумном стремлении освободиться от гнёта на психику через инстинктив-

ные связи бабьего деспотизма хотя бы на краткое время действия наркотиков[1].

Всем пьющим, курящим и употребляющим иные виды наркотиков фильм указал еще в 1969 году, когда в стране разгул пьянства на всех уровнях еще только набирал силу, на опасность таких злоупотреблений: они рискуют отправиться вслед за «Таможней».

Настасья: «Ой, что нынче страху в посёлке! Из дому никто носу не кажет. Ревком уполномоченный с милиционером ещё в центре, не вернулись, а этот рыжий, что к нам приходил, самого Абдуллу поймал. *Не к добру это*. Ты то хоть не задирайся, не встревай. Ведь будет с тебя: своё отвоевал».

Либеральная интеллигенция ощущала на собственной шкуре проявление концептуальной дисциплинированности Сталина, не понимая его исторической миссии. Она его боялась (в большинстве своем) животным страхом и, как видно из слов Настасьи, желала от него побыстрее избавиться, чтобы продолжать вести спокойное и бездумное “элитарное” существование. Сталин для них был не “уполномоченным”, а самозванцем, нарушавшим покой их паразитного потребления.

Марксизм же в СССР, будучи “слугой двух господ” (сталинизма и либеральной интеллигенции), до 1953 года вынужден был одновременно проводить в жизнь и две взаимоисключающие друг друга концепции управления: по умолчанию — толпо-“элитарную” (библейскую); по оглашению — концепцию общественной безопасности (КОБу) в силу верноподданности вождю.

Либеральная интеллигенция России, влюбленная поначалу в марксизм и замкнутая напрямую и в обход сознания (через жидовосхищение, верноподданность, либерализм и чистоплюйство) на еврейскую диаспору, боялась и ненавидела Сталина.

После того, как Сталин начал открытую борьбу с догматическим марксизмом и с сионизмом в СССР (дело еврейских врачей и др.[2]) и за его пределами (Сталин отказал в помощи Израилю в

[1] Подробнее эта тема рассмотрена в работе Внутреннего Предиктора СССР «От матриархата к человечности...», изд. 1998 г.

[2] Незадолго до смерти Сталин напечатал в “Красной звезде”: «Борьба против сионизма не имеет ничего общего с антисемитизмом. Сионизм — враг трудящихся всего мира, евреев не менее, чем не евреев».

его войне с палестинским народом), Глобальный Предиктор, опираясь на предательство “элиты” в СССР, совершил государственный переворот, устранив физически основного носителя внутренней концептуальной власти на государственном уровне.

Смысл убийства И.В.Сталина в том, что внезапная смерть руководителя такого уровня исключает возможность легитимной передачи высшей административной власти. Другими словами, этот “управленческий маневр” — эффективное средство передачи власти противникам прежнего курса.

Петруха, вооруженный бесполезной для него винтовкой, сидит у входа к месту заключения Абдуллы. Через двор музея к колодцу идет за водой Гюльчатай. Петруха вскакивает и умоляет её:

— Гюльчатай, открой личико! Ну, открой!

Гюльчатай, не обращая на него внимания, занимается своим делом, а на экране снизу через решетку камеры на зрителя смотрят злобные глаза Абдуллы. В киноповести этот кадр не предусмотрен; он появляется как бы случайно в процессе съемок, но несет на себе важную смысловую нагрузку. Через него зрителю дается образное представление о том, кто реально скрывается под еврейской паранджей. В конце XX столетия в России формально более всех «озабочены» еврейским вопросом марксисты КПРФ и, хотя чисто внешне вопрос Петрухи похож на праздное любопытство, иносказательно прочтенный он выглядит далеко не риторическим.

За углом слышится непонятный шум и внимание Петрухи отвлекается от Гюльчатай.

— Вроде крадется кто-то, — встревожено говорит он. Петруха покидает пост, на который его поставил Сухов, и тем самым провоцирует всю последующую ситуацию, в результате которой Абдулла снова становится хозяином положения. По сути же эта сцена иносказательно говорит о том, как русский марксизм, не определившись концептуально, поставил под удар будущее коммунизма.

Сионизм действительно имеет совершенно иное отношение к антисемитизму (о чём Сталин пока умолчал), т.к. семиты — это арабы, по отношению к которым евреи(сионисты) выступают как антисемиты (сами в большинстве семитами не являясь: см. историю евреев).

Да, в нашей стране не все члены партии были коммунистами, и не все коммунисты были членами партии. Другими словами, уход с поста Петрухи (на уровне второго смыслового ряда) — утрата марксистами бдительности по отношению к проявлениям чуждой России концепции управления.

“Враг не дремлет!” — лозунг-штамп времён сталинизма, над которым смеялась (и до сих пор бездумно смеётся) наша либеральная интеллигенция. Но многие, казалось бы затасканные во времена Сталина лозунги (Кадры решают всё! Наше дело правое, победа будет за нами! и др.), обретают в конце XX столетия новое звучание и наполняются иным, далёким от легкомысленного ёрничества, содержанием.

— Гюльчатай! Гюльчатай! Принеси воды! — слышится сдавленный голос Абдуллы, который не преминул воспользоваться шансом, предоставленным ему Петрухой.

В библейской концепции управления существует алгоритм, в соответствии с которым в кризисные периоды возникает потребность информационной поддержки для активизации процесса освещения обстановки и принятия решения по вопросам, требующим дополнительных ресурсов. “Вода”, как уже не раз отмечалось ранее, во многих иносказаниях — образ информации. Вода бывает “мёртвая” и “живая”. Написанное слово — мертвое. Все пророки (Моисей, Христос, Мухаммад), через которых Свыше шло Откровение (Благая весть) людям, сами ничего не писали. Они несли миру “живую воду”. Но “живая вода”, при отсутствии осознанной системы информационной безопасности, в процессе превращения в “воду мёртвую”, в руках “обладателей писания” может превратиться из средства созидания в средство разрушения.

«Россия скроена так, что в её организме работает принцип мёртвой и живой воды. Вспомните русские народные сказки, где изрубленного на куски героя собирают по частям и сращивают мёртвой водой, а живой оживляют… Петербург, например, был построен под знаком звезды Водолея Садаль, имеющей функцию мёртвой воды. Заложив мертвый знак в организм Петербурга и рассчитывая умертвить в нём Россию, чёрные творцы (Абдулла тоже чёрный) просчитались… Они упустили из виду тот факт, что мёртвая вода не

только жёстко испытывает и омертвляет… Она ещё и сращивает разрозненное. Пройдя через испытания мёртвой водой и выстояв, русские подошли вплотную к новому этапу: процедуре оживления омертвевших частей своего организма». (Прогноз астролога Тамары Глобы о судьбе России, газета “Новая система” № 3, 1998 г.)

“Принеси воды!” — это иносказательное выражение потребности Чёрного Абдуллы в информации, необходимой ему для выхода из-под давления долговременной стратегии сталинизма, заложником которой 20 лет (с 1933 по 1953 годы) была библейская концепция управления. В подобных случаях бездумное поведение периферии Глобального Предиктора становится смертельно опасным как для самого еврейства, так и для его хозяина.

В фильме нет сцены, в которой было бы показано, как Гюльчатай открывает двери камеры, где содержался заложник. Зритель должен её домыслить, поскольку видит он только то, как Чёрный Абдулла отворачивает голову своей спасительнице. Что же в иносказательном плане может означать этот эпизод?

В фильме Абдулла не просит открыть двери; он просит принести воды, а зарешёченное отверстие в предыдущем кадре — указатель на то, что нормальный человек, даже если он верноподданный, но думающий о последствия своих поступков, мог бы выполнить приказ бывшего хозяина, не подвергая собственную жизнь смертельному риску, тем более, что еще совсем недавно Абдулла чуть не перебил весь гарем.

Конечно реальная жизнь и жизнь в кино — две большие разницы, хотя содержание кинокартины не всегда представляет собой развлекательный сюжет, цель которого — доставить удовольствие от его созерцания зрителю. Кино настоящее — это прежде всего произведение искусства, а искусство всегда символично. В современном кино зомби, биороботы — полноправные герои американских триллеров, но ни одному зрителю не придет в голову сопереживать «судьбе» биоробота. В “Белом солнце пустыни” судьбе Гюльчатай все сопереживают, хотя её поведение не отличается от поведения человека, лишенного свободы воли, т.е. по сути своей — биоробота, запрограммированного на самоликвидацию. Но ведь и еврейство, словно биоробот, подчиняясь заданно-

му библейской концепцией алгоритму поведения, бездумно обеспечивает ей (концепции) информационную поддержку и бездумно привносит в неё информацию концепции общественной безопасности под названием — “Мёртвая вода”.

После этого еврейство неспособно, как прежде исполнять своё предназначенье — нести на себе функцию дезинтегрированного биоробота по распространению и защите библейской концепции от вторжения ей чуждых, и потому оно обречено на гибель, но не в физическом смысле, как это показано в фильме, а информационно. Гибнет оно в соответствии с формулой: *Положение обязывает. Если положение не обязывает, то оно убивает: сначала информационно, а затем — физически.* Информационное соприкосновение еврейства с концепцией общественной безопасности под названием “Мёртвая вода” более не обязывает его быть еврейством и периферией древнеегипетского знахарства.

В период, когда мы были заняты, раскрытием второго смыслового ряда ***Картины 13,*** 20 ноября 1998 года в Санкт-Петербурге в подъезде своего дома из автомата американского образца «Агран-2000» была застрелена Галина Старовойтова, личность по своему харизматическая и в неком роде — олицетворение демократии и еврейства в одном лице. Трудно конечно образ Старовойтовой (особенно по внешним данным) соотносить с образом Гюльчатай, и тем не менее гибель Старовойтовой — и в хронологическом и в информационном плане — явление знаковое: это знак того, что Абдулла уже свернул шею Гюльчатай, ознаменовав этим актом завершение миссии еврейства в глобальном историческом процессе.

Как удалось столь сжато и выразительно сделать этот эпизод, в котором на уровне второго смыслового ряда, проявился образ общности, лишенной свободы выбора и действующей в соответствии с неким алгоритмом, навязанным этой общности извне? По нашему мнению, после ухода из жизни А.С. Пушкина, такое под силу только в рамках коллективного творчества, когда в процессе съемок творческое начало коллективного бессознательного замкнуто на какие-то более высокие уровни, по сравнению с индивидуальным творческим началом режиссера-постановщика или сце-

нариста. И не удивительно, что этот эпизод в сценарии В.Ежова и Р.Ибрагимбекова выглядит совсем иначе.

«Гюльчатай положила кувшин на землю.

— Гюльчатай, — услышала она своё имя; голос, произнесший его, заставил её задрожать. — Подойди к двери.

Гюльчатай приблизилась к двери. В небольшое оконце она увидела связанного Абдуллу.

— Открой лицо! — сказал Абдулла, пронзительно глядя на бывшую жену. — Теперь отодвинь засов, — продолжал он, когда она подчинилась ему. — Подойди сюда!

Женщина шагнула за дверь. Она шла к Абдулле, как кролик к удаву, не смея отвести глаза от страшных глаз своего мужа.

— Развяжи, — приказал Абдулла.

Женщина послушно освободила его от веревок. Абдулла положил руки на плечи жены. Глядя ей прямо в глаза он сдавил ей горло и отпустил. Она упала на пол».

Если бы эпизод с освобождением Абдуллы был снят строго в соответствии со сценарием, то на экране предстала бы банальная история, в которой не осталось бы места для творческого участия зрителя: все умолчания были бы досказаны однозначно, но с этой однозначностью исчезла бы и та “мистика” (в переводе с греческого это слово означает — тайна), которую мы и назвали вторым смысловым рядом и которая собирает отдельные, иногда даже не связанные друг с другом фрагменты сюжета, в исторически значимую целостность, о которой прямо рассказать нельзя, но которую, при наличии ключей к иносказанию и понимания общего хода вещей, увидеть можно. Если, конечно, есть желание понимать и видеть.

А чем в это время занят незадачливый поклонник Гюльчатай — Петруха? Изменив стратегии большевизма (держать библейскую концепцию в заложниках до тех пор, пока в обществе не созреет альтернативная ей концепция управления), русский марксизм поставил себя перед гибельным выбором: либо национальный, либо интернациональный, но всё равно — толпо-“элитаризм”. Гибельный же потому, что толпо-“элитаризм” в лю-

бой модификации — “белый шум”, на фоне которого русский марксизм не способен различить нарастающего по мощности полезного сигнала — концепции общественной безопасности.

Поэтому в фильме Петруха не просто покидает пост у камеры заключения Абдуллы; он идёт на поиски источника какого-то шума и сталкивается с хранителем музея Лебедевым: «Руки вверх. А, это ты. Чего залез-то?»

— Прошу вас никому ни звука: здесь тайник от бандитов, — отвечает Лебедев к Петрухе.

При этом камера показывает, что он прячет иконы — атрибуты идеалистического атеизма. Именно эти внешние атрибуты исторически сложившегося христианства окажутся востребованы буржуазной демократией после августовского путча 1991 года, поскольку материалистический атеизм в марксистской упаковке к тому времени будет изжит в массовом сознании народов России. Попытка же постсоветских марксистов соединить исторически сложившееся христианство (его следует отличать от истинного учения Христа) с учением Маркса — бесплодны.

В конце XX века подлинные цели марксизма, как модификации библейской концепции, перестали в России быть тайной. “Открыть же своё личико” марксизму еврейство было не в состоянии не потому, что не желало; это было в принципе невозможно, поскольку на уровне подсознания у каждого еврея на освоение информации подобного рода были наложены внутренние запреты через Талмуд и Тору.

Что касается российского «жречества», выродившегося в знахарство, занятое деревенским целительством и костоправством, то ничего кроме жидовосхищения народам России оно предложить не могло. Выражалось же это жидовосхищение в одном: пусть всё будет по-прежнему, только место жидов должны занять мы. Поэтому российское знахарство (в фильме представлено в образе хранителя древностей — Лебедева), апеллируя к толпе и разжигая примитивный бытовой антисемитизм, в качестве альтернативы интернациональному толпо-“элитаризму” предлагало обществу национальный толпо-“элитаризм”, внешне привлекательный, но по существу не меняющий содержательной стороны библейской концепции управления.

Дело в том, что с 988 г. (года крещения Руси) по настоящее время международные клановые системы посвящения (именуемые ныне в патриотических кругах жидомасонством) никогда не обретали в России устойчивого полновластия, а делили власть в русской региональной цивилизации с местными национальными знахарскими кланами, которые хотя и не встревали в делание глобальной политики (до времени…), но занимали прочное положение в организации жизни местного общества. То, что ранее называли *русским* масонством, фактически было периферией, вобравшей в себя возгордившихся представителей местной "элиты". Национальные знахарские кланы кроме того, что имели свою работающую периферию[1], проникали и в *русское* масонство и достаточно эффективно контролировали этих возомнивших о себе простофиль, взявших на себя роль полицаев-коллабора-*сионистов*, если проводить параллели с периодом гитлеровской оккупации. Именно в этом контексте следует рассматривать заявление, сделанное в "АиФ" № 38, сентябрь 1998 г. почти ровно через 1000 лет после крещения Руси, устами еврея Э.Тополя: **"Мы впервые за 1000 лет взяли реальную власть в этой стране".** К нему следовало отнестись куда серьёзнее, чем это сделала вся "патриотическая общественность", выплеснувшая в связи с этим заявлением очередную порцию бессмысленных эмоций в адрес сионистского интернацизма, ибо вопрос следует ставить не о том, кто поименно эти "мы", сколько о том, какую глобальную стратегию на данном этапе исторического развития эти "мы" проводят по отношению к человечеству в целом и по отношению к России, в частности.

Заявление, сделанное через Э.Тополя авторами этой глобальной стратегии, имеет и другую важную сторону, на которую никто не обратил внимания, но которая в образной форме содержательно раскрыта в фильме сценой убийства Лебедева Черным Абдул-

[1] Этим, в частности, вызвано недовольство западников Г.Е.Распутиным. Не следует забывать, что в один день были совершены покушения и на эрцгерцога Фердинанда, смерть которого послужила поводом для развязывания первой мировой войны, и на Г.Е.Распутина, чье вмешательство в политику не позволило её развязать в 1912 г. во время балканских войн, когда в России придворная группировка, возглавляемая великим князем Николаем Николаевичем, рвалась вступить в войну.

лой. Если язык образов этой сцены перевести в лексические формы, то это будет равносильны заявлению жидомасонов представителям местного знахарства: “Мы в ваших услугах больше не нуждаемся”.

Особая миссия «Таможни» в попытках легитимизации библейской концепции в соответствии с меняющимися историческими условиями состояла в том, что она должна была “правильно” дозировать и “адекватно” перераспределять по социальным слоям нарастающий интерес к истории в российском обществе. И можно сказать, что в какой-то мере до поры до времени это ей удавалось. Так для удовлетворения исторического интереса массового сознания еще до перестройки появились наскоро сшитые и завлекательно скроенные романы В.С.Пикуля; для публики, требующей более глубоких знаний по историческим вопросам, появилась “Память” В. Чивилихина; кто же хотел докопаться до роли еврейства в истории, тому была доступна монография “О классовой сущности сионизма” А.З. Романенко.

Слова Лебедева: “Прошу вас никому не звука” были характерны для периода «застоя», когда ещё «автоматические гарантии» были в силе, но многие, даже при доминировании в общественном сознании материалистического атеизма (в основном на пропагандистском уровне) пытались разобраться в тайных пружинах управления в глобальном историческом процессе. В то же время, давление марксистских догм, марксистской терминологии и жесткой марксистской цензуры при восприятии любой информации (в том числе и из закрытых источников) препятствовали формированию целостного мировоззрения в обществе. Попытки национального знахарства восстановить мировоззренческий контроль над обществом в рамках коллаборсионизма были обречены на неудачу, поскольку имели своей целью сохранение толпо-“элитаризма” в обществе, уже изжившим идеалистический и материалистический атеизм. Либеральная интеллигенция, выполнявшая по выражению своего кумира Б.Пастернака функцию “изоляции между током истории” и обществом, разделилась в своих атеистических пристрастиях на идеалистическую (водительствуемую иерархией православных церквей) и материалистическую (водительствуемую иерархией марксизма-троцкизма) тол-

пы и потому тоже была обречена, поскольку “человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих”. Это раздвоение мыслей предстает в фильме в неспособности Верещагина определиться в своих привязанностях между Настасьей и Петрухой.

К середине 80-х годов в КПСС, помимо усиливающегося интереса к тёмным местам истории, стал нарастать процесс смены кадровой базы. В партию приходили новые люди со свежими идеями, не скованные догмами марксизма. Нарастала тенденция к перестройке в партии в сторону опасную для библейской концепции: могло произойти то, что не успел закончить Сталин мирным путём и без “шоковой терапии” для общества. Буржуазная демократия (в лице Черного Абдуллы) для захвата власти в новых условиях вынуждена была использовать еврейство, как таран для сокрушения государственных институтов СССР, и естественно не смогла в полной мере воспрепятствовать саморазоблачению его подлинной сущности в массовом сознании народов России, до этого не зараженном бытовым антисемитизмом. Всё это вместе активизировало процесс информационной самоликвидации еврейства. Внешне же это выразилось в росте антиеврейских настроений в обществе. В результате, если в 1991 году эти настроения были свойственны максимум 5 % населения России, то к 1998 году они достигли 20 — 25 %[1].

[1] Данные ВЦИОМ, опубликованные газетой “Завтра” № 47, 1998 года.

Картина 14. Перманентное обрезание

Информационная самоликвидация еврейства — самой древней и богатой мафии — началась после Октября 1917 года, когда её представители бездумно ринулись во все институты власти послереволюционной России. Этот процесс достиг кульминации в 1947 году после принятия «мировым сообществом» решения о создании еврейского государства. То, что это государство получило название «Израиль», а не «Иудея» — хорошая иллюстрация реальности процесса самоликвидации, поскольку древний Израиль, как государство, потому и погиб почти на тысячелетие раньше Иудеи, что не принял иудаизма — человеконенавистнического вероучения — целенаправленно и открыто проповедующего порабощение всех народов хозяевами одной «богоизбранной» искусственно созданной мафиозной общиной. В конце XX столетия процесс вступил в завершающую стадию. Важная, но скрытая от большинства, особенность его — в неспособности в нём участвующих понять направленность и конечные цели этого процесса.

Могут быть возражения со стороны евреев и антисемитов: еврейство мол по-прежнему доминирует в российском обществе во всех институтах власти; в ещё большей степени, чем до пресловутой “перестройки”, контролирует через средства массовой информации каналы бесструктурного управления обществом; а в марксистской упаковке хорошо представлено в Государственной Думе на уровне оппозиционной партии. Внешне всё так и выглядит, но в данном случае мы стараемся дать представление не о самих фактах (таких представлений столько, сколько существует исторических мифов, через призму которых в каждый исторический период факты и воспринимаются), а о процессах, объемлющих эти факты.

Но как только мы начинаем обсуждать процессы, а не факты, то неизбежно приходим к выводу: любое общество всегда в какой-то мере самоуправляется, а в какой-то — управляется. Чем выше уровень самоуправления, тем меньше требуется того, что воспринимается обществом в качестве управленческих структур. Процесс самоуправления в обществе на личностном уровне не осознаётся:

всё делается «само собой», но в этом-то и состоит существо того, что можно назвать эффективностью концептуальной власти. Выявить саму концепцию можно через одну из главных составляющих культуры цивилизации — искусство. Каждый может это сделать самостоятельно, если не поленится зайти в библиотеку, музей или филармонию в любом городе западной Европы, Америки и России: он сразу обратит внимание на преобладание во всех сферах культурной жизни западного общества библейской тематики. При этом всё будет восприниматься естественно и не вызывать отторжения, поскольку предназначение всякой культуры, как вторичного толкования концепции самоуправления, — ненавязчиво формировать стереотипы отношения к явлениям внутреннего и внешнего мира. Мы живём в библейской цивилизации и стереотипы отношения к явлениям внутреннего и внешнего мира естественно формируются элементами библейской культуры, которая — лишь отражение концепции самоуправления — Библии.

Еврейство — своего рода структура, рассредоточенная в среде всех национальных общин, выполняющая функцию поддержания процесса бесструктурного управления (самоуправления) по библейской концепции. Чем более устойчив этот процесс, тем меньше требуется вмешательства в него со стороны структур управления и наоборот. В этом смысле усиление роли еврейства во всех государственных институтах управления России и в её культуре — признак потери устойчивости по предсказуемости процесса самоуправления по библейской концепции, а проявление антисемитизма — всего лишь естественная, но всё-таки вторичная неосознаваемая реакция общества на этот процесс, алгоритм которого скрытно встроен в Тору и Талмуд.

Если пошёл процесс потери устойчивости самоуправления по прежней концепции, то активизация структурного управления допустима до определённого предела, после которого общество либо само разрушается, либо порождает новую концепцию самоуправления, альтернативную прежней концепции, потерявшей работоспособность.

В процессе освоения обществом новой концепции самоуправления естественным образом из бесструктурного порождается и

новое структурное управление, что означает неизбежную гибель прежних, исчерпавших своё предназначение структур.

Всё это элементы “Достаточно общей теории управления” (главный стержень — скелетная основа Концепции Общественной Безопасности), на понимание которой у еврейства, жестко замкнутого на Тору и Талмуд, наложены внутренние запреты, и потому оно не ощущает опасности, связанной со сменой концепции управления. Бездумно влезая в структуры власти всех уровней, с восторгом захватывая редакции радио, газет, журналов и телевидения, а также режиссуру всех театров и киностудий; опрометчиво полагая, что вся полнота власти у них в руках, евреи с энергией, достойной лучшего применения, затягивают удавку на своей шее, что уже и проделал в буквальном смысле слова наследник клана Ротшильдов Амшель в парижском отеле “Бристоль” в июле 1996 г. (“Известия”, 12 июля 1996 г.).

Однако, власть — это не удобные кресла, деньги и сопутствующие им житейские блага, а реализуемая способность управлять. Если концепция самоуправления исчерпала свой потенциал, отведенный ей историей, то любая самая жесткая управленческая структура, пытающаяся по-прежнему бездумно проводить её в жизнь, по существу будет безвластна. При этом следует иметь в виду, что всякий «потенциал» может быть как положительным, так и отрицательным. И если концепция самоуправления исчерпала «положительный» потенциал, то в условиях новой логики социального поведения, вне зависимости от желания её разработчиков, начинает реализовываться её «отрицательный» потенциал, который проявляется через гибель прежних структур управления.

В теории управления есть понятие «положительных» и «отрицательных» обратных связей. Содержательная сторона его состоит в следующем: некий процесс, которым вы управляете, под воздействием возмущающих сил начинает терять устойчивость по предсказуемости и выходит за рамки балансировочного режима, предписанного сформированной вами концепцией управления. Пытаясь восстановить устойчивость, вы начинаете замыкать обратные связи так, чтобы возмущения, контролируемого вами процесса, “гасли”. Если это происходит и амплитуды возмущений управляемого вами процесса уменьшаются, то считается что процесс

входит в устойчивый балансировочный режим и это означает, что в используемой вами системе управления преобладают «отрицательные» обратные связи. Если же амплитуды возмущений нарастают и устойчивость процесса падает, то в этой же системе управления преобладают «положительные» обратные связи. Неспособность в процессе управления отличить «отрицательные» обратные связи от «положительных», может привести к результатам непредсказуемым и даже катастрофическим. Но именно это и наблюдается в истории XX столетия в Западной цивилизации, управляемой по библейской концепции.

Обладая монополией на управление, глобальное знахарство еще в конце XIX столетия осознавало гибельность для планеты усугубляющегося общего кризиса капитализма. Попытка преодолеть кризис через мировую перманентную социалистическую революцию привела к непредсказуемому, с точки зрения глобального знахарства, социальному явлению на одной шестой части света — сталинизму, который впервые в истории цивилизации выступил (пока по умолчанию, то есть без достаточного теоретического обоснования) против принципов, декларируемых в библейской концепции. Стремление восстановить потерю управления побудило глобальное знахарство подавить сталинизм с помощью им же выпестованного немецкого фашизма (который по сути своей — апофеоз буржуазной демократии); в результате — в Евразии сформировалось содружество социалистических стран, которое к 80-м годам XX столетия в среднем по уровню жизни уже превосходило средний уровень жизни в странах капитализма (во всех странах, а не только в странах «великолепной» семерки). К концу XX столетия общий кризис капитализма не разрешился сам собой, а только усугубился и всё больше приобретает черты глобальной катастрофы. Это свидетельствовало о том, что ни СССР в его прежнем виде, ни социалистическое содружество в целом не переломили одним фактом своего существования основной тенденции развития мировой цивилизации и что самое главное — в них попрежнему доминировали, но в каких-то ***новых формах*** основные принципы библейской концепции управления, которые вероятно могли бы (в случае их сохранения) продлить на какое-то время её господство в сфере самоуправления западной цивилизацией. А

чем на это ответило глобальное знахарство? — Уничтожением СССР и стран социалистического содружества, т.е. бездумным уничтожением этих ***новых форм***.

Библейская концепция самоуправления — толпо-“элитарная” и потому структуры, обеспечивающие её информационную поддержку, — не могут быть внутренне не напряженными, что в реальной жизни выражается в запретах на понимание существа толпо-“элитаризма”; в противном случае они не смогли бы в течение столь длительного времени (речь идет о тысячелетиях) бездумно автоматически обеспечивать устойчивость самоуправления по данной концепции. Исчерпанию потенциала концепции самоуправления предшествует ликвидация средств её информационной поддержки. Весь этот сложный социальный процесс отображен в фильме одной сценой.

Абдулла душит Гюльчатай; кувшин падает, вода из него уходит. Петруха, как и современные марксисты, бездумно муссирующие “еврейский вопрос”, настойчиво просит Гюльчатай “открыть личико”.

«Личико» якобы еврейства открывается — а вместе с ним открывается подлинное лицо библейской концепции — бесчеловечная по сути своей доктрина “Второзакония — Исаии”, существо которой почему-то не захотел раскрыть в “Капитале” основоположник якобы коммунизма внук двух раввинов — К.Маркс. Другими словами, русскому марксизму перед собственной информационной гибелью открывается сущность библейской концепции, замаскированной пресловутым “еврейским вопросом”. И только после этого марксизм и “еврейский вопрос” оказываются рядом, но уже мертвыми, недееспособными. Потому-то Сухов и кладёт рядом с Гюльчатай Петруху, что может означать лишь одно: отныне в глазах общественного мнения Русской цивилизации еврейство и марксизм будут восприниматься как нечто единое целое.

Исполнив функцию биоробота, сходит с исторической сцены еврейство; вслед за ним уходит в политическое небытие и марксизм, как отработанная ступень ракеты, без которой не могло состояться преодоление атеистического мировоззрения в России пред её выходом к Богодержавию. Но толпо-“элитарное” мышле-

ние (в силу его инерционности) какое-то время ещё остается в плену библейских догм. Как это образно можно было показать в ключах иносказания “Белого солнца пустыни”? Очень просто: сценой седлания Черным Абдуллой коня Петрухи и его бегством к бандитам. Иносказательно этим эпизодом завершается этап концептуального двоевластия в России.

Картина 15. Я рассчитывал на тебя, Саид…

После гибели Гюльчатай и Петрухи короткий, но содержательно очень значимый диалог Сухова и Саида.

Саид: «А теперь уходи, скорее. Одному нельзя оставаться».

Сухов: «Не могу. Абдулла убьёт женщин».

Саид: «Абдулла убьёт тебя. Это его жёны. Прощай».

Сухов: «Я рассчитывал на тебя».

Саид: «Если меня убьют, кто отомстит Джавдету?»

Сухов: «Я рассчитывал на тебя, Саид».

Можно рассматривать эту “беседу”, как разговор двоих персонажей, чьи прежние общие интересы по каким-то причинам разошлись. Но если применить ключи иносказания, то можно выйти на уровень понимания продолжительного исторического диалога большевизма с кораническим исламом, в процессе которого рождалось совершенно новое явление российской действительности, получившее сегодня название русского Богословия. Тогда второй смысловой ряд диалога будет выглядеть так.

Коранический ислам: “А теперь уходи скорее. ***Одному*** нельзя оставаться”.

Несмотря на то, что Саид внешне выглядит психологически устойчивым, эта фраза указует на внутренне скрытое замешательство, проистекающее из бессознательного согласия с ошибочной русской пословицей «один в поле не воин», но неоднократно опровергнутой воинской практикой (подвиги экипажей брига “Меркурий”, крейсера “Варяг”, защитников Брестской крепости и многих других памятных и забытых защитников Отечества). Если «один — не воин», то он — не воин и в боевых порядках. Если один — воин, то он воин и один, и в боевых порядках, и в «поле», и в органах власти, и везде, где застигнет его необходимость защиты Отечества и Правды Божией. Именно это качество отличало Сталина — руководителя государства от всех остальных руководителей, сменивших его на этом посту. Что касается коранического ислама, то по существу этими словами он предлагает больше-

визму оставить поле боя информационной войны, поскольку считает большевизм явлением уникальным, присущим лишь русским, а потому не обладающим необходимыми ресурсами для эффективного противостояния концепции толпо-“элитаризма” на глобальном уровне.

Большевизм: «Не могу. Абдулла убьет женщин»

То есть, большевизм отказывается оставить поле боя не по причине завышенных самооценок, а в соответствии с этическим правилом: “И один в поле воин. Если не я, то кто? Кто защитит народы от гибельного воздействия библейской концепции?”

Коранический ислам: «Абдулла убьёт тебя. Это его жены. Прощай».

Так коранический ислам, связанный обязательством преодоления в исламском обществе последствий исторически сложившегося ислама, невольно оказывается на стороне библейской концепции.

Большевизм: «Я рассчитывал на тебя».

В кратком ответе большевизма — трезвая оценка вероятности исхода одиночного противостояния культуре толпо-“элитаризма” и призыв к кораническому исламу осознанно размежеваться с библейской концепцией управления.

Коранический ислам: «Если меня убьют, кто отомстит Джавдету?»

Не отвечая прямым отказом на приглашение к сотрудничеству, коранический ислам этой репликой высказывает опасение, что в случае его гибели в информационной войне некому будет “отомстить Джавдету”. А это по существу — в неявном виде заявка на монопольное понимание смысла того, что в Коране названо Различением. Молчаливо игнорируя подобные претензии своего потенциального союзника, большевизм возвращает его к исходной позиции диалога (одному нельзя оставаться) и вторично предлагает ему сотрудничество в общем деле борьбы двух несовместимых в едином и целостном мире мировоззрений, считая при этом (по умолчанию) преодоление издержек исторически сложившегося ислама (месть Джавдету) процессом, сопутствующим главному делу — борьбе с библейской концепцией управления.

Большевизм: «Я рассчитывал на тебя, Саид»

С убийством Сталина начался второй этап формирования концепции управления, альтернативной библейской. Внутренняя региональная концептуальная власть на структурном уровне в лице И.В.Сталина в СССР была “убита”. Внутренняя концептуальная власть бесструктурного уровня, сформировавшаяся в процессе неосознанного народного сопротивления агрессии Глобального Предиктора, осталась. По существу это и был сталинизм. Коранический ислам, освобождённый большевизмом от пут догматов исторически сложившегося ислама, получил и свободу выбора двух типов мировоззрений.

Так в 1969 году благодаря “Белому солнцу пустыни” мы все узнали, что Сталин действительно не ушёл в прошлое, а растворился в будущем, хотя и не осознали этого.

Сталин, олицетворяя собой Концепцию Общественной Безопасности, осуществлял полную функцию управления государством структурным (в основном) и бесструктурным способом. При структурном способе управления информация циркулирует по определённым элементам структуры, сложившейся ещё до начала процесса управления. При бесструктурном способе управления таких, заранее сложившихся структур нет. Происходит безадресное циркулярное распространение информации в среде, способной к порождению структур из себя. Структуры складываются и распадаются в среде в процессе бесструктурного управления, а управляемыми и контролируемыми параметрами являются вероятностные и статистические характеристики массовых явлений в управляемой среде. Основой бесструктурного управления являются вероятностные предопределённости, упорядочивающие массовые явления в статистическом смысле.

Растворившийся в коллективном бессознательном народов СССР сталинизм, в условиях новой логики социального поведения стал основой бесструктурного противостояния толпо-“элитарной” концепции управления. Так было положено начало процессу осмысления враждебности народам, до сих пор казавшейся такой привычной и не поддающейся критическому осмыслению, концепции самоуправления — Библии. Это был самый сложный этап преодоления “собственных” стереотипов отношения к явлениям внутреннего и внешнего мира, сформированных в

общественном сознании, в котором веками устойчиво доминировал толпо-“элитаризм”. “Тот сделал полдела, кто начал”, — заметил как-то английский философ Александр Поп. Это означает, что следующий этап — этап формирования концепции управления, альтернативной Библии, уже не требовал столь больших затрат энергии со стороны коллективного бессознательного: выделение из общества людей, способных перевести неосознанное знание в определенные лексические формы, соответствующие требованиям новой логики социального поведения, было делом времени. Все эти обстоятельства вероятностно предопределили и формирование концептуального центра и выработку Концепции Общественной Безопасности. Народы СССР весь послесталинский период руководствовались концепцией общественной безопасности на уровне коллективного бессознательного, т.е. продвигались вперед как бы на “автопилоте”, внося при этом в само движение необходимые корректировки, отражающие изменения процесса самоуправления на уровне коллективного сознательного (в том числе и обусловленные агрессией Глобального Предиктора), скорость которых определялась скоростью процесса смены логики социального поведения, а качество — состоянием коллективного бессознательного.

Высовываться в этих условиях с альтернативными существующему официально курсу идеями, которые рождались в обществе, в период “застоя” было глупо и опасно. Поэтому и было принято решение “уходить в подполье” и, “заняв оборону”, продержаться на достигнутых рубежах как можно дольше. В таком положении реальных возможностей прямого влияния (из “подполья”) на сознание у рассредоточенного среди народов Русской цивилизации центра сопротивления не было.

Глобальный Предиктор действовал тоже в основном бесструктурно, внедряя в советское общество нужную для его целей информацию, и структурно — разрушая старые и формируя новые, как ему казалось, эффективные структуры в СССР. Таким образом, после 1953 года в стране создалась ситуация концептуальной неопределенности, которая к 1992 году и проявилась в гербовой

символике. Двуглавый орел — символ концептуального двоевластия[1].

Сталин был убит, но сталинизм остался жить в сознании, а больше в коллективном бессознательном народов реализуя свой интеллектуальный и нравственный потенциал.

«А ежели вовсе не судьба нам свидеться, Екатерина Матвеевна, то знайте, что был я и есть до последнего вздоха преданный единственно вам одной. И поскольку, может статься, в песках этих лягу навечно, с непривычки вроде бы даже грустно, а может быть, от того это, что встречались мне люди в последнее время всё больше душевные, можно сказать деликатные.

Тому остаюсь свидетелем боец за счастье трудового народа ***всей Земли,*** Закаспийского интернационального революционного пролетарского полка имени товарища Августа Бебеля красноармеец Сухов Фёдор Иванович!».

В этом письме Сухов — символ сталинизма и через образ бойца в ***белой гимнастерке***[2], который готовится к последней схватке один на один с бандой Абдуллы, в фильме впервые показан уровень глобальной заботливости исторически реального сталинизма за судьбы всех народов земли. Более того, письмо — красноречивое доказательство веры сталинизма в человека будущего: «… встречались мне люди в последнее время всё больше душевные, можно сказать, деликатные». Без понимания содержания второго смыслового ряда последние слова письма могут вызывать у зрителя ироническую усмешку, поскольку реальность на экране достаточно сурова.

Данное письмо важно еще и потому, что оно является своеобразным водоразделом между фильмом и сценарием: после письма

---

[1] В 1857 г. русский поэт А.Курочкин написал песню “Двуглавый орел”, припев из которой приведен ниже:

Я нашел, друзья, нашел / Кто виновник бестолковый / Наших бедствий, наших зол. / Виноват во всем гербовый, / Двуязычный, двухголовый, / Всероссийский наш орёл.

[2] Сталина в последние годы часто видели в белом кителе генералиссимуса; белые одежды в древности — признак принадлежности к жреческому сословию. Наиболее яркий образ Сталина вождя-жреца представлен в фильме “Падение Берлина”.

в сюжет фильма вставлен эпизод, которого нет в сценарии, но именно он весьма значим для понимания многих процессов современной нам действительности. Но сначала о том, как события представлены в фильме…

Картина 16. Их нет нигде

Оставшись один, Сухов готовится к последнему бою: занимает оборону над входом в крепость в недоступном для бандитов месте, одевает чистую белую гимнастерку и в это время камера показывает, как к нему наверх поднимается Лебедев.

«— Ну что, хранитель, женщины ушли? — спрашивает Сухов

— Я задержал их, — отвечает Лебедев, разворачивая перед Суховым то ли схему, то ли карту.

— Смотрите, это — подземный ход выходит к берегу моря. Его прорыли в эпоху саманидов; в последние 400 лет им никто не пользовался».

Этого эпизода в сценарии нет. Он появился в процессе съемок. Если же придерживаться содержания киноповести, то из её текста хорошо видно, что Сухов и без помощи Лебедева находит выход из критической ситуации:

«Сухов увидел, как во дворе Саид сел в седло своего коня и выехал из ворот музея.

Сухов смотрел ему вслед, пока он не скрылся за барханами. Теперь Сухов почувствовал, что остался совсем один. Лебедев был не в счет. Он взял свой «сидор», лежавший рядом с пулеметом, достал из него чистые портянки и рубаху. Переобулся, переоделся и, укрепив на доске осколок зеркала, начал бриться. Брился он тщательно, не спеша, думая о своей Катерине Матвеевне.

Сухов что-то вспомнил и, не добрив одну щеку, схватил пулемет и побежал вниз.

Пробежал через площадь по узким улицам Педжента и остановился у нефтяных баков. В упор он дал по одному из баков несколько очередей, осмотрел следы от пуль и побежал обратно».

Если придерживаться ключей к иносказанию, согласно которым пулемет — оружие второго (исторического) приоритета, то “выпавший” (или изъятый?) из фильма эпизод киноповести на уровне второго смыслового ряда указует на некое важное обстоятельство, ставшее известным сталинизму после изучения глобаль-

ного исторического процесса и осознания подлинного места в нём истории России. На основе такого понимания сталинизм и должен был руководствоваться при принятии решения о путях выхода из критической ситуации. Но в процессе киносъемок произошла корректировка не столько сценария, сколько вариантов матрицы развития Русской цивилизации, в результате чего и появился эпизод с подземным ходом.

Как по ходу сюжета вдруг возник “подземный ход, прорытый в эпоху Саманидов” да еще с «открытием» его хранителем музея, пожалуй мог бы ответить кто-то из участвовавших в съемках фильма, но вряд ли при этом он даже сегодня смог бы дать вразумительное пояснение по этому поводу, кроме банального: эпизод введен для занимательности сюжета.

Из содержания киноповести и дальнейших событий фильма становится ясно, что о подземном ходе знал и Абдулла. Этот факт — свидетельство связи местного знахарства с библейским. Из сюжета фильма почему-то выпал важный эпизод, имеющийся в начале киноповести, в котором Абдулла уходит из Черной крепости (а не из Старой как в фильме) от Рахимова через “подземный ход”.

«Саманиды, династия правителей Мавераннахара (Средняя Азия) в 819 — 999 гг. Основатель династии — Саман-худат. Государство Саманидов (875 — 999) в Средней Азии со столицей в Бухаре, образовалось после распада Арабского халифата и объединило в первой половине X века значительную часть территории Средней Азии. Период экономического и культурного подъема до конца X века».[1]

Другими словами, Лебедев приглашает Сухова принять участие в каком-то событии, хронологически связанным с эпохой «саманидов». Таким событием на Руси, оказавшим сильнейшее влияние на всю последующую историю Русской цивилизации, несомненно является введение христианства, разрушившее сначала мировоззренческое единство русичей, а спустя двести лет и территориальное единство Руси. В связи с этими событиями можно говорить о первой «великой смуте» на Руси, завершившейся

[1] Большая Советская Энциклопедия.

утратой концептуальной самостоятельности и монголо-татарским игом. Поскольку в сообщении Лебедева о “подземном ходе” говорится, что “последние четыреста лет им никто не пользовался”, то хронологически это событие может быть связано со второй «великой смутой», завершившейся вторжением поляков в Московскую Русь и фактически тоже утратой на какое-то время независимости. Другими словами, можно говорить, что введением в фильм сюжета, связанного с «подземным ходом», национальное знахарство еще в 70-е годы XX столетия было использовано (скорее всего в обход сознания) Глобальным Предиктором в организации в России очередной «великой смуты». О том, что использовано оно было в обход сознания, говорит факт гибели Лебедева от руки Абдуллы.

Такое понимание второго смыслового ряда фильма подтверждает и сюжет киноповести. Согласно ему Сухов постоянно демонстрирует качество, свойственное схеме управления «предиктор-корректор» (предуказатель-поправщик), в которой обратные связи замыкаются не на уже свершившиеся события, а на те тенденции, которые могут привести к этим событиям; иными словами часть обратных связей замыкается не через настоящее и прошлое, а через будущее. Соответственно этому Сухов — олицетворяет собой и Внутренний Предиктор, возобновивший свою зримую деятельность в Русской цивилизации. Поэтому в киноповести Сухов постоянно упреждает действия Абдуллы и его «людей» (прием с часами после купания; сцена взятия Абдуллы в заложники; уход из Педжента до его блокады). В фильме же он на какое-то время утрачивает это качество и попадает в ситуацию, контролируемую библейским знахарством. Расхождение сюжетной линии фильма и сценария в этом эпизоде — указатель наличия концептуального двоевластия в стране еще в 70-х годах. Поэтому так важно правильное понимание в иносказании “Белого солнца пустыни” символа “подземный ход”.

Не нарушая целостности содержания второго смыслового ряда фильма и внимательно исследуя тысячелетнюю историю России, можно довольно точно определить социальное явление, обозначенное символом “подземный ход”. Это — “великая смута”.

Картина 16. Их нет нигде

Посредством “великой смуты” библейскому знахарству удалось навязать национальной “элите” идеалистический атеизм в форме исторически сложившегося христианства, что и позволило ему развалить мировоззренчески единую Великую Русь Святослава. Потом был период почти двухсотлетних княжеских междоусобиц, завершившихся монголо-татарским игом. Ровно 1000 лет спустя с “великой смуты” начался развал второй державы мира — СССР на ряд сувенирных “государств”. Как и тысячу лет назад, эта смута была навязана народам многонациональной страны вопреки интересам трудящихся алчными национальными “элитами”. И в том, и в другом случаях “великая смута” не могла обойтись без участия национального знахарства.

В связи с этим следует отметить, что в первых картинах фильма Лебедев (по умолчанию) заодно с бандитами; по крайней мере, он не предупредил Сухова об опасности, когда тот привел женщин в Педжент, хотя и знал: люди Абдуллы ждут его там. Появление же людей Абдуллы в Педженте — иносказательное указание на то, что Абдулла также, как и Сухов, обладает качеством предикции (предсказания), замыкая обратные связи в процессе управления не на свершившиеся события, а на тенденцию к их свершению[1]. Возвратившись в Педжент после своего чудесного избавления из бандитского плена, Сухов не встретил теплого приема со стороны Лебедева. Что же заставило национальное знахарство пойти на «культурное сотрудничество» с большевизмом и какова цена «спасительного» совета?

В конце XX столетия жидо-масонские кланы дали местным коллаборасионистам понять: мы в ваших услугах больше не нуждаемся. Напомним еще раз заявление Эдуарда Тополя “Мы впервые за 1000 лет взяли власть в этой стране”[2]. Это означало, что в условиях ущербности официальной идеологии и при всеобщем среднем образовании в Советском Союзе основная масса людей была выведена из-под влияния всех идеологических догм. В результате в народах СССР появилось стремление подняться с

[1] См. Пояснение принятой терминологии. Внутренний Предиктор СССР.

[2] “Аргументы и факты”, № 42, 1999 г.

третьего приоритета обобщенных средств управления — идеологического, на второй — хронологический. Хорошим доказательством этой тенденции и служил тот факт, что самым читаемым писателем во всех слоях общества в годы “застоя” был В.С.Пикуль, автор многочисленных эссе и романов на исторические темы. Опасение потерять монополию на владение обобщенным оружием — средствами управления первого — мировоззренческого приоритета, подтолкнуло национальное знахарство в третий раз за тысячелетнюю историю России ввергнуть народы многонациональной страны в “великую смуту”, что внешне выглядело как оказание помощи большевизму.

Замечание Лебедева по поводу того, что “подземным ходом” 400 лет никто не пользовался, имеет историческую привязку ко временам завершения династии Рюриковичей и смуты начала XVII века. Тогда российская монархия еще опиралась в своей управленческой деятельности на старообрядчество (хотя и не было тогда еще такого слова). То, что позднее стало называться «старообрядчество» в XVI веке было национальной великорусской ветвью исторически реального христианства, в котором русское народное жречество перемалывало первую волну экспансии библейского расового паразитизма[1] в Русскую цивилизацию. Этот процесс был прерван доведением до абсурда реформ, начатых при начале царствования Ивана Грозного, в результате чего к концу его царствования страна впала в затяжной кризис управления, приведший к смуте в начале XVII века. Об этом свидетельствуют даже не столько сами реформы при начале царствования Ивана Грозного, сколько реакция на них “просвещенного” Запада. Спустя непродолжительное по историческим масштабам время, после пресечения династии Рюриковичей, уже в процессе выхода государства из смуты русское жречество — в период подъема национального духа — имело шанс размежеваться с глобальным библейским знахарством на зыбкой почве идеалистического атеизма, но вместо этого оно обрекло себя на жалкую участь национального знахарства. Проявилось это двояким образом: с одной стороны,

---

[1] Вторая волна библейского расового паразитизма — никонианство, после раскола 1653 года; третья — марксизм.

оно допустило возникновение никонианства — как формы обрядоверия правящей “элиты” нового государства; с другой стороны, оно не смогло возглавить староверие, вследствие чего возникло «старообрядчество» — как форма обрядоверия неграмотного, закабалённого простонародья. Истинной вере Богу людей не учила ни та, ни другая ветвь, а вследствие их господства над умами жречество ушло в тень жизни общества, занималось «своими» делами и во многом под влиянием «своих» дел выродилось в знахарство, занятое большей частью бытовым колдовством, «народной медициной» и прочим “костоправством”.

Долгие годы после смерти Сталина представители библейской концепции пытались вытравить из сознания народов СССР память о нем, не понимая, что результаты его деятельности объективно проявляются в непонятной западному обывателю новой нравственности советских людей и соответствующей ей культуре мышления.

Поэтому, когда Абдулла ворвался со своей бандой в крепость, из которой ушел с женщинами Сухов, слышится голос одного из бандитов:

— Их нет нигде.

На уровне второго смыслового ряда эта реплика может означать, что прежних народов, бездумно живущих по библейской концепции, действительно не существует, хотя внешне это не так очевидно. Российское жречество, выродившееся в знахарство и сотрудничавшее с библейскими оккультными кланами, хотело бы вернуть народы России если не в лоно библейской концепции управления (к которой у него особых претензий не было), то по крайней мере не допустить вхождения народов СССР в культуру, альтернативную ведически-знахарской культуре. В контексте такого понимания событий “подземный ход”, подсказанный Сухову Лебедевым, наряду с указанным ранее, имеет и другую не менее важную сторону, которая может быть раскрыта в качестве символа возврата в прошлое, что мы и наблюдаем в реальной действительности: рост влияния иерархии православной церкви, возвращение государственной символики, пришедшей в Россию из Константинополя (двуглавый орел).

Всё это — устойчивые при смене поколений атрибуты библейской концепции управления, которые не выходят за рамки понимания возможного хода развития событий библейским знахарством. Только этими обстоятельствами можно объяснить столь быструю “сообразительность” Абдуллы:

— Здесь должен быть подземный ход!

Концептуальная власть автократична, но не обязательно антинародна. Расширение социальной базы концептуальной власти до границ всего общества — истинная демократия. Ленин никогда не говорил такой глупости: «Каждая кухарка должна управлять государством».

Имелось в виду совсем другое: «Каждая кухарка должна ***учиться*** умению управлять государством».

После революции 1917 года в России была уничтожена кадровая база управленческого корпуса, состоявшая в основном из дворянского сословия, буржуазии и купечества по причине её неспособности повысить качество управления на новом этапе развития производительных сил страны. Подготовка нового управленческого корпуса и расширение его кадровой базы на основе концепции, альтернативной библейской, требовало времени и выражения самой концепции в определенных лексических формах. Ни того, ни другого большевикам отпущено не было: три горячих войны и четвертая — холодная — с троцкизмом затрудняли решение этого важного вопроса. Глобальный Предиктор не мог не знать трудностей своего противника. После этого пояснения становится понятна содержательная сторона краткой реплики Абдуллы:

— Они не могли далеко уйти.

Но и коллаборасионизму, паразитирующему на национальной трагедии, рано или поздно приходит конец и в фильме эпизод с гибелью “хранителя музея” — указание российскому знахарству на то, что “впервые за 1000 лет взявшие власть в этой стране” больше в его услугах не нуждаются.

К Абдулле бандиты подтащили Лебедева с иконой и пустым сосудом в руках.

— Отпустите руку! Пустите, я говорю! — кричал хранитель музея. — Что за насилие?!

— Пусти его, Ахмед! — приказал Абдулла.

— Извольте немедленно прекратить грабёж. — потребовал Лебедев. — Никаких женщин здесь нет и мне о них ничего неизвестно.

Абдулла, не глядя на Лебедева, дважды выстрелил ему в упор прямо через деревянную икону, которую тот прижимал к животу. Лебедев, скрючившись, упал замертво[1].

Этот эпизод фильма иносказательно говорит о том, что жалкий бунт российского знахарства против оккультных библейских кланов под прикрытием атрибутов идеалистического атеизма обречен и бесславно закончится его информационной ликвидацией.

Известно, что Сталин регулярно “пропалывал” национальные “элиты”, бережно охраняя дружбу трудящихся всех национальностей. Это вызывало скрытое сопротивление у диссидентствующей либеральной интеллигенции и сочувствие у национальных толп. Такая политика, вызывающая порицание в “цивилизованном” мире, лишала местное знахарство монополии на знание и делало его (возможно не всегда осознанно) пособником толпо-“элитаризма” и противником сталинизма. Но подобная опека была эффективной только до тех пор, пока национальные толпы рассуждали по авторитету преданий и вождей. Освоение новой культуры мышления, разрушающей монополию на знание знахарских кланов, способствует превращению толпы в народ. Реально это стало возможным лишь в процессе изменения логики социального поведения, когда на смену веры человека в бога, которого нет пришла вера Богу[2], который есть.

Эпизод с молитвой женщин после побега Абдуллы из плена на уровне второго смыслового ряда указует на завершение этапа (еще не до конца осознанного) преодоления народами СССР — России

[1] См. Приложение 1.

[2] «Путь промысла Его не ведом потому, что вера есть в Него, но веры нет Ему» — строки из стихов современного сибирского поэта В.Гусельникова.

материалистического атеизма с обращением их непосредственно к Богу.

Конец картины 16.

Отступление от темы

Для понимания смысла иносказания «советов» Лебедева и их возможных последствий для народов СССР, желательно поглубже вникнуть в смысл процесса культурного сотрудничества представителей библейской концепции и национальных знахарских кланов по крайней мере со времен освобождения Руси от монголо-татарского ига.

Ключом к пониманию истоков этого “сотрудничества” может послужить история рождения формулы: “Москва — третий Рим”, в которой есть информация по оглашению и информация по умолчанию. Через неё приоткрывается и ответ на вопрос о причинах превращения Московского удела в национальное Великорусское государство в XV веке, поскольку становится более понятной идеологическая сторона ускорения этого процесса. Переломным моментом в нём следует считать Куликовскую битву. Подготовка к ней и её результаты помогли русскому народу осознать свое единство и оценить (быть может даже несколько завышено) свои политические успехи. Для тех же, кто после падения Константинополя искал преемника на место главной движущей силы библейской концепции в её экспансии на Восток, стало очевидным, что на севере сформировалась общность, которая стала смотреть на себя, как на Богом избранный народ — некий «новый Израиль», которому в определенных обстоятельствах можно будет “объяснить” его будущую миссию — миссию особой роли среди других славянских народов: занять место отживающей, теснимой турками, подчинившейся папам (на Флорентийском соборе) Византии[1].

Сказания о святынях церковных и о символах политического главенства имели целью доказать, что **политическое первенство в православном мире**, ранее принадлежавшее старому Риму и «Риму новому» (**Roma** nova — Византия), “божьим” смотрением перешло на Русь, в Москву, которая якобы стала «третьим Римом». В то время, когда турки уничтожали все православные мо-

[1] Здесь и далее исторические факты взяты из “Полного курса лекций по русской истории” С.Ф. Платонова.

нархии Востока и пленили все патриархаты, Москва сбрасывала с себя ордынское иго и объединяла Русь в **сильное государство**. Ей принадлежала теперь **забота хранить и поддерживать православие у себя, и на всем Востоке.**

* * *

Роль российского знахарства при вхождении православной государственной идеологии — идеалистического атеизма во власть через “подземный ход”, созданный во времена Владимира Крестителя сегодня далеко не изучена. Зато известно, что именно псковский монах Филофей первым высказал ясно мысль о всемирном значении Москвы и её царства в послании к великому князю Василию:

“Блюди и внемли, благочестивый царю, яко **вся христианская царства снидошася в твое едино**, яко два Рима падоша, а третий (Москва) стоит, а четвертому не быти”.

Эта пышная литературно-политическая фикция **в XVI веке** овладела умами московских патриотов, стала **предметом национального верования** и освещала москвичам высокие, **мировые задачи** их национального **существования**. **Как идеал**, она стала руководить московской политикой и привела московскую власть к решимости сделать Московское княжество «царством» через официальное присвоение московскому князю титула «цезаря» — «царя» (**1547 год**)[1]. Немного позднее (**1589 год,** с подачи Бориса Годунова) и московский митрополит получил высший церковный титул **патриарха**, и таким образом московская **церковь стала на ту же высоту**, как и старейшие восточные церкви. Рядом с московским князем не стало на Руси таких представителей власти,

[1] Когда началось создание Московского государства, Римский папа предлагает устроить брак Ивана III и племянницы последнего константинопольского царя — Зоей-Софьей Палеолог (1472 год). Женившись на греческой царевне, Иван III, считая себя преемником исчезнувших греческих императоров, усвоил византийский герб — двуглавого орла. Двуглавый орел — символ концептуального двоевластия в политике государства. Тогда, к концу XV века, не только в народном сознании, но даже и в среде “московских людей” еще **не было единства** по отношению к Москве, как “третьему Риму” — православного. Но символ нового “единства” уже появился — государство “созрело”.

которые стояли выше московского князя: пала власть византийских царей, пало «иго» Золотой Орды. Московский князь поднимался на какую-то **неведомую** высоту. Нарождалось в Москве что-то новое и небывалое. Наша государственная и общественная жизнь медленно, но бесповоротно вступала на новый путь, который и привел её к реформам Петра I.

Но еще предстояло пройти этап реформ Ивана Грозного. В 1551 году появился и первый вариант будущего петровского табеля о рангах — «Стоглав» — сборник постановлений канонического характера, объединяющий в себе идеи перестройки местного самоуправления с конкретными мерами по организации служилого класса. Идея “опричнины”, как совокупности мер, направленных на ограничение прав родовой аристократии, в неявном виде уже была заложена в «Стоглаве». Грозный реализовал её в конкретных исторических условиях на территории старых удельных княжеств, где находились вотчины служилых бояр. Опричнина обеспечила в них тот порядок, какой обычно применялся Москвой в присоединяемых землях: вывод наиболее видных для Москвы и опасных людей в свои внутренние области, а на их место — надежные кадры из Москвы.

Методы борьбы с врагом внешним были применены и к врагу внутреннему. Иван Грозный решил вывести из удельных наследственных вотчин их владельцев — княжат и поселить их в отдаленных от их прежней оседлости местах, где не было удельных воспоминаний и удобных для оппозиции условий; на место же выселенной знати он сажал служебную мелкоту на мелкопоместных участках, образованных из старых больших вотчин. В течение 20 последних лет царствования Грозного опричнина охватила полгосударства и разорила все удельные гнезда, **разорвав связь** «княжеских родов» с их удельными территориями и сокрушив княжеское землевладение. Так шла прополка местных “элит” с помощью опричнины, которая сама при этом разрослась до огромных размеров и разделила государство на две враждебных половины.

Это была первая попытка разрешить одно из главных противоречий московского государственного строя. Она сокрушила удельное землевладение знати (земля — основное богатство) в том

виде, в каком оно существовало из старины. Начало (не совсем удачное) укрепления государства таким образом совпадает по времени с учреждением московского патриаршества. При Грозном произошел полный **структурный** разгром удельной аристократии, первенство во дворце перешло к простым боярским семьям от **круга людей** высшей породы, разбитого опричниной. Опричнина вызвала социальные противоречия в московской жизни XVI века, к тому же боярская среда (нечто вроде недобитых Сталиным троцкистов) во имя отживших традиций **давно** готовила смуту. Разрешить глубокие социальные противоречия и придти к единству на базе сильного государства и православной веры после смерти Грозного возможно стало только **через смуту** (подземный ход).

Одно из "политических" противоречий середины XVI века, по словам В.О. Ключевского, "состояло в том, что московский государь, которого ход истории привел к демократическому **полновластию**, должен был действовать посредством очень аристократической администрации". Таким образом, государственное единство к этому времени, вследствие реформ Грозного оказалось формально в руках царя, а на деле его невозможно было в полной мере осуществлять из-за сохраняющихся удельнических амбиций бояр-аристократов (современные национальные "элиты"). "Политическая теория" государственного единства уже была готова.

Вторая "попытка", разрешившая основные противоречия московского государственного строя и закрепившая на 400 лет библейское (по сути) государственное единство — смута.

Все три сына Ивана Грозного — Иван, Федор и Дмитрий — волею судьбы один за другим умирают (кроме Федора, который добровольно покинул престол). Своего наследника, Ивана, Грозный убивает сам, положив тем самым начало прекращению династии Рюриковичей. **15 мая 1591** года убит царевич Дмитрий — династия Рюриковичей прерывается. В то же время с 1585 года власть фактически сосредоточилась в руках **Бориса** Годунова. После смерти бездетного Федора Москва присягнула царице Ирине, которая **отказалась** и съехала из дворца в монастырь вместе с Борисом. **Царством правил патриарх и бояре** (временное правительство) **именем царицы.** Так продолжалось до 17 февраля 1598 года, когда собор, состоявший преимущественно из служилых

людей и в большинстве московских избрал царем Бориса. Князья Романовы в то время вовсю соперничали с Борисом за престол.

Таким образом фактически судьба страны очутилась в руках Бориса тотчас же по смерти Грозного. Русь находилась в нравственном и экономическом упадке. Борис явился в определенной степени умиротворителем русского общества — “гуманным и благотворительными царем”, привлекающим на Русь иностранцев, знающих промышленное дело.

В правление Бориса Годунова, летом 1586 года, приехал в Москву антиохийский патриарх Иоахим, которого уведомили о желании Годунова учредить в Москве патриарший престол (начало “подземного хода”). К 1589 году старший патриарх цареградский Иеремия ставит в Москве митрополита Иову на московское и владимирское патриаршество. С этого времени русская церковь стала независимой — внешне как бы “своей”. Власть после небольшого сопротивления Царьграда получила “русскую” внешне независимую веру, предназначенную внести идеологическое единство в московское государство.

* * *

В 1600 году московское боярство организовывает появление самозванца — Лжедмитрий I. В это время все бояре Романовы находятся в ссылке. Лжедмитрия I московское правительство объявляет галицким боярским сыном **Гришкой** Отрепьевым в 1605 году. 20 июня 1605 года Лжедмитрий I въехал в Москву, 24 июня поставлен новый патриарх, грек Игнатий. Тут же **возвращены из ссылки Романовы**. Лжедмитрий I сослужил роль устранения Годуновых (последний — Федор Борисович — убит) на пути к престолу Шуйских и Романовых. 17 мая 1606 года Лжедмитрий I объявлен самозванцем и убит во время переворота, куда было втянуто уже много московской “черни”. Царем избран умыслом бояр (троцкистов того времени), но не народа — Шуйский. Народ, признавая Шуйского царем, не был соединен с ним нравственной симпатией. Началась смута в умах, перешедшая в смуту на деле, которая и смела Шуйского, как и раньше Лжедмитрия I. Но во время Шуйского смута носит уже не дворцовый характер. Олигархи во главе с Шуйским очутились лицом к лицу с народной

массой. Они не раз для своих целей поднимали эту массу; теперь, **как будто приучась к движению**, эта масса заколыхалась, но уже **не в качестве простого орудия, а как стихийная сила, преследуя какие-то свои цели**. В тот момент, когда олигархи думали почивать на лаврах в роли властителей Русской земли, эта Русская земля начала против них подыматься. С этого момента из смуты, организованной национальной "элитой", она принимает характер смуты народной, которая побеждает и Шуйского, и олигархов. Шуйский, борясь против Лжедмитрия II, втянулся в войну с Польшей в 1609 году. 4 февраля 1610 года заключен договор между польским королем и Москвой об избрании царем польского королевича Владислава. 27 августа 1610 года страх перед самозванцем Лжедмитрием II и польской военной силой заставил московские власти, а за ними и население склониться на избрание в цари поляка (**добровольная** сдача Москвы не русской власти). **Поляки не желали, чтобы Владислав принимал православие**: время шло в бесплодных переговорах. Москва не желала иметь царя-католика.

С момента убийства Лжедмитрия II — "Вора" (1610 год) смута приобретает характер национальной борьбы, в которой русские стремятся освободиться от польского гнета, **ими же в значительной степени и допущенного**, **убедившись в преимуществах "истинно русского" православия над иноземным католичеством**. Во главе движения против поляков стал «начальный человек Московского государства» — православный патриарх Гермоген. Страна смотрела на Гермогена как на своего нравственного вождя. В январе 1611 года Прокопий Ляпунов собрал войска и двинулся на Москву. **Бояре и поляки** смотрели на движение в земле как на **беззаконный мятеж**; народ видел в нём святое дело и с нетерпеньем ожидал освободителей. В марте 1611 года одновременно с подходом к Москве земских дружин там началось народное восстание. На помощь москвичам подоспели передовые отряды Д.Пожарского. Поляки подожгли Москву, **она сгорела почти вся**.

Во второй половине 1611 года, со взятием польским королем Сигизмундом Смоленска, а шведами Новгорода, и с усилением самозванщины (Сидорка — "Лжедмитрий III") во Пскове, вся за-

падная часть Московского государства попала в руки его врагов, что естественно сделало невозможным установить повсеместно православное единство. Сама же Москва **оставалась во власти врагов**, а ополчение, собранное для её освобождения, распалось, побежденное не врагами, **а внутренней рознью.** Внешние враги Московского государства, нанеся ему взятием Смоленска и Новгорода сильнейшие удары, затем совершенно бездействовали, отчего и потеряли все плоды победы.

Русские же не считали себя побежденными, а **свое дело** потерянным. В восточной части государства под влиянием известий о повсеместных неудачах и общих страданиях **снова усилилось движение, оживились сношения городов.** Из города в город сообщали известия о событиях, пересылали грамоты, полученные из Москвы или из других мест, из города в город **писали о том, как следует держаться и поступать русским людям** в их тяжелом положении. В этих посланиях заключались целые **политические программы**. Можно только удивляться той энергии, которую проявляют мелкие поместные миры, предоставленные своим силам, той цепкости, с какой они держатся друг за друга, и той самостоятельности, какой отличаются многие из этих миров. Весь север и северо-восток Руси находились тогда **в состоянии какого-то духовного напряжения и просветления, какое является в массах в моменты великих исторических кризисов**. С необыкновенной ясностью и простотой во всех грамотах сказывается **одна мысль**, долго не дававшаяся земщине, а теперь **ставшая достоянием всех и каждого**: ЗА **ВЕРУ**, РОДИНУ и ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК необходимо бороться всем и бороться не только с внешними врагами, но и со всеми теми, кто не осознает этой необходимости.

То, что массы чувствовали и высказывали просто, развивалось лучшими людьми того времени с большей полнотой мысли и большей определенностью чувства. Эти люди глубоко влияли на массу, направляли её **на общее дело**, помогали её соединению. Патриарх Гермоген (хранитель “чувства веры” — представитель “Лебедева” на Руси) раньше и яснее всех осознал, что **иноземный**, и более всего польский, **царь невозможен в Москве.** Он **благословил народ** на восстание против поляков (тогдашнего

символа неправой католической веры). Второй “Подземный ход” в истории Русской цивилизации подходил к своему логическому концу.

Лишенные доверия, силы и власти в стране, бояре всё еще думали руководить ею во имя того, против кого была вся земля (польский царь и его вера), и не чувствовали, что около них **вырастает новая власть**, созданная и поддержанная земскими силами, власть еще сильнее той, которая создалась в первой рати под Москвой. Ополчение Минина и Пожарского в марте 1612 года выступило из Нижнего Новгорода. 22 октября 1612 года был взят Китай-город, а затем и Кремль.

Царя нужно было избрать другого, чтобы его имя **могло быть знаменем** для всех друзей порядка. Это знамя нужно было водрузить скорее, пока земщина была сильнее поляков и казачества (между-поместные организованные формирования), пока элементы беспорядка не возобладали снова и не выдвинули какого-нибудь нового претендента. 11 июля 1613 года Михаил Федорович Романов венчался на царство.

Смута на Руси явилась испытанием, из которого государственное начало, боровшееся в XVI веке с родовыми кланами, выходит победителем. Так Русь, формируясь как цивилизация меры и двигаясь согласно предназначению Свыше «к Богодержавию», утвердилась с началом династии Романовых как библейское государство (вплоть до последней смуты, начавшейся спустя следующие 400 лет) с концептуальным двоевластием: неосознанная власть концепции «к Богодержавию» и власть библейской концепции на государственном уровне. Смута обусловила многое в дальнейшей истории Русской цивилизации.

Видя страдания и гибель всей земли (результат “подготовительной работы” — от начала христианизации Руси до смуты XVI — XVII веков), наблюдая быструю смену старых политических порядков под рукой и своих и чужих распорядителей, привыкая к самостоятельности местных миров и всей земщины, лишенный руководства из центра государства, русский человек усвоил себе новые чувства и понятия: в обществе крепло чувство национального и **религиозного единства**, слагалось более отчетливое представление о **государстве**. В XVI веке оно еще не мыслилось **как**

форма народного общежития, оно казалось вотчиной государевой, а в XVII веке, по представлению московских людей,— это уже «земля», т.е. государство.

Можно сделать предположение, что в результате смуты языческое жречество, сохранявшее свое влияние на князей (в том числе и “Великих”), а через них и принимавшее участие в управлении русским государством оказалось “раздавлено” с одной стороны воцарившейся на уровне государства ведически-знахарской библейской идеологической машиной; с другой стороны — устойчиво воцарившейся в сознании подавляющего большинства русского населения “единственно правильного” православия, сплотившего Русь в качественно новом единстве веры. Таким образом, в ходе смуты XVI — XVII веков жречество, как носитель самобытной концепции развития Руси “умирает”, “растворясь” в народном бессознательном — необходимом, но не достаточном условии полной концептуальной самостоятельности.

Смута второй половины XX века очень похожа на вышеописанную, но только с результатом с точностью до наоборот. Если опустить время Сталина, то с началом “перестройки” ведическое знахарство, желая избавиться от иноземного вмешательства в государственные дела России, по прекращении “династии” брежневых-горбачевых[1] (в переходный период с 1982 по 1989 год возрастал авторитет Бориса Ельцина), не нашло ничего более разумного, как выставить на знамя государства православное единство (по сути ввергнув народы России второй раз в истории в один и тот же “подземный ход”) и старый государственный герб, символизирующий концептуальное двоевластие. Глобальное знахарство, задумав провести народы СССР через буржуазную демократию, христианскую по форме, и зная, что у православия (как и у марксизма) и западного христианства одно начало — библейское, решило, что дело сделано.

---

[1] В СССР, последнем оплоте новой библейской идеологии, “династия” прервалась, как и начиналась, Михаилом, а в Ленинграде, «Северной столице» и впрямь закончилось “династией” Романовых (Романов Г.В. был одним из кандидатов на пост генсека наряду с М.С.Горбачёвым).

Но в реальной жизни получилось, что одновременно с “**добровольным**” признанием православной церкви в России в качестве государственной, из глубин народного бессознательного, взамен уходящему с исторической сцены ведическому знахарству, стало подниматься русское народное жречество, с концепцией общественной безопасности, а не “политической программой”, как это было при смуте XVI — XVII веков. Таким образом, в конце 80-х — начале 90-х годов в России возродилось жречество, ответственное за жизнеречение Русской цивилизации. С этого момента российскому библейскому знахарству пришел конец от его же собственного покровителя и зачинщика смуты. По существу же ведическое знахарство пало жертвой собственного идеалистического атеизма и паразитизма: нельзя победить врага, обороняясь его оружием нападения (Лебедев защищает свой живот перевернутой иконой), да к тому же уже использованным в прошлом. К началу 90-х годов в России появилась своя концептуальная власть — Внутренний Предиктор СССР, как альтернатива библейской концептуальной власти.

Исторические параллели между смутами XVI — XVII вв. и XX — XXI вв. представляют интерес для лучшего понимания хода событий в России в будущем.

В ходе подготовки к “перестройке” Глобальный Предиктор вынужден был “схватить” российское знахарство мертвой хваткой: глобальное знахарство вынуждено было пойти на гласность в России. Национальное знахарство восприняло это как “грабёж”, то есть нарушение его монополии на управленческое знание. Отсюда и первая реакция Лебедева при встрече с Суховым: “Привести сюда гарем!”.

Наиболее болтливый представитель демократической “элиты” — Станкевич, раскрыл “секрет” такой реакции ведического знахарства: “Если бы мы были сильны, нам бы не следовало разыгрывать карту гласности”. Глобальному знахарству было ясно, что без пресловутой “гласности” невозможно создать “агитпункт” рыночных реформ и собрать массовку для реализации своих целей; при этом допускалось, что гласность может опрокинуть “перестройку”, но предположить что этот процесс приведёт к крушению основ библейской концепции управления — этого не могло

ему привидеться даже в кошмарном сне. Первой в “агитпункт” ринулась советская либеральная интеллигенция. Знахарство же поддержало “перестройку” в надежде получить наконец-то свой “жирный кусок” за счет народа.

Но с объявлением гласности в СССР одна из пуль Абдуллы угодила Лебедеву в живот. Знаменательно, что эту пулю он получил через икону, что может означать: внешним прикрытием российского знахарства служат ритуалы исторически сложившегося христианства. Иносказательно убийство Лебедева — начало последнего этапа обнажения и самоликвидации всех открытых и скрытых толпо-“элитарных” иерархий. Проявилось это в том, что жировавшие до “перестройки” знахарские кланы вдруг стали замечать утрату былого влияния над “своими” социальными группами. Это касается всего спектра знахарства: от научной “элиты” до глав религиозных сект. Их знания в определённой мере стали “никчёмными”, поскольку в процессе смены логики социального поведения развивая чувство меры народы обретают и различение.

В настоящее время любой гражданин в пределах границ бывшего СССР при желании может получить любую интересующую его информацию: преград никаких не стало. С этого момента в принципе никому ничто уже объективно не мешает разобраться в тёмных местах истории, а также понять и происходящее. Поэтому личная ответственность каждого сейчас как никогда должна быть чрезвычайно высока. Такой же высокий будет и спрос с каждого за его мысли и поступки на Земле.

Учитывая однонаправленность нравственных процессов на Земле, коллективное бессознательное, сформированное людьми, которые верят непосредственно Богу, набирает информационную ёмкость, а значит и силу. Другие, в коллективном бессознательном поддерживающие библейские догмы, разрушаются и гибнут. Вместе с ними будут гибнуть и люди, поддерживающие их своими мыслями. Так было всегда, но известно это широким слоям общества становится лишь теперь. Культура человечества — плод интеллектуальной деятельности всех живущих сейчас и предыдущих поколений от начала развития человечества, поэтому ни о какой интеллектуальной собственности речи быть не может. Интеллектуальная собственность сейчас чревата катастрофой, по-

скольку объективную информацию о Боге и уже известных методах управления, скрывать дальше опасно.

Картина 17. Эх, взорвать бы! Гранат нет. …Гранаты есть, но не той системы

Сначала на экране появляется кадр с тремя старцами, затем Сухов и выползающие за ним женщины, чихая и кашляя. Вдали — баркас у берега моря, бандиты занимающиеся погрузкой награбленного. Выбравшись первым из подземного хода, Сухов дает команду поднимающимся во весь рост женщинам:

— Ложись! Прижимайся!

Женщины ползком, чтобы не обнаружить себя, пробираются к одному из баков с металлическим трапом. Камера показывает, как по этому трапу последним на бак с пулеметом взбирается Сухов. Раздается его команда:

— За мной!

После этого зритель видит, как из подземного хода выбираются пешие бандиты, преследовавшие Сухова с женщинами. Остальные — конные во главе с Абдуллой с криками несутся со стороны таможни и рассыпаются между баками в поисках беглецов.

И в этот момент в кадре появляется пара верблюдов. Горби! Да, так на Западе ласково назвали чету Горбачевых, но так бы мы ласково назвали и верблюда, навьюченного чужими мыслями о том, как им обустроить Россию.

— Что в этом удивительного? — спросит недоумевающий читатель. — Верблюды — естественный фрагмент пустынных пейзажей Средней Азии и если во время съемок верблюд ***случайно*** попал в кадр, то с точки зрения оператора и режиссера нормально его там оставить, даже если верблюд не предусмотрен содержанием киноповести.

А содержанием киноповести верблюд, как и вся описанная выше сцена, действительно не предусмотрены, что еще раз подтверждает ранее высказанное предположение об эгрегориальном вмешательстве в матрицу развития событий в России при её переходе к новому качеству жизни. В 70-е годы, когда снимался фильм “Белое солнце пустыни”, супружеская пара Горбачевых уже существовала, но Михаил Сергеевич еще не получил в “циви-

лизованном” мире ласковое прозвище “Горби”, которое для народов бывшего Советского Союза стало символом разрушения государственности.

Для понимания второго смыслового ряда появление этого символа на экране — факт чрезвычайной значимости. Благодаря ему есть реальная возможность заглянуть в кухню знахарей, вплетающих во внелексических образах деструктивные элементы в матрицу развития России, что позволяет выявить негативные тенденции самой матрицы и через раскрытие содержательной стороны её символики погасить их. В киноповести ничего этого нет, зато есть диалог Сухова с Абдуллой через стенку бака, и эта сцена незначительно отличается от сцены в фильме. В фильме женщины сами обнаружили свое присутствие в баке — через чихание. А в киноповести…

«Банда с криками подбежала к одному из нефтяных баков и окружила его. Двое залезли наверх, попытались открыть люк. Но круглая крышка, запертая изнутри, не поддавалась.

К баку приблизился Абдулла, постучал об стенку рукояткой револьвера.

— Эй, — сказал он, — выходи. Я знаю, что ты здесь!

Ответа не было.

Двое наверху, стараясь открыть крышку, сломали саблю и дуло карабина. Но безуспешно.

— Эй! — крикнул Абдулла. — Мужчина должен встречать смерть достойно!

Бак молчал.

Абдулла несколько раз выстрелил по нему в упор.

Вслед за ним вся банда начала палить по баку из карабинов и ручных пулеметов. Но пули плющились и отлетали, оставляя на стенках слабые вмятины.

Когда шквал огня прекратился, в баке раздался громкий смех Сухова.

Бандиты оторопело уставились на Абдуллу.

— Оставь хоть один патрон, Абдулла, — посоветовал Сухов, — а то нечем будет застрелиться.

Абдулла заскрипел зубами.

— Ребята, — крикнул Сухов, — он еще в чадре? Или переоделся мужчиной?

— Эх, гранат бы! — сказал Ахмед».

В чем главное отличие сюжета киноповести от того, что показано в фильме? В киноповести четко показано, что при обстреле бака “бак молчал”, и что по баку банда палила “из карабинов и ручных пулеметов”. Ситуация же для Абдуллы и его «людей» внешне выглядела нелепой: вот они рядом, а взять и расправиться невозможно, что соответствует пословице: “Видит око, да зуб не ймет”. Но разве это не напоминает ситуацию, сложившуюся в последнее десятилетие XX века между западной и российской цивилизацией? Кажется убраны все препятствия для информационного воздействия на народы бывшего Советского Союза: газеты, радио, но более всего — телевидение день и ночь обрабатывает их сознание и подсознание на уровне второго и третьего приоритетов обобщенного оружия; более того народы разобщены национальными “элитами”, искусственно созданными границами и валютами, но “они”… молчат. Молчат потому, что у народа по-прежнему нет доступа к средствам массовой информации.

Важное замечание: в этом эпизоде “женщины Востока” показаны с открытыми лицами. Это кажется естественным, поскольку в баке темно, душно; они одни, со своим “новым господином” и по шариату имеют право быть без чадры. До этого без чадры они являлись Сухову только во сне:

“А когда он под утро задремал ненадолго, приснилось ему, что сидит он на зеленой лужайке в окружении своих многочисленных жен общим числом в десять человек — гарем плюс незабвенная Екатерина Матвеевна.

Жены, как полагается, одеты в нарядные платья, на головах у них цветастые платочки, **и все заняты делом**: кто шьет, кто прядет…

В реальном гареме богатого господина женщины не работают; они — для услаждения сексуальной похоти, а всю необходимую для их жизнеобеспечения работу делают другие. В сновидениях же Сухова — “все они заняты делом” и все без чадры с открытыми лицами, как и Екатерина Матвеевна. В этом — проявление двойственной стороны образа “свободных женщины Востока”: в ситуациях, где их лица закрыты чадрой они ведут себя как национальные “элиты”; в видениях-мечтах Сухова и в баке они — на-

роды, временно вышедшие из-под влияния библейской концепции управления.

Бессилие адепта библейской концепции управления выражается одной фразой: “Эх, гранат бы!” Тот факт, что её высказал бандит Ахмед, а не сам Абдулла говорит о том, что первый приоритет обобщенных средств управления-оружия периферии Глобального Предиктора не доступен, а шестой и третий (сабля и дуло карабина) — сломаны.

«К бывшей таможне подскакал Семён, посланный Абдуллой. Он приказал сопровождавшему его бандиту ждать перед домом.

Из окон дома доносились звуки гитары. Верещагин пел: ”Ваше благородие, госпожа разлука…”

— Ты с ним поосторожней, — сказал бандит.

Унтер снисходительно улыбнулся, отдал ему поводья своего коня и решительно поднялся по лестнице, ведущей в дом…

Верещагин был пьян и пел лёжа. Увидев на пороге унтера, он продолжал петь: “Мы с тобой друзья давно, вот какая штука…”

— Всё поёшь? — спросил унтер, иронически улыбаясь.

Верещагин продолжает. Пьяные глаза его смотрели сквозь унтера:

“Письмецо в конверте погоди, не рви…”

— Я от Абдуллы. У нас нет гранат, а у тебя, мы знаем, запас. — Унтер строго посмотрел на Верещагина. Верещагин продолжал петь: “Не везет мне в смерти, повезет в любви…”

— Прекрати эту дурацкую песню, — категорически сказал унтер. — И встать, когда с тобой разговаривает подпоручик! — рявкнул он.

Верещагин замолк, удивлённо посмотрел на унтера и начал медленно подниматься.

…Бандит, ожидавший унтера во дворе, услышал какой-то шум наверху. Он поднял голову и увидел, как унтер, выбив собственным телом раму, вылетел в окно.

Удар оземь был сильным, однако унтер резво поднялся и, не разгибаясь, побежал к своему коню.

— Ты чего? — спросил бандит.

— Да гранаты у него не той системы, — сказал он как можно непринуждённей и, взобравшись на коня, поскакал прочь.»

В этой сцене главное — последняя реплика о “гранатах не той системы”. Мы не знаем определённо — были ли действительно у Верещагина гранаты для “разгерметизации” бака, благодаря которому Сухов стал практически недосягаем для Абдуллы и его банды. Какие-то гранаты вместе с пулемётом и патронами в последних сценах фильма выбросила за борт “пацифистка” Настасья, жена Верещагина. Но зритель должен помнить, что динамит у таможни был и обладал он теми же свойствами, что и динамит, оказавшийся в распоряжении Сухова. Символика «динамита» была раскрыта в ***Картине 5***. Если подходить к словам «динамит», «гранаты», как к словам-символам, за которыми скрыта содержательная сторона нашего мировоззренческого стандарта, в основе которого — триединство материи, информации и меры, то можно вскрыть и смысл неуклюжих оправданий Семёна по части “гранат не той системы”.

Нефтяной бак, в котором “закрылся” от бандитов Сухов с женщинами, — символ своеобразного “железного занавеса”, в котором формируется мир, выстроенной на основе триединства первичных предельных обобщений и отождествлений: материи, информации и меры. Войти в него, и уж тем более взорвать его с помощью “гранат”, имеющихся в запасе у Верещагина, в принципе невозможно. Но понимает ли это либеральная интеллигенция, живущая в России и за рубежом, символами которой являются Верещагин и посланец Абдуллы? Нет, поскольку они — по другую сторону “железного занавеса”, в котором иная мера понимания, иной мировоззренческий стандарт, а следовательно и иной мир, выстроенный на основе иных первичных, предельных обобщений и отождествлений, формирующих мировоззрение “калейдоскопа”, без которого невозможна и древняя стратегия “Разделяй и властвуй!” В этом мире нет подлинных друзей и союзников, а есть только временные попутчики; нет в нём благодетельной любви, но есть клановые интересы. И разборка Верещагина с Семёном — клановая разборка. Но “увидев” всё это, можно понять, что

фраза, озвученная унтером, повысившим себя в звании до подпоручика, после удара его головы о песок, — вынужденная, хотя и точно описывает ситуацию, сложившуюся в информационном противостоянии двух мировоззрений: гранаты у «Таможни» действительно есть, но “не той системы”.

Вся сцена с нефтяным баком без раскрытия иносказаний символики фильма с позиций здравого смысла кажется просто дурацкой или специально придуманной в традициях современных “вестернов”. Ну какой реальный главарь банды, действующей в условиях исторически сложившегося ислама и стремящийся уйти от своих преследователей, станет подвергать смертельной опасности свою жизнь ради уничтожения нескольких женщин? Что касается “фанатика” Сухова (а именно таким он выглядит в глазах практичного Абдуллы, не склонного поддаваться эмоциям), то отношения его с главарем банды вообще кажутся странными.

В ***Картине 3*** было показано, что бандиты не убили сразу же Петруху и Сухова при первом столкновении в Педженте не из приступа гуманизма, а потому что такого приказа не было от Абдуллы. Отношения между Суховым и Абдуллой можно уподобить отношениям между СССР и США времен “застоя”, — что-то вроде вооруженного нейтралитета. При таком подходе через ключи к иносказанию можно выйти на понимание более расширенного смысла осады засевших в баке, ибо его “узники” — символ общности, сформировавшейся на основе иного, отличного от библейского калейдоскопа, мировоззрения. В этом контексте “осада” засевших в баке предстает одним из этапов “холодной войны”, которая перешла из стадии вооруженного нейтралитета на трех первых приоритетах обобщенного информационного оружия, в этап активного наступления Запада на СССР на четвертом приоритете, то есть через кредитно-финансовую систему Международного Валютного Фонда.

Ныне основой мировой энергетики, обуславливающей производство во всех регионах планеты, является нефть и газ, большей частью поставляемые странами экспортерами нефти (ОПЕК); а общемировыми «деньгами» является доллар, эмитируемый США. Это означает, что США для устойчивого развития мировой экономики в течении длительного времени обязаны были поддержи-

вать стандарт энергообеспеченности[1] своего доллара по отношению прежде всего к уровню добычи нефти странами ОПЕК. Однако они неоднократно заявляли, что печатают «доллары быстрее, чем арабы добывают нефть»[2].

Причина такого положения дел в мировой экономики состоит в том, что при функционировании доллара в качестве общемировой платежной единицы, США могут поддерживать более высокий потребительский статус своего простонародья за счет ограбления окружающего мира, нежели при поддержании энергетического стандарта в глобальных масштабах: пока за пределами США что-то производят, США легко и просто тиражируют свои фантики, признаваемые «деньгами» за их пределами, и покупают за «фантики» необходимую им продукцию в объеме большем, нежели это могло бы быть при меновой торговле «продукт — на продукт».

---

[1] Стандарт энергообеспеченности средств платежа определяется из следующего соотношения:

S*+*K *= «Энергетический стандарт» × «Энергопотенциал»*

Это соотношение количественно связывает реальный (а также и возможный) объем производства электроэнергии, представляющий собой энергопотенциал производства, с кажущейся мгновенной совокупной номинальной платежеспособностью, в предположении, что статистика сделок, определяющая номинальную величину оборота средств платежа (товарооборота), медленно меняется от одного года к другому, и эти изменения допустимо «вынести за скобки» как в правой, так и в левой частях равенства, после чего сократить. В качестве величины «Энергопотенциала» в это соотношение могут входить либо годовой объем производства электроэнергии, либо совокупная мощность электростанций. Для макроэкономических систем, не обладающих самодостаточностью по производству электроэнергии, в значение величины «Энергопотенциала» должен входить и объем импорта электроэнергии.

[2] Причем это — государственная политика. Один из представителей казначейства США высказался так: «Мы способны печатать доллары быстрее, чем арабы — качать нефть» (О.Л.Алмазов “Золото и валюта”, М., 1988 г., с. 152). Прошло как минимум 10 лет от того момента, как заморский казначей огласил этот принцип. Пришла пора расплачиваться за нарушение энергетического стандарта обеспеченности не регионального доллара США, а нынешней **общемировой** платежной единицы.

Это позволяет сгладить в самих США межклассовые противоречия и создаёт иллюзию всеобщего благополучия в этой стране (по крайней мере потребительского), что, естественно, не вызывает желания заниматься переустройством собственной социальной системы в направлении обеспечения условий действительно свободного развития каждой личности в преемственности поколений.

Дело обстоит таким образом, что требования к функционированию мировой платежной единицы в качестве общемировой взаимно обусловлены и объективно порождают обратные связи в отношении самого государства-эмиссионера, через которые глобальная экономика его же и накажет; при этом **она накажет и многих других, кто обдуманно или бездумно поддерживал эту жульническую финансовую систему.**

Так как США эмитируют доллар темпами, снижающими энергетический стандарт его обеспеченности в глобальных масштабах, то в системе мировой торговли покупательная способность доллара падает. Поскольку резервы покупательной способности необходимы многим физическим и юридическим лицам, и все они заинтересованы в росте покупательной способности номиналов своих накоплений, то если есть платежная единица, чья покупательная способность растет (либо падает медленнее чем покупательная способность доллара) на протяжении достаточно длительного времени, то эта платежная единица будет замечена. За этим последует перекачка резервной платежеспособности накоплений из долларовых номиналов в номиналы платежных единиц, чья динамика покупательной способности более благоприятна.

В фильме Абдулла пытается “достать” Сухова с женщинами используя нефть, которая, наряду с другими носителями техногенной энергии и является базой прейскуранта[1]. Реально это стало

---

[1] База прейскуранта представляет собой малочисленную группу товаров, каждый из которых обладает следующим свойством: *значительный подъем* цен на него в течение непродолжительного времени вызывает *значительный рост* себестоимости производства подавляющего большинства остальных товаров. Причиной роста себестоимости производства остальных товаров является прямое или косвенное потребление этого продукта в производстве остальных продуктов (если не всех, то их подавляющего большинства).

возможным только во второй половине XX столетия, после того как период меновой торговли в истории человечества завершился и произошло разделение функции денег на инвариант прейскуранта[1] и средства платежа.

Ситуация осады народов бывшего Советского Союза нефтедолларами символически передана следующей сценой.

«Внутри бака было темно.

Шум и крики, доносившиеся снаружи, вдруг стихли. И тогда стали слышны слабые всхлипывания женщин.

Сухов зажег спичку, поднял её над собой.

Он сидел посреди бака. Вокруг сидели женщины.

— Только не реветь, — предупредил Сухов.

Женщины притихли.

Подозрительная тишина снаружи не понравилась Сухову… Спичка потухла. Сухов зажег еще одну, ободряюще улыбнулся женщинам. Тишина угнетала его.

— Абдулла! — крикнул Сухов.

---

[1] Инвариант прейскуранта *изначально характеризовался* тем, что в системе меновой торговли, когда продукты обмениваются друг на друга по двухходовой схеме «$Т_1$⇒Д⇒$Т_2$» среди товаров денежной группы выделяется один товар, который:

- во-первых, — полноправный участник натурального продуктообмена меновой торговли в силу того, что обладает какими-то иными видами полезности помимо того, что он постоянно выполняет функцию товара посредника в двухходовой схеме «$Т_1$⇒Д⇒$Т_2$»;
- во-вторых, в его количестве общепризнанно выражаются цены всех остальных продуктов на рынке во всех операциях продуктообмена меновой торговли (вследствие этого обстоятельства цена единицы учета самого продукта-инварианта, выраженная в количестве инварианта, всегда единица, что и дает название термину «инвариант прейскуранта»; иными словами, инвариант на инвариант всегда обменивается в пропорции 1:1).

В эпоху меновой торговли глубокой древности, как свидетельствуют законы вавилонского царя Хаммурапи, общество, признавая равноправность платежей зерном и золотом, тем самым признавало их в качестве двух инвариантов прейскуранта. Позднее в толпо-“элитарном” обществе правящая «элита», исходя из своих деградационно-паразитических потребностей, отказала зерну в праве быть инвариантом прейскуранта, и цивилизация длительное время жила при золотом инварианте.

Ему никто не ответил.

— Абдулла! — позвал он еще.

— Ну? — послышалось после паузы.

— Там Рахимова не видно? Он должен скоро прибыть.

— Ничего, — ответил Абдулла. — Я еще успею тебя поджарить.

Снаружи раздался скрежет лопат о стенки бака.

— Быстрей!.. Быстрей!.. — подгоняли помощники Абдуллы бандитов, которые по цепочке передавали ведра с нефтью от цистерны к баку, в котором сидел Сухов. Бак уже опоясывала канава. Больше чем наполовину она была заполнена нефтью. Измазанные с головы до ног бандиты опоражнивали в неё ведро за ведром, поливая нефтью стенки бака…»

Что выпало из этой сцены киноповести в фильме? Реплика Сухова о Рахимове (в фильме её нет). Почему она выпала? Потому что на уровне второго смыслового ряда иносказательно она содержит информацию о возможном в будущем столкновении троцкизма с буржуазной демократией.

Абдулла с бандитами живет в иной системе ценностей, основанной на ином мировоззренческом стандарте, в котором как в кривом зеркале зло становится добром, а добро — злом; любовь превращается в ненависть, а благодеяние оборачивается бедой. Скрытая от сознания особой системой символов притягательность фильма в том и состоит, что многие сюжеты, вызывающие спонтанный, бездумный смех у зрителя, при более глубоком размышлении и с учетом ключей к иносказанию, неожиданно обретают противоположный изначальному смысл. Объяснение этому феномену может быть лишь одно: символика, сформированная коллективным бессознательным съемочной группы (включая актеров, постановщиков, режиссеров и работников сцены), в обход сознания через подсознание, (а это возможно лишь в образной форме), уже три десятилетия несет обществу информацию, далеко выходящую за пределы возможностей индивидуального сознания, в том числе и кинорежиссера фильма “Белое солнце пустыни” и тех знахарей, которые пытались скорректировать матрицу развития событий после кризиса государственности Советского Союза. До-

казательством этому может служить тот факт, что содержательный смысл реплик и монологов актеров, в основе своей взятый из киноповести, на фоне сюжетной линии, выстроенной в процессе съемок, разительно меняется на уровне второго смыслового ряда. И в этом нет ничего удивительного: лексические образы, всегда вторичны по отношению к внелексическим. Это внутренние причины. О внешних же в свое время задолго до "перестройки" в "Народной монархии" писал И.Л.Солоневич:

«Русскую "душу" никто не изучал по её конкретным поступкам, делам и деяниям. Её изучали "по образцам русской литературы". Если из этой литературы отбросить такую — совершенную уж вопиющую ерунду — как горьковские "тараканьи странствования", то остаётся всё-таки действительно великая русская литература — литература Пушкина, Достоевского, Тургенева, Чехова и: если уж хотите, то даже и Зощенко. Вопрос только: что именно отображали все они — от Пушкина до Зощенко?[1] <…> Таким образом, в представлении иностранцев о России создалась довольно стройная картина. Она была основана документально — со ссылкой на русские же "авторитеты". Она была выдержана логически: из этих ссылок были сделаны совершенно логические выводы[2]. <…> Строится миф. Миф облекается в бумажные одеяния из цитат. Миф манит. Потом он сталкивается с реальностью — и от мифа остаются только клочки[3] бумаги, *густо пропитанные кровью*.

Настоящая реальность таинственной русской души — её доминанта — заключается в государственном

---

[1] В основном показывали тупиковые пути развития, на которые никому вставать не следует. В фильме образно это показано через путь, на котором стоит цистерна с нефтью на берегу моря. Топить нефтью электростанции — всё равно, что топить их ассигнациями: так считал Д.И.Менделеев.

[2] Суфии многократно предупреждают об опасности использования логики в деле утверждения истины.

[3] От «Таможни» тоже остались клочки, когда он вышел из дома и столкнулся с реальностью. До этого из своего мифического дома он не выходил.

инстинкте[1] русского народа, или, что почти одно и то же, в инстинкте его общежития».

«Таможня» демонстративно и даже вызывающе отказал Абдулле в помощи по «разгерметизации» бака. На уровне первого смыслового ряда фильма реакция Абдуллы на такое своеволие «Таможни» может показаться странной и нелогичной: ведь Лебедева Абдулла, особо не задумываясь, отправил в мир иной и за меньшую грубость.

Ответ можно найти только на уровне второго смыслового ряда: ну не может постсоветская либеральная интеллигенция ничего нового “предложить” по развалу государства; к тому же она еще необходима как «Таможня», не пропускающая новые знания в народ: “Гранаты не той системы!”

Семён, вернувшись к Абдулле, радостно кричит ему с обнаруженной в тупике цистерны: “Полная!”.

Сухов из цистерны: «Эй, Абдулла, ты ещё в чадре, или переоделся мужчиной? Абдулла, у тебя ласковые жёны: мне хорошо с ними».

Абдулла: «Я дарю тебе их. Когда я зажгу нефть тебе будет хорошо, совсем хорошо».

Итак, попытки “поджечь” государственность СССР, а затем России, будут два раза. На третий раз — неудача даже в попытке, не то что в результате.

«Метрах в двухстах от берега качалась на волнах лодка Верещагина. Верещагин сидел на веслах. Настасья торопливо бросала в воду гранаты, пулемётные ленты…

— Житья от них нет, — ворчала она, тяжело переводя дыхание. — Тем гранаты, этим пули, чтоб их чума унесла…

Последним был потоплен пулемёт…»

Так в фильме образно показано разоружение Таможни на уровне первого, второго и третьего приоритетов обобщенных средств управления — оружия. Процесс этот начали так называемые «шестидесятники». Уже тогда их бездумное сотрудничество с

[1] Всё верно, только правильнее было бы сказать о “цивилизационном инстинкте” русского народа.

иерархией церквей имени Христа привело либеральную интеллигенцию к ***методологической нищете***.

«Фактов мне хватает, фактами я сыт по горло, но я ***нищ методологически***. (…) Однако мы (говорит от имени либеральной интеллигенции писатель Моисей Израилевич Меттер) вокруг этого пункта занимаем круговую оборону и отстреливаемся до последнего патрона. Последний патрон — себе»[1].

Обилие частных фактов, принадлежащих к длительным по времени разнородным объективным взаимовложенным процессам, при отсутствии осознанной методологии, ориентированной на распознавание процессов, выражается у множества методологически безграмотных людей в плюрализме недостоверных мнений об одном и том же объективном процессе. Отсюда “плюрализм мнений” методологически безграмотной толпы — закономерное явление. И в этом же признаётся один из тех, кого сегодня с полным на то основанием можно отнести к «Таможне»:

«…руководствуемся одной методологией, факты изучаем и знаем одни и те же, а к выводам приходим разным. Почему?»

И далее сам отвечает: «Это объясняется тем, что при изучении истории наряду с методологией и фактами

---

[1] Точная цитата: «Мне кажется, никогда ещё не было такой массовой потребности осмыслить своё прошлое, какая наблюдается у людей сейчас. Наше прошлое загадочно. Оно загадочно не столько по фактам, которые когда-нибудь ещё и ещё вскроются, а психологически.

Для меня это именно так. Фактов мне хватает. Я сыт ими по горло.

Я нищ методологически.

Факты не могут объяснить для меня самого главного — психологии людей. Забираясь назад, вглубь, каждый из нас останавливается в том пункте, далее которого ему идти уже невозможно; молодым людям проще — они идут налегке, не обременённые соучастием. Я говорю о соучастии не криминальном. Молекулярный уровень анализа позволяет мне рассматривать соучастие даже в мыслях. “Это было при мне, и я был с этим согласен”, — вот что я имею ввиду. Вот пункт, подле которого замедляется шаг, когда мы бредём назад, в собственную жизнь. Подле этого пункта мы занимаем круговую оборону и отстреливаемся до последнего патрона, потому, что последний бережём для себя» (Моисей Израилевич Меттер, литературное эссе “Пятый угол”, журнал “Нева”, № 1, 1989 г.).

еще существует концепция, связывающая основные этапы рассматриваемого исторического времени. Эта концепция у спорящих авторов разная, а потому одни и те же факты выглядят каждый раз в разном освещении, со своим смысловым оттенком»[1].

Другими словами, для авторитета “от философии” не существует единого объективного глобального исторического процесса, а есть лишь множество субъективных концепций, непонятно каким образом «связывающих основные этапы рассматриваемого исторического времени». Материалистический атеизм такого «философа» лишает его различения и потому он не способен понять, какая из «множества» субъективных концепций наиболее адекватно отражает объективные процессы, на управление которыми он претендует. Поэтому-то все концепции управления современных “философских авторитетов” как правило высосаны из пальца, а не являются отражением мировоззрения народа, среди которого они живут. В этом и проявляется их методологическая нищета.

Если же методологическая культура в творческом процессе присутствует, то частные факты пропускаются через призму метода, в результате чего появляется субъективная концепция объективного процесса. И первый критерий адекватности субъективной концепции объективному процессу — сходимость с реальностью прогнозов развития объективного процесса в будущем и вскрытие ранее неизвестных фактов в их причинно-следственной связи в прошлом.

Новые, ранее неизвестные факты и общественная практика с течением времени либо подтверждают правильность субъективной концеп-

[1]А.Бутенко, — доктор философских наук, бывший до перестройки заведующим отделом общих проблем мирового социализма Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, а ныне — один из главных радетелей капитализма, журнал “Наука и жизнь” № 4, 1988 г., статья “Как подойти к научному пониманию истории советского общества”.

ции объективного процесса, либо вынуждают авторов концепции совершенствовать её, а то и пересматривать. Поскольку один и тот же объективный процесс проявляется в многообразии частных фактов, то разным людям могут быть доступны разнородные совокупности фактов. Но, если они пытаются понять не отдельные факты, а один и тот же объективный процесс и обладают достаточно высокой методологической культурой, то с течением времени они неизбежно приходят к единой концепции одного и того же объективного процесса в силу общности свойств отображения.

Картина 18. Старый стал, ленивый

«От моря к баку подошел Верещагин.

— Давненько тебя не видел, Абдулла, — сказал он, с удивлением наблюдая за суетой бандитов.

— Давно, — согласился Абдулла.

— Всё кочуешь? Стреляешь?

— Старый стал, — улыбнулся Абдулла. — Ленивый. А помнишь, какой я был?»

За долгие тысячелетия правления библейской концепции её адепты, да и сам Глобальный Предиктор действительно обленились. Вопросы же, иносказательно поставленные перед Абдуллой Верещагиным, содержательно точные: “Всё кочуешь? Стреляешь?”

Библейская цивилизация — цивилизация кочевников. И это не красивый афоризм, а предел мечтаний её передовых представителей. Чтобы не быть голословными сошлемся на образ “светлого будущего” из книги «Линии горизонта» Жака Аттали, в прошлом советника нескольких президентов Франции и президента Международного банка реконструкции и развития (1992 г.), по происхождению, как нарочно для затронутой темы, — еврея:

«Человек, как и **предметы**, будет находиться в постоянном передвижении без адреса или стабильной семьи. Человеку “останется” либо конформировать с этим обществом кочевников, либо быть из него исключением.» «… однажды, став “протезом самого себя”, человек будет самовоспроизводиться подобно товару. **Жизнь станет** предметом искусственной фабрикации, **носительницей стоимости и объектом рентабельности**». Аттали даже спрашивает себя: «… можно ли в данном случае еще говорить о жизни, если **человек производится и мыслится как товар**?» «… кочевничество станет высшей формой Торгового Строя».

Это можно отнести к первой части вопроса Верещагина.

— Стреляешь? — спрашивает он далее Абдуллу. Иносказательно это может относиться либо ко второму, либо третьему обобщенному средству управления, — идеологическому. Но по-

скольку у Абдуллы на вооружении только пистолет (кинжал — символ информационной войны у него отобрал Сухов), то вопрос касается прежде всего идеологии. Существует мнение, будто бы западноевропейская жизнь по сравнению с жизнью в СССР была деидеологизирована. Если Запад и живет без явного оглашения идеологии, то это так видится только на поверхностный взгляд: Запад — библейская цивилизации. А Библия содержит в себе, кроме всего прочего, и идеологию общественной жизни, однако не называя её прямо идеологией. При этом Запад — до появления саентологии[1] и возникновения относительно массового интереса к восточной мистике — был идеологически однородным обществом, в котором ни *что, чуждое Библии,* не проявлялось так, чтобы оказать влияние на дальнейшую судьбу общества в этой цивилизации. Запад привык жить без альтернативы Библии, не понимая её существа и бессознательно принимая библейские нормы в качестве автоматизмов поведения зомби-биоавтоматов и “само собой” разумеющихся истин, одинаково пригодных для всех жизненных обстоятельств, для всех народов, для всех регионов планеты, для всех исторических эпох, вопреки тому, что это — не так.

Россия же, хотя бы вследствие того, что разные её народы исповедуют вероучения, провозглашающие не всегда совместимые между собой цели и способы их осуществления, в совокупности представляющие собой их жизненные идеалы; вследствие того, что в её истории были 70 лет строительства коммунизма, по своим идеалам отличного от повседневных норм общественной жизни Запада на основе Библии, не имеет возможности построить «правовое государство» без оглашения идеологии, что и подтверждается опытом реформ после 1991 г.

Но после 70 лет коммунистического строительства (пусть и не завершенного потому, что оно протекало со многими ошибками и под воздействием целенаправленного вредительства) в России невозможно установить в качестве государственной идеологии (“национальной идеи”) какую бы то ни было модификацию толпо-“элитаризма”, под которую — выслуживаясь

[1] Подробно о дианетике и саентологии в работе Внутреннего Предиктора СССР «Приди на помощь моему неверью», 1999 г.

перед олигархами и их оккультными хозяевами, — Думы всех созывов кропают законы.

Оглашение концепции в форме идеологии способно повысить эффективность системы, именуемой «правовое государство», придав ей качество осмысленности жизни, но ограниченно: до тех пор, пока система не столкнется с плодами ошибок, допущенных в построении идеологии. Когда это произойдет, необходимо, чтобы *мировоззрение, которое выражает себя в концепции управления делами всего общества в преемственности поколений,* также было оглашено явно, чтобы сама идеология стала объектом осмысленного творческого воздействия со стороны широких слоев общества.

Это — тот рубеж, к которому общество в СССР подошло к 1953 г., и от которого оно откатилось к 1985 г. далеко назад потому, что его правящая "элита" была *и есть нравственно порочна* и не готова к тому, чтобы извлечь именно этот *нравственно неприемлемый для неё смысл* из последней работы И.В.Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР", ставшей его завещанием. На тех же нравственных принципах формирования "элит", в том числе и политической "элиты", которые образно представлены в фильме куражом Верещагина, этот рубеж оглашения мировоззрения общественного в целом уровня значимости преодолеть невозможно. **Но и жить, не преодолев его, общество тоже уже не сможет.**

И потому не случайно на протяжении почти тридцати лет после публикации "Экономических проблем социализма в СССР", до самого начала перестройки "элиты" предпочитали соучаствовать в Библейском проекте на положении прикормленных невольников-исполнителей. Это хорошо видно из опубликованного газетой "Секретные материалы", № 8, июль 1999 г. выступления на общем собрании АН СССР в 1980 году Героя Социалистического Труда академика Л.С.Понтрягина[1]. Приведем из этого выступления некоторые фрагменты:

[1] ПОНТРЯГИН Лев Семенович (1908 — 88), российский математик, академик АН СССР (1958), Герой Социалистического Труда (1969). В 13

«Сионистско-масонские всходы диссидентства теперь уже можно наблюдать среди различных групп населения, но в первую очередь в таких идеологических институтах АН СССР, как Институт США и Канады[1], Институт мировой экономики и международных отношений, Институт востоковедения[2], Институт социологических исследований и др. В коридорах указанных институтов как бы получают вторую жизнь почерпнутые из сионистско-масонских враждебных нам радиоголосов такие формулировки, касающиеся Афганистана и А.Сахарова[3], как: “Им (то есть нам) это даром не пройдет — Афганистан станет для них (то есть для нас) вторым Вьетнамом”, “За Сахарова они (то есть мы) дорого заплатят, он скоро станет президентом империалистической России” и т.п.

Наряду с ответственностью директоров институтов, которых нельзя в будущем рекомендовать для избрания на XXVI съезде партии в состав ЦК КПСС, еще большую ответственность за подобного рода фривольность несет наш президент А.П.Александров[4], который дал возможность руководству этих институтов пустить научные исследования в ложные русла. Также

лет потерял зрение. Труды по топологии, теории непрерывных групп, дифференциальным уравнениям, фундаментальные труды по математической теории оптимальных процессов, в которой создал научную школу. Ленинская премия (1962), Государственная премия СССР (1941, 1975).

Как видно из перечня его научных интересов, он работал и в области применения методов математики к задачам управления вообще. Что, возможно, и объясняет столь широкий и не типичный для его эпохи взгляд на мир, который он выразил в своем выступлении на общем собрании АН СССР.

[1] Его директором долгие годы был академик Г.А. Арбатов.

[2] В разные годы два последних института возглавлял академик Е.М. Примаков.

[3] Один из множества абстрактных гуманистов, а абстрактный гуманизм — дело, чреватое большими бедами, и потому не достойное доброй памяти и уважения.

[4] Анатолий Петрович Александров — академик-алкоголик, физик-ядерщик, один из авторов Чернобыльского “чуда”, в то время возглавлял АН СССР.

когда президентом АН СССР являлся уважаемый[1] Анатолий Петрович, он дал зеленую улицу для избрания на место истинного ученого Трапезникова С.П. — Е.М.Примакова (он же Киршблат), проходимца от журналистики без какого бы то ни было научного багажа. Удивительно ли, что академик Примаков сразу же по приходу в директора Института востоковедения свернул исследования по сионизму?

Более того, руководство указанных трех-четырех институтов не ограничивается в этом плане преследованием собственных сотрудников[2], а при благосклонном попустительстве академика А.П.Александрова пытается дискредитировать надолго тех, кто в других учреждениях, даже вне рамок АН СССР, пытается исследовать сионизм и масонство, а особенно их связь и взаимодействие[3]. А ведь известно, что подавляющее большинство американских президентов, конгрессменов, сенаторов, бизнесменов и прочих представителей элиты американского общества тратят значительную часть своего драгоценного времени на собрания в масонских ложах, вкладывают деньги в строительство огромных масонских храмов и т.д. и т.п. И вся эта важнейшая сторона их жизни не только не является у нас предметом для самого пристального внимания, но всякий, начинающий заниматься этим, немедленно подвергается самым неистовым нападкам со стороны руководства и послушных сотрудников вышеупомянутых институтов.

И вот результат: в наших научных идеологических институтах не могут дать вразумительного ответа и более того — сами “удивляются” тому единодушию, с

---

[1] Слово явно должно было быть в кавычках.

[2] В частности травле, от которой его не защитил даже Ю.В.Андропов, подвергся один из лучших историков советской эпохи Н.Н.Яковлев, известный как автор книг “ЦРУ против СССР”, “1 августа 1914”, который занимался исследованиями масонства и был сотрудником Института США и Канады, который возглавлял Г.А.Арбатов.

[3] По существу академик Л.С.Понтрягин поставил вопрос о необходимости исследования Библейского проекта с целью обеспечить независимость СССР от этой мерзости.

которым представители 104 стран мира (плюс 18 воздержавшихся при 18 социалистических странах — против) потребовали на Генеральной ассамблее ООН в январе 1980 г. отдать Афганистан на растерзание силам реакции и империализма.

Сейчас 80 % всего капитала несоциалистического мира прямо или косвенно контролируются сионистским капиталом, наличие которого такие сотрудники из указанных институтов АН СССР, как Дидиани, Мирский, Брагинский, Рогов и др. с упорством, достойным лучшего применения, пытаются всячески опровергнуть. Но факты вещь упрямая! США портили и портят отношения с нами не в угоду национальному капиталу (там его осталось всего 5 %), а в угоду “несуществующему” международному сионистскому капиталу, под прямым или косвенным контролем которого находится 95 % экономики США. Поэтому в наши дни борьба с сионизмом, с его международным сионистским капиталом, подпираемым его пятой колонной — масонством, есть борьба с капиталистической системой вообще».

Это прозвучало по существу на заседании штаба пятой колонны жидомасонства в СССР. Выступление Л.С.Понтрягина, объективно истинное по своему существу, в котором можно только уточнить терминологию и связи приведенных им фактов с тем, что осталось в умолчаниях, не было опубликовано в средствах массовой информации СССР и не обсуждалось ни на пленумах ЦК правящей партии, ни на её съездах, ни на сессиях Верховных Советов СССР и Союзных республик. Это говорит о том, что структуры осуществления власти в СССР были внутренне полностью подконтрольны тем силам, о которых говорил Л.С.Понтрягин, и которые работали на порабощение СССР соответственно Библейскому проекту. Такое положение дел в стране складывалось потому, что всё новое, не вписывающееся в догматы библейской концепции управления, а главное — нравственно не приемлемое для её приверженцев, не имело, по их мнению, права на существование.

Откровения Абдуллы заканчиваются вопросом: “А помнишь, какой я был?” Ответ Верещагина (“Были времена!”) звучит так, что зритель и читатель должны понять: что-то объединяло их

(библейскую концепцию управления и либеральную России интеллигенцию) в прошлом. Чтобы понять, что же их объединяло, следует вспомнить, что мирной беседе между Абдуллой и Верещагиным предшествовала конфликтная ситуация, возникшая по поводу “гранат не той системы”. Если бы это был конфликт реальный, а не иносказательный, то отказ в помощи банде в критической ситуации вряд ли бы сошел с рук «Таможне». Но по сути не было конфликта, что иносказательно может означать: на мировоззренческом уровне либеральная интеллигенция никогда не выходила за рамки библейской концепции управления. Возможно поэтому она так любит поговорить о социальных проблемах вообще, тщательно обходя вниманием их мировоззренческие истоки даже тогда, когда уже “пахнет жареным”.

«— А что это, люди твои, никак запалить что хотят?

— Да вот забрался один приятель — не выходит.

Тут только Верещагин понял, что задумал Абдулла.

— Федор, — позвал он Сухова. — Федор, Петруха с тобой?

— Убили Петруху, Павел Артемьевич. Зарезал Абдулла, — ответил из бака голос Сухова.

Верещагин обернулся к Абдулле. Глаза его недобро сверкнули… Но тут его позвала с берега жена.

Верещагин помешкал некоторое время и всё же пошел к берегу».

Глаза “таможни” недобро сверкнули после известия об убийстве Петрухи, но … уже звала Настасья. Это постоянное метанье между идеалистическим и материалистическим атеизмом и было следствием методологической нищеты либеральной интеллигенции России. Здесь необходимо напомнить, что Петруха был дан в помощники Сухову Рахимовым. И хотя в фильме Верещагин нигде с Рахимовым напрямую не сталкивается, в реальной жизни в СССР либеральная интеллигенция начала перестройку с реабилитации троцкистов, представляя их в глазах общественного мнения как невинно пострадавших истинных марксистов-ленинцев, что не могло не вызвать одобрения на Западе.

Картина 19. Что ещё надо человеку, чтобы встретить старость

«— Иди, иди, — одобрительно сказал ему вслед Абдулла. — Хороший дом, хорошая жена — что еще надо человеку, чтобы встретить старость?»

Эта фраза Абдуллы во времена «застоя» была по-своему кодовой, поскольку она определяла готовность либеральной интеллигенции к бездумному участию в развале страны. Либеральная интеллигенция сожалела о крушении КПСС, но лишь настолько, насколько это крушение разрушало привычный комфорт её существования. Что касается западных спонсоров «Таможни», то за своевременные соболезнования по поводу “преждевременной и вынужденной кончины русского марксизма” они действительно обещали ей “хороший дом и хорошую жену”, с которыми можно без забот встретить свою “старость”. Поэтому во времена перестройки символом “хорошего дома” для либеральной интеллигенции стал дом общеевропейский; а символом “хорошей жены” — исторически сложившееся христианство, которое, как и марксизм, никогда не выходило в своем мировоззрении за рамки библейской концепции управления. Таков финал метаний российской «Таможни» между материалистическим и идеалистическим атеизмом. Но это не “старость” либеральной интеллигенции, это — предвестие её информационной гибели, ибо еще никому в этом мире не удавалось вернуться в прошлое; не по силам это и «Таможне». Можно считать, что с этого момента российская “элита” начала отрабатывать алгоритм самоуничтожения, поскольку восприняла одобрение своих спонсоров в качестве прямого руководства к действию.

«Верещагин пришел домой.

Он сидел на скамейке во дворе, а Настасья хлопотала по хозяйству.

— Засиделись мы… Первым же баркасом в Астрахань пойдем. Могилку сына поправить пора. Позаросла поди совсем, ну кто за ней смотрит? А в церкви, почи-

тай, второй год как не были. Грех ведь. А рубаху наденешь с вышивкой».

Необходимо помнить, что мы имеем дело с иносказанием, используя ключи-символы к которому можно выйти на понимание второго смыслового ряда фильма. Либеральная интеллигенция бывшего Советского Союза уже давно полагала, что Россия — часть библейской цивилизации, а иерархи всех христианских церквей поддерживали её в этом заблуждении. Этот фрагмент фильма прямо указует на идеалистический атеизм исторически сложившегося христианства, для которого внешняя ритуальная сторона вероучения (пышность церковного обряда; рубахи, шитые серебром и золотом) заменяют веру Богу непосредственно. Есть здесь и команда на запуск алгоритма самоликвидации “элиты”: “Засиделись мы… Первым же баркасом в Астрахань пойдем.” «Первый баркас», груженый награбленным добром, — символ западной цивилизации — уже на воде; символическую команду таможня-зомби получил и приступил к её исполнению.

«Настасья вошла в дом. Верещагин, очнувшись от одолевавших его раздумий, встал, посмотрел ей вслед.

— Я как тебя в этой рубахе увижу, так сразу всё в памяти встает. И как в Царицине, в лазарете, свиделись, и как с германской ты вернулся… — доносился из комнаты её голос.

Верещагин неслышно поднялся по лестнице, повернул ключ в замке и спрятал его под половик».

После того как “ключ повернут”, иерархия всех исторически сложившихся христианских церквей — уже “вдова”; но в данном эпизоде важно то, что она сама своему “вдовству” всячески способствовала.

«А нефть подливали и подливали…

Абдулла наслаждался. Но тут сквозь треск огня до него донесся хриплый голос. Это кричал Верещагин с баркаса.

— Слышишь, Абдулла! — кричал таможенник. — Не много ли товару взял? И всё, поди, без пошлины?

Оторвавшись от огня, Абдулла увидел на баркасе, среди тюков с награбленным добром, могучую, облепленную мокрой рубахой, фигуру Верещагина.

— Так нет же никого в таможне. Кому платить — неизвестно. Хочешь, мы заплатим золотом? — спросил Абдулла.

— Ты ведь меня знаешь, Абдулла, я мзду не беру. Мне за державу обидно! — прокричал в ответ Верещагин».

Знал ли Запад, затевая развал СССР, с кем ему придётся иметь дело? Знал, и знал хорошо, что в ответ на открытое ограбление великой державы ничего кроме пустых риторических фраз типа: “Мзды не берем! За державу обидно!” от продавшейся управленческой “элиты” в ответ не услышит. Неудивительно, что сегодня один из вопросов, который постоянно жует либерально-демократическая и псевдопатриотическая пресса — сколько миллиардов долларов (цифр на зелёной бумаге, которые ничем, кроме доверия толпы экономическому могуществу США не обеспечены) “нелегально” вывезено за пределы страны и сколько Запад даст нам этих цифр-“инвестиций”. По сути своей это пустые разговоры, потому как давно “никого в таможне нет”. А те, которые есть — “мзду берут”, повторяя при этом, что им “за державу обидно”. И уходят сотни эшелонов со всеми видами “товара” (лес, руда, каменный уголь, цветные металлы, ценные полуфабрикаты) ежедневно за бесценок за рубеж; утекают по нефте- и газопроводам миллионы тонн нефти и газа.

«Абдулла соскочил с коня.

— Аристарх, — обратился он к бандиту в красной рубахе-косоворотке, — договорись с таможней.

Аристарх выстрелил. Пуля разбила стекло рубки прямо над головой Верещагина. Осколок стекла порезал ему лоб.

Верещагин вытер кровь с лица и усмехнулся.

Несколько бандитов бросились к баркасу».

В этой сцене важно понять, какова была цель захвата баркаса Верещагиным на уровне обыденного понимания сюжета? Мог ли он, практически безоружный, реально помочь Сухову? Ведь пулемет, патроны, гранаты он только что позволил Настасье, разоружившей его, выбросить за борт. Даже если бы двигатель баркаса не был заминирован, максимум что он мог сделать — это сняться с якоря, завести мотор и выйти в море. Но что бы это изменило в

положении Сухова? Потеряв надежду уйти морем, скорее всего бандиты бы еще более ожесточились. Если бы ему удалось, как он намеревался, действительно подойти к берегу, то какая-то часть осаждающих, как это и показано в фильме, вынуждена была “договариваться с таможней”. Но всё дело в том, что в рассматриваемом эпизоде наряду с информацией по оглашению существует и информация по умолчанию, которая тем не менее объективно присутствует и вызывает определенные ассоциации на уровне подсознания зрителя (или читателя) лексически не определённые. Эта информация может “всплыть” на уровне сознания, если возникнет вопрос: каким образом огромный баркас, груженый награбленным добром, после спуска бандитами на воду оказался на якорной стоянке вдали от берега? Вряд ли это было можно сделать без запуска двигателя. А поскольку машина была заминирована Суховым, то вся операция с захватом “таможней” баркаса выглядит после такого вопроса бессмысленной. Но ранее говорилось, что отсутствие логики на уровне сознания — побудительный мотив к ассоциативному мышлению, то есть к восприятию подводной части “информационного айсберга”. А что можно увидеть там?

Баркас — образ библейской цивилизации. Либеральная интеллигенция — основа старого управленческого корпуса — стремится к рычагам управления в перестроечной России, наивно полагая, что “эта страна” — часть Запада. Но гибель “элиты” предопределена, ибо в старую систему управления всей библейской цивилизации (машину баркаса) заложены новые принципы формирования кадровой базы, ставшие воплощением общественной инициативы. В основе этих принципов — мировоззренческий “динамит”, который прозападные адепты библейской концепции и определили как “гранаты не той системы”.

Содержательным отличием сюжетов фильма и киноповести является тот факт, что в кино людям Абдуллы не удается поджечь нефть. Более того, нефть в цистерне, стоящей на рельсах, поджигает Саид.

А в киноповести…

“Вокруг бака бушевало пламя.

Картина 19. Что еще надо человеку…

Сухов и женщины задыхались от жары. Они сгрудились, тяжело дыша в центре бака, подальше от горячих стен.

— Абдулла! — из последних сил закричал Сухов. — У тебя ласковые жены!.. Мне с ними хорошо!

— Я дарю тебе их!.. — так же весело ответил Абдулла. — Сейчас я подбавлю им огня, и тебе будет совсем хорошо!

Женщины теряли сознание. (…)

К Абдулле подъехал унтер, измазанный с ног до головы нефтью.

— Надо отчаливать, ага, Рахимов скоро будет, — сказал он Абдулле, склонившись к нему с седла, — они и так подохнут.

— Нет, — покачал головой Абдулла. — Я должен увидеть их мертвыми».

Удивительное дело, но из диалогов киноповести, за исключением первой и конечной сцен, в фильм не вошло ни слова, где хоть как-то упоминается Рахимов. Возможно так проявляется неосознаваемый запрет тандема Мотыль-Кончаловский на обсуждение темы троцкизма. А ведь эта тема остается болезненной для России и в конце XX века, поскольку все, пришедшие к власти на волне “перестройки”, — прямые или побочные потомки недобитых троцкистов и кулаков, которых объединила ненависть к большевизму. Сегодня простые труженики бывшей Страны Советов просто задыхаются от долговой удавки инвестиций, подливаемых в костер разгорающегося экономического кризиса, организованного при непосредственном участии гайдаров, чубайсов, лившицев, вольских и прочих березовских-гусинских. И этот еврейский балаган сопровождается постоянными заявлениями, что вот “сейчас мы им добавим огня и скоро всем будет совсем хорошо!” Конечно, ни о каком возрождении экономики, а, следовательно, и нормализации жизни в Русской цивилизации при таком правлении не может быть и речи, потому что заправилы Запада, вне зависимости от их официальных заявлений, хотели бы увидеть народы бывшего СССР мертвыми. И не стоит тешить себя иллюзиями: война на уничтожение России, начатая в июне 1941 года, продолжается и гитлеровский план “Ост” — действует, но

лишь с коррективами в части применения новых видов обобщенных средств управления-оружия. На этот раз, прежде чем уничтожить народы СССР, страну разорвали на части финансово-экономическими методами (обобщенное оружие четвертого приоритета). Вести войну с международным валютным фондом (а это — всего лишь один из бандитов Абдуллы), затягивающим всё туже долговую ростовщическую удавку на шее простых тружеников, обычным оружием, то есть оружием уровня шестого приоритета — не эффективно. Старая номенклатура в союзе с “новыми русскими” в бездумном стремлении “подойти поближе”, то есть получить всё сразу и “прямо сейчас” — обречена, потому что не умеет жить “как всегда”. Это означает, что она не способна думать не только о будущем страны, но даже о своем собственном будущем, будущем своих детей и внуков. Поэтому сегодня в сложившихся условиях выход один: общественная инициатива должна наращивать кадровую базу управленческого корпуса на новых принципах, вырастающих из культуры Богодержавия — единственной реальной альтернативы библейской и ведически-знахарской культуре. Пока единственным реальным союзником культуры Богодержавия является кораническая культура, которой в сложных условиях противостояния библейской культуре ещё предстоит преодолеть догматику исторически сложившегося ислама. Об этом иносказательно в следующем эпизоде, почему-то вошедшим в фильм в откорректированном виде.

«Он (Абдулла) хотел добавить еще что-то, но умолк, потому что откуда-то сверху раздался голос Саида:

— Абдулла, потуши огонь! Это говорю я, Саид!.. Я жду!

Абдулла вздрогнул, повернулся.

Бандиты замерли.

На крыше ближайшего к бакам дома стоял Саид с пулеметом».

Саид — символ коранического ислама, пока ещё закрытого от верующих Богу непосредственно, то есть без посредников, догматикой исторически сложившегося ислама, разделившегося в себе самом, как и исторически сложившееся христианство, на два соперничающих меж собой течения. В тандемной деятельности Саида и Сухова видны контуры будущего Богодержавия. Это но-

вое социальное явление в России, воплотившееся после смерти Сталина в общественную инициативу под названием Внутренний Предиктор СССР. И рассматриваемый эпизод — хороший пример попытки корректировки матрицы развития Русской цивилизации. Так, если в киноповести коранический ислам поднимается в борьбе с библейской концепцией на уровень второго приоритета обобщенных средств управления-оружия (Саид пользуется в борьбе с Абдуллой пулемётом), то в фильме его эффективность снижается до четвертого приоритета — финансово-экономического. Поэтому Саид в фильме уничтожает поджигателя нефти (или поджигателя “финансовой войны”) арканом-удавкой. Такое в принципе возможно, если все страны арабского региона будут твердо стоять на принципах коранического ислама в отношении кредитования под процент. Однако, нельзя исключать, что представители библейской концепции управления не будут делать попыток “договориться” по столь болезненному для них вопросу.

“— Разве мы с тобой враги, Саид? — спросил Абдулла и, сделав глазами знак унтеру, упал на песок.

Унтер вскинул винтовку, но Саид, опередив, срезал его короткой очередью.

Абдулла перекатился за бак.

Часть бандитов, открыв стрельбу, бросилась к дому.

Саид залег на крыше и длинной очередью расстрелял несколько человек.

Бандиты, разделившись на две группы, пошли в обход.

Пламя вокруг бака опало.

— Нефть!.. Лейте нефть! — закричал Абдулла.

Бандиты снова бросились к цистерне с нефтью, но Саид прицельным огнем не давал им забраться на неё».

США действительно “льют нефть”, поскольку потребляют почти половину всех энергоресурсов планеты. Для стран ОПЕК одна из самых сложных проблем — проблема согласованных действий по квотам на добычу этого основного “двигателя прогресса” технократической библейской цивилизации, диктующей всем остальным странам свои “правила игры”. Чтобы противостоять дав-

лению Запада по данной проблеме, необходимо её видение в рамках глобального исторического процесса. Поскольку пулемет — символ информации второго приоритета обобщенных средств управления-оружия, то появление этого вида оружия у Саида — особенно символично. С этого момента он наравне с Суховым обретает качество Предиктора и своими действиями начинает упреждать намерения противника, что позволяет содержательно новому мировоззренческому тандему (Сухов — Саид) перейти от этапа пассивной обороны к активным действиям против библейской концепции управления.

Картина 20. Вхождение в управление

«Обессиленный, полузадохшийся Сухов с трудом добрался по внутренней лесенке бака до люка и долго выдергивал из скобы лом, которым была закрыта крышка изнутри. Когда ему наконец удалось это сделать, он поднялся еще на одну ступеньку и, упершись головой в крышку, откинул её. Вывалившись на половину из люка, он несколько раз жадно глотнул воздух, пришел в себя, посмотрел вокруг, ***оценил обстановку***…»

И хотя внешне эта сцена напоминает вскрытие башенного люка танка, подсознательно она ассоциируется с отдраиванием аварийного люка подводной лодки. После трагедии атомного подводного крейсера “Курск” все мы вдруг осознали, что находимся “на одной подводной лодке”. Кому-то может показаться, что это — красивая метафора, но трагедия в Баренцевом море затронула всех жителей планеты, и никто пока ещё не может точно сказать, как такое могло случиться, хотя версий трагедии — множество. Впечатление такое, будто кто-то за этим обилием предположений стремится скрыть правду-истину, которая лежит на поверхности.

Любой факт глобального исторического процесса, движущей силой которого являются как интересы общества в целом, так и интересы его отдельных групп и кланов, нельзя воспринимать вне мировоззрения тех, кто их представляет. О любых фактах истории человечество узнаёт из средств массовой информации, а в них работают люди, а не “факты”. И эти люди через систему подачи фактов (в большинстве своём сами того не осознавая) выражают своё мировоззрение и мировоззрение тех социальных групп, которые они представляют. В этом смысле “факты — совсем не упрямая вещь”, как нас хотят убедить средства массовой информации, а сами эти средства — в принципе не могут быть независимыми. И человеку свойственно стремление понять не столько сам факт, сколько причины и всю сумму обстоятельств, которые привели к тому, что состоялся именно этот факт, а не какой-то другой. Поэтому всякий факт, уже свершившийся к настоящему времени, можно осмыслить и понять только в системе причинно-

следственных обусловленностей прошлого, после чего случайное (особенно трагическое) происшествие проявит вполне определённые закономерности бытия настоящего и, что очень важно, будущего. При этом могут проявиться не декларируемые, а объективные: мировоззрение, нравственность и интересы тех социальных групп и личностей, которые были заинтересованы в определённом направлении развития событий, приведших к тому, что в истории свершилось именно это событие, а не какое-то другое.

Так, если попытаться проанализировать все события, связанные с названием города по имени Курск, по крайней мере за последние 60 лет, то выяснится, что:

- в 1943 году была битва, получившая название Курской;
- в 1969 году сначала на экранах Советского Союза, а затем и многих стран мира появился фильм “Белое солнце пустыни”, в котором кинорежиссёр Мотыль, отступив от текста одноимённой киноповести В.Ежова и Р.Ибрагимбекова, заставил Сухова поинтересоваться происхождением Петрухи (“Откуда ты родом?”), после чего миллионы зрителей узнали, что тот ”из под Курска”;
- в 1990 году, в на обложке журнала «Молодая гвардия» №2 (тираж — 750 000 экз, журнал окучивал в те времена сугубо патриотического читателя) появилась фотография прообраза современного “петрухи”, Героя Советского Союза полковника А.В.Руцкого, побывавшего, как и Петруха из «Белого солнца пустыни», в плену у “бандитов”. Этот реальный, а не киношный “петруха”, родом из под Курска, сначала станет вице-президентом России, затем спровоцирует троцкистский путч, в котором погибнут сотни невинных, потом с побитой мордой выйдет «сухим из воды» и даже станет губернатором Курска. Интересно то, что в этом же номере журнала «Молодая гвардия» впервые была опубликована статья «Концептуальная власть — миф или реальность», на которую никто, в том числе и будущий вице-президент, не обратил внимания. По существу же, это было первое соприкосновение реального, не киношного “петрухи” с преображённым после купания в воде Суховым, открыто заявившем: “Мы не связаны временем!”;

- в 1993 году пророчица Ванда предупредила мир, что “Курск” уйдёт под воду и весь мир будет потрясён этим событием;
- в 1995 году 20 января (запомним эту дату на будущее) был официально принят на вооружение и вступил в строй атомный подводный крейсер «Курск» (К-141);
- в 1996 году Голливуд выпустил фильм-боевик, в котором судьба российской подводной лодки по имени “Курск” складывается достаточно трагически;
- 12 августа 2000 года в Баренцевом море АПЛ «Курск» погибла при невыясненных обстоятельствах.

На первый взгляд никакой связи меж этими событиями нет и быть не может. Но если мы начнём оценивать не сами факты здесь перечисленные, а то как они подавались за этот период времени, то обнаружим, что:

— битва на “Курской дуге” была не только самым гигантским по масштабам того времени сражением, но прежде всего она ознаменовала для противостоящей Советскому Союзу системы необратимость результатов второй мировой войны. А что это была за система? Любой школьник не задумываясь ответит на этот вопрос: коалиция во главе с фашистской Германией. Это по оглашению. А по умолчанию в эту коалицию входили и правители стран, группировок, кланов тайно готовивших, по крайней мере с 1933 года, Гитлера и его генеральный штаб к войне против государства рабочих и крестьян, государства, в котором впервые в истории человечества трудящееся большинство заставило служить себе (пусть ещё и в несовершенных формах) паразитическое “элитарное” меньшинство. И так случилось (тоже впервые в мировой истории), что необратимость результатов второй мировой войны, ознаменовавшаяся Курской битвой, вынудила паразитическую “элиту” США и Великобритании выступить на стороне побеждавшего а войне с фашизмом русского большевизма. Конечно народы этих стран были искренними сторонниками СССР; народы, — но не их правящие круги. Могли ли они простить русскому большевизму такое унижение? Никогда! В этом смысле заявление Петрухи о том, что он “родом из под Курска” — весьма символично, если помнить, что сам Петруха — символ русского “без-

деятельного” марксизма, данного большевизму-сталинизму в “помощь” троцкизмом. Так что слова Петрухи символизируют сохранившуюся после Курской битвы деятельную часть потенциала марксизма-троцкизма, но… в интересах закулисы, с которой он всегда был связан крепкими узами масонского братства. И этот потенциал сработал как мина замедленного действия, заложенная под строительство Русской цивилизации. “Мина” была заложена давно, а средствами эгрегориальной и матричной магии (через внесение искажений в матрицу киноповести В.Ежова и Р.Ибрагимбекова, который посмотрели сотни миллионов у нас и за рубежом; плюс — отрицательный прогноз Ванги и специфический фильм Голливуда) она была “взорвана” 57 лет спустя.

В киноповести Сухов, выбравшись из бака, пытается взять ситуацию под контроль. Способность человека в любой, самой сложной ситуации верно ***оценить обстановку*** — первый шаг к тому, чтобы войти в управление любым процессом, в том числе и социальным.

Последний раздел Достаточно общей теории управления Концепции Общественной Безопасности так и называется: “Вхождение в управление”.

В нём читателю сообщается о том, что в большинстве случаев сознание обращается к проблемам управления жизненными обстоятельствами, ситуациями, проблемам самообладания, умения вести себя (и т.п. слова об одном и том же), столкнувшись с трудностями, неудачами, разочарованием, *то есть не в самое комфортное для себя время — большей частью в разнородных “стрессовых” ситуациях.* Тем не менее, Бог не возлагает на человека ничего сверх того, что тот может вынести, и потому лучшее, что можно сделать в такого рода обстоятельствах:

- Прежде всего остановить собственную суету, всплывающую из бессознательных уровней внутренне конфликтной, неупорядоченной психики и прорывающуюся в неё из коллективной психики, в которой так или иначе соучаствует каждый индивид.
- Остановив суету необходимо, памятуя о том, что Вседержитель не ошибается,; после чего без эмоций и уныния, либо

бессмысленного восторга следует воспринять то приходящее, что можно назвать *вектором состояния*[1].

- После этого необходимо вспомнить, как этот *вектор состояния* изменялся в прошлом в течение по возможности наиболее длительного срока времени на объемлющем его информационном фоне.
- Это даст видение картины взаимной вложенности частных процессов и причинно-следственных связей в их совокупности, т.е. взаимные связи "лично-бытовой" и информации общественной в целом значимости, по нравственно обусловленному произволу относимой к двум категориям: «Хорошо» и «Плохо».
- Во всем этом необходимо выделить общее внешнее управление, а в нём попытаться выделить иерархически Наивысшее — непосредственно исходящее от Вседержителя, во всех без исключения случаях поддерживающего то, что принадлежит категории *«объективного* Хорошо»: Устраняй зло тем, что есть лучшего.
- Памятуя об иерархически Наивысшем управлении Вседержителя, всегда отвечающего на зов, обращенный к Нему, следует попытаться решить прогнозную задачу многовариантного возможного течения событий: Бог дает доказательство Своего бытия непосредственно каждому отвечая молитве в соответствии с её смыслом «Языком» жизненных обстоятельств, к которому необходимо быть внимательным, чтобы понять смысл его «фраз».
- После этого следует: либо подчиниться ходу процессов, приняв их течение как данность; либо, приняв на себя ответственность за вмешательство в их течение, оказать воздействие на их течение в соответствии со своим *вектором целей* в отношении всей совокупности частных процессов, описываемых *вектором состояния*.
- Главное при этом — увидеть **милость** иерархически Наивысшего объемлющего управления Вседержителя, дабы свой вектор целей не был антагонистичен Наивысшей милости, а

[1] Смотри «Наш мировоззренческий стандарт».

своe вмешательство в течение взаимной вложенности процессов стало бы частичкой милости, несомой иерархически Наивысшим управлением. В этом случае и информационные потоки иерархически Наивысшего объемлющего управления будут необходимой помощью, а не препятствием в деятельности человека.

- Но даже следуя этому, тем не менее придется некоторое время терпеть бесстрастно, без суеты и эмоциональных срывов, дабы не пережигать понапрасну энергию в бессмысленности, пока не прекратится последействие нравственно и этически обусловленных ошибок своего прошлого поведения, в которых обычно выражается либо непомерная самонадеянность индивидов, забывших о целостности и иерархичности Мироздания и Всевышнем; либо выражается перекладывание ими предназначенных им Свыше ответственности и забот на окружающих, в том числе и на высших в Объективной Реальности, т.е. это — расплата за иждивенчество. Это касается дел как личных, так и коллективных, народных и общечеловеческих.

“Ты правишь, но и тобой правят”, — говорил Плутарх — историк, бывший “по совместительству” верховным жрецом Дельфийского оракула храма Аполлона. На своем индивидуальном месте в иерархии взаимной вложенности управления социальных и внесоциальных структур лучше правит (собой прежде всего) тот, кто отличает иерархически Наивысшее управление от внешнего или внутреннего наваждения и не препятствует Высшему, а осознанно низводит Его волю вниз по контурам внутриобщественного управления как милость, ускоряя процесс перехода к человечности, делая его прямым восхождением, а не мучительной цепью падений, топтаний на месте и валяний во всевозможной грязи; не говоря уж о том, что недостойно, располагая возможностями человека, сознательно уклониться от своего *долга перед другими* в Объективной Реальности, продолжая оставаться человекообразным недолюдком и зная это. Но такое упорствование при знании о своем несоответствии уже занятому фактически положению — самоубийственно.

Картина 20. Вхождение в управление

Субъективное видение и понимание социальных процессов у приверженных различным мировоззренческим системам различно, а потому и вхождение в управление этими процессами понимается ими по разному, что неизбежно должно как-то проявится на уровне первого смыслового ряда. Поэтому не удивительно, что финальные сцены фильма и киноповести не совпадают по сюжету. Покажем вначале их такими, как они представлены в киноповести, и прокомментируем используя ключи иносказания.

«Саид уже кружил на коне между баков, преследуемый десятком бандитов…

На баркасе с упоением сражался Верещагин.

Сухов припал к пулемету. Первой же очередью ему удалось разметать преследователей Саида.

И тут же шквал огня обрушился на него. Сухов завертелся в люке, как в танковой башне, стреляя по бросившимся к баку бандитам».

В ходе первой мировой войны, когда в Англии была создана первая партия боевых танков, для них еще не было соответствующего им названия. В целях сохранения в секрете нового вида оружия при отправке его на фронт по железной дороге, странные по внешнему виду сооружения в путевых документах были оформлены как “tanks”, т.е. баки. Так танк стал “танком”. Если говорить о современном состоянии информационной войны, то народы бывшего Союза, после выхода из СССР напоминают людей, сидящих в танке. Многие скажут, что ничего подобного, что никогда еще не было так много свободы; люди сегодня думают и говорят, что хотят. На это можно возразить: такие люди были во все времена и при любой власти, но весь вопрос в том, что они говорят содержательно и кто при этом их может услышать. Как правило, люди, «упоённые боем» слышат только себя, и потому «друг друга режут и друг друга губят и хором о своих победах трубят»[1].

[1] «Друг на друга словесники идут; друг друга режут и друг друга губят, и хором о своих победах трубят», А.С. Пушкин, предисловие к содержательно символической поэме «Домик в Коломне».

«— Верещагин, уходи с баркаса! — крикнул он (Сухов) что было сил, воспользовавшись коротким затишьем. Но Верещагин не слышал его, упоенный боем.

Сбив огромной бочкой двух бандитов за борт и бросив им вслед: «Помойтесь, ребята!», он продолжал перестрелку с остальными…»

Оценивая складывающуюся к концу XX столетия в Русской цивилизации ситуацию, можно сказать, что впервые в глобальном историческом процессе не люди, стоящие у власти, а представители общественной инициативы уверенно входят в управление начиная с низкочастотных процессов, то есть осваивают прежде всего информацию мировоззренческого, методологического и исторического характера, охватывающую жизнь многих поколений, что позволит в дальнейшем избежать многих ошибок при управлении высокочастотными процессами. «Таможня» же, не обращая внимания на неоднократные предупреждения общественной инициативы, не может остановиться и подумать, в каком направлении движется процесс самоуправления в обществе, а нагнетает эмоции и продолжает “катить бочку” на тех, от кого и сама не слишком сильно отличается в вопросах понимания характера информационной войны. И хотя ей, как и раньше, доступны все средства массовой информации (с подачи хозяев которых она и дерётся сама с собой, растрачивая попусту свою энергию на обсуждение межклановых разборок), она не в состоянии дать обществу альтернативу библейской концепции управления, поскольку по-прежнему мечется между идеалистическим и материалистическим атеизмом. Естественно, что в ходе информационной войны общественной инициативы с библейской концепцией управления представители идеалистического атеизма (иерархи церквей имени Христа, незаконно присвоившие себе титул — православных) стремятся во что бы то ни стало сохранить своё влияние на «таможню», что и отразилось символически в следующей сцене.

«Настасья выбралась из дома через окно. Плача навзрыд и ругая сквозь слёзы мужа, она побежала к берегу на выстрелы».

В шуме боя (по существу “белого шума” для тех, кто лишен из-за атеизма Различения), «Таможня» не способна выделить полез-

ный сигнал — сигнал опасности. Поэтому Верещагин и не слышит Сухова.

«Вокруг бака лежали убитые. Заслон из пяти бандитов не давал Сухову соскочить с бака на землю. Остальные бандиты во главе с Абдуллой решили отступить к баркасу. Абдулла первым заметил, что баркас относит в море. Он уже болтался метрах в двадцати[1] от берега.

— Пусти их… Да пусти ты их на борт!.. — кричал ему Сухов. — А сам уходи!.. Уходи!..

Но в шуме боя Верещагин так и не услышал его».

[1] Ещё одно отличие от сюжета кино: на экране баркас находится далеко, более ста метров от берега.

Картина 21. Опасный маневр

«Сухов задумал опасный маневр. Он подполз с пулеметом к краю бака и, выждав момент, вскочил на ноги — тут же раздались выстрелы.

Сухов дернулся, выронил пулемет и, взмахнув руками, повалился с пятиметровой высоты на песок.

Бандиты бросились к нему. Сухов лежал ничком, широко разбросав руки. Пулемет лежал в полуметре от него.

Подпустив бандитов поближе, Сухов схватил пулемет. С обеих сторон загремели выстрелы. Бандиты упали, срезанные очередью, — на доли секунды Сухов опередил их».

Этот эпизод в фильме претерпел значительные изменения: Сухов спрыгнул с бака не открыто, а незаметно, оставив при этом пулемёт (оружие второго приоритета) на крыше бака. Это конечно тоже маневр, но совершенно иной, в результате чего в матрице Ежова и Ибрагимбекова произошли качественные изменения, существенно отразившиеся на уровне второго смыслового ряда киноповести. Так, если в киноповести большевизм вызывает огонь на себя и имитирует временное поражение, то в фильме он действует под давлением складывающихся обстоятельств. Но более того, лишившись пулемёта, Сухов с этого момента в подсознании зрителя невольно стал отождествляться с «таможней».

Однако, в киноповести прямо сказано, что “Сухов задумал опасный маневр”, а это означает: решил вырваться из западни, в которую попал сам под давлением складывающихся для него неблагоприятных обстоятельств. Другими словами, он сделал попытку перевести процесс противостояния с Абдуллой в другой, более безопасный для себя режим и, видимо, мысленно просчитывал возможные варианты развития событий. Но для воплощения в жизнь любого из этих вариантов ему необходимо было (см. раздел “Наш мировоззренческий стандарт”) иметь определённый *вектор цели* управления и оценить возможный *вектор ошибки* управления. Оценка качества управления по любому из возможных вариантов развития событий всегда субъективна, поскольку вектор

целей управления и вектор ошибки — тоже субъективны, то есть в данном случае определялись субъектом управления — Суховым. Объективная оценка качества управления может быть получена только с более высокого уровня иерархии по отношению к субъекту управления, каковыми в данном случае являются авторы сюжетов киноповести и фильма. Так, придерживаясь сюжета киноповести, становится очевидно, что оценка качества управления получается достаточно высокой, поскольку “опасный маневр” удался: Сухов вырвался из окружения без ущерба для себя и своих подопечных, а кроме того уничтожил ещё и часть бандитов, блокировавших цистерну-«танк».

Также очевидно, что если следовать сюжету фильма, то оценка качества управления будет низкой: маневр завершился, но *вектор ошибки* вышел за допустимые пределы, в результате чего Сухов получил ранение в левое плечо. На уровне “надводной части информационного айсберга”, в котором действуют определённо заявленные персонажи, все эти разночтения сюжетов фильма и киноповести не так уж и важны: художник творит “свободно”, но... в русле присущих ему мировоззрения и нравственности, выявить которые возможно только после того, как проявится “подводная часть информационного айсберга” — второй смысловой ряд. А там, как не раз уже было показано, действуют социальные процессы и явления, символы которых зритель и видит в “надводной части информационного айсберга”. Но выявить объективные, а не декларируемые нравственные мерила Ежова, Ибрагимбекова, а также и Мотыля, Кончаловского возможно, если уметь пользоваться “Достаточно общей теорией управления”, в которой говорится, что вектор целей управления и вектор ошибки — взаимно обратимы. По существу это означает: то, что для одного — вектор целей, для другого — вектор ошибки (или, как говорится в детской сказке: “кошке — смех, мышонку — горе”).

Так, например, при оценке фактов истории Русской цивилизации последнего десятилетия XX века, выясняется, что подавляющее большинство граждан России объясняет катастрофический характер реформ следствием ошибок управления высшего политического руководства. Но как только те же самые граждане на-

чинают анализировать основные положения упоминавшейся выше Директивы СНБ США №20/1 от 18 августа 1948 года[1]:

«***Наши основные цели в отношении России***, в сущности, сводятся всего к двум:

а) Свести до минимума мощь Москвы;

б) Провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России.

...Мы не связаны определенным сроком для достижения своих целей в мирное время.

...Мы обоснованно не должны испытывать решительно никакого чувства вины, добиваясь уничтожения ***концепций, несовместимых с международным миром и стабильностью, и замены их концепциями терпимости и международного сотрудничества***. Не наше дело раздумывать над внутренними последствиями, к каким может привести принятие такого рода концепций в другой стране, равным образом мы не должны думать, что несем хоть какую-нибудь ответственность за эти события... Если советские лидеры сочтут, что растущее значение более просвещенных концепций международных отношений несовместимо с сохранением их власти в России, то это их, а не наше дело. Наше дело работать и добиться того, чтобы там свершились внутренние события... Как правительство, мы не несем ответственности за внутренние условия в России...

...Нашей целью во время мира не является свержение Советского правительства. Разумеется, мы стремимся к созданию таких обстоятельств и обстановки, с которыми нынешние советские лидеры не смогут смириться и которые не прийдутся им по вкусу. Возможно, что оказавшись в такой обстановке, они не смогут сохранить свою власть в России. Однако следует со всей силой подчеркнуть — это их, а не наше дело...

...Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с

[1] Фрагменты директивы цитируются по книге Н. Н. Яковлева “ЦРУ против СССР” (М., 1985 г., с. 38 — 40 выборочно)

внешними силами, находящимися вне пределов его контроля.

...Не следует надеяться достичь полного осуществления нашей воли на русской территории, как мы пытались сделать это в Германии и Японии. Мы должны понять, что конечное урегулирование должно быть политическим.

...Если взять худший случай, то есть сохранение Советской власти над всей или почти всей нынешней советской территорией, то мы должны потребовать:

а) выполнение чисто военных условий (сдача вооружений, эвакуация ключевых районов и т.д.) с тем, чтобы надолго обеспечить военную беспомощность;

б) выполнение условий с целью обеспечить значительную экономическую зависимость от внешнего мира.

...Другими словами, мы должны создавать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим:

а) не имел большой военной мощи;

б) в экономическом отношении сильно зависел от внешнего мира;

в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами;

г) не установил ничего похожего на железный занавес.

В случае, если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унизительным образом. Но мы обязаны не мытьем, так катаньем навязать их для защиты наших интересов», —

... то они вдруг видят, что вектор ошибки высшего политического руководства России-СССР по сути своей — вектор целей, сформированный полвека назад высшим политическим руководством ведущей страны западной цивилизации — США. Эта директива СНБ США — и есть “подводная часть информационного айсберга”, ключи-символы к проявлению которой — в сюжете фильма “Белое солнце пустыни”.

Ежов и Ибрагимбеков в сюжете киноповести сформировали матрицу выхода Русской цивилизации из затяжного кризиса управления, в который ввергло её троцкистское руководство Хрущева-Брежнева-Горбачёва. В надводной части “информационного айсберга” эта часть матрицы и выглядит как успешно завершившийся “опасный маневр” Сухова, который миллионы зрителей так и не увидели потому, что в сюжет киноповести внесли (возможно из самых лучших побуждений, но… в соответствии со своими нравственными мерилами) свои коррективы кинорежиссёры Мотыль и Кончаловский (не случайно последний постоянно живёт в США и других “высокоразвитых” странах западной цивилизации). Для них смысл символа-ключа слова «педжент» (строго следовать сюжету киноповести) оказался закрытым. В результате — кровь, но уже не на левом плече Сухова, а среди тех, кто бездумно пошёл за леваками типа Руцкого в октябре 1993 года. Это всего лишь эпизод холодной (информационной) войны средствами эгрегориальной матричной магии, в которой бездумно принимают участие миллионы. Почему эти миллионы “самоуправились” своими судьбами так, а не иначе — они и сами не знают. Если же им попытаться объяснить, что их “самоуправление” (а в сущности — управление ими), осуществляемое бесструктурным способом через образы-символы их любимого фильма, в котором всеми уважаемый кинорежиссёр Мотыль, что-то подправил, следуя своей творческой интуиции (или наваждению?) по сравнению с исходным сюжетом киноповести, то они скорее всего такого “объясняющего” сочтут выжившим из ума шизофреником.

Ну а теперь, почему все-таки Мотыль изменил этот эпизод? Всё дело в словах киноповести: “На доли секунды Сухов опередил их (бандитов)”. Именно эти слова оказались мировоззренчески неприемлемы для кинорежиссёра Мотыля, поскольку через них Сухов вошёл бы в подсознание зрителя в качестве образа Внутреннего Предиктора СССР (см. пояснение принятой терминологии), поскольку он действительно замыкает обратные связи в процессе управления не на события, которые уже произошли, а на “неуловимые” проявления в настоящем тех событий, которые ещё только могут произойти, то есть действует по схеме предиктор-корректор.

Картина 21. Опасный манёвр

И не удивительно, что с этого момента всё дальнейшее в фильме полностью расходится с сюжетом киноповести.

«Бандиты во главе с Абдуллой, разделившись на две части, бросились в море и полезли на баркас одновременно с двух бортов.

От баков к берегу бежал Сухов с пулеметом в руках.

…Только троим бандитам и Абдулле удалось взобраться на баркас. Одних перестрелял Верещагин; другие, не умевшие плавать, попав на глубину, повернули к берегу, где их встречал пулеметными очередями Сухов. (…)

Трое бандитов и Абдулла засели на носу. Верещагин лежал на корме за тюком с коврами и стрелял оттуда, не давая людям Абдуллы спуститься в люк и завести мотор.

Абдулла приказал поднять парус.

Бандитам удалось выполнить его приказ, но это стоило им жизни — Верещагин стрелять умел.

Теперь на баркасе оставались в живых лишь два человека: Верещагин и Абдулла.

Они были ранены. Верещагин в руку, Абдулла в левый бок.”

Попробуем прочитать второй смысловой ряд этой сцены киноповести. Библейская цивилизация в глубоком мировоззренческом кризисе. Двусмысленность её концепции (умолчания противоречат оглашениям) — главная причина кризиса, а её “элита” страдает интеллектуальным иждивенчеством. Попытка Абдуллы поставить парус на уровне второго смыслового ряда — стремление выйти за рамки технократической цивилизации и войти в цивилизацию биогенную, но без интеллектуальных усилий это сделать невозможно. В “Достаточно общей теории управления”[1] о природе интеллекта сказано следующее:

«Интеллект — одно из средств, данных сознанию человека. И как всякое средство — он управляем. Говорят: “ветер в голове”. По отношению к информационным потокам в Мироздании можно сказать и так. Но тогда по отношению к ним интеллект — паруса. Искусство плавания под парусами состоит в том, чтобы не

---

[1] “Мёртвая вода”, том I, изд. 1998г.

ловить ненужный ветер в паруса. Тогда даже на самом маленьком кораблике можно прийти, куда надо. Но если вся мощь парусов выжимателя ветра (так в прошлом называли многие большие быстроходные парусники) окажется в руках неумелых, то пенитель морей, прекрасный парусник, будет игрушкой, гонимой морской стихией, будто на нём нет ни руля, ни ветрил; он будет уничтожен стихией потому, что нет способных правильно управиться с парусами. Так же и интеллект под управлением недисциплинированного сознания захлебывается в потоке мельтешащих мыслей, как встающих из памяти, так и приходящих извне, и рвет душу в клочья. Дисциплинированное же сознание[1] удержит только необходимые ему для осмысленного дела мысли, и интеллект будет помощью сознанию и душе в пути человека».

Вряд ли можно сказать, что сознание Верещагина — концептуально дисциплинированное сознание. А любая концепция без кадровой базы, устремленной на её воплощение, — не способна выйти за рамки благих намерений её создателей. Сталинский лозунг: “Кадры решают всё!” — актуален и сегодня, в разгар информационной войны, как никогда. Поэтому раненый Абдулла истекает кровью.

«Рана, не беспокоившая Абдуллу вначале, теперь причиняла страдания, кровь лилась из неё не останавливаясь, и уже окрасила халат от пояса до подола. Абдулла тяжело дышал.

Увидев ползущего в его сторону Верещагина, он выстрелил несколько раз кряду, но промазал.

Верещагин неумолимо надвигался на него…

Потерявший управление баркас медленно кружил по воде.

Абдулла прикрыл глаза — боль в боку, затруднявшая дыхание и потеря крови дали о себе знать. Небо, море, палубные надстройки, Верещагин, появляющийся из-за них то тут, то там, сместились, потеряли цвет

---

[1] «Тогда блажен, кто крепко слово правит и держит мысль на привязи свою», — А.С.Пушкин об этом в символической поэме «Домик в Коломне».

и очертания и слились в одну размытую цель, в которую Абдулла одну за другой всаживал пули…»

В этом отрывке киноповести ключевая фраза: “Потерявший управление баркас медленно кружил по воде.” На уровне второго смыслового ряда это означает, что библейская цивилизация утратила чёткий и одинаково понятный для всех вектор целей своего развития, что и отражено в словах об ориентирах Абдуллы, которые “слились в одну размытую цель”.

«В последнюю секунду просветления он увидел Верещагина почти перед собой.

Абдулла попытался выстрелить, но не смог — пальцы не слушались его.

Тогда, оттолкнувшись от палубы животом и локтями, он бросил себя за борт.

Верещагин не стал стрелять в него. Он видел как долго не появлялся на поверхности Абдулла, как вынырнув на мгновенье, он жадно глотнул воздух, тотчас же погрузился в воду и опять очень долго не появлялся…»

Абдулла выстрелить не может, а Верещагин не хочет стрелять. Так в киноповести символически отображена патовая ситуация, сложившаяся в библейской цивилизации между её кадровой базой и самой концепцией управления: дальше управлять по ней “элита” не в состоянии, а создать ей альтернативу не позволяет нравственное мерило и интеллектуальное иждивенчество “элиты”. Эти её качества — следствие альянса либеральной интеллигенции с иерархией идеалистического и материалистического атеизма, которая никогда не оставляла её без внимания и всегда готова была ей «помочь». Но главная её проблема в том, что в состоянии концептуальной неопределённости она не только пытается запустить “двигатель прогресса”, но ещё и бездумно рвётся к “штурвалу управления” им.

«Потом Верещагин увидел жену. Она из последних сил гребла к баркасу. Он весело помахал ей рукой.

Посмотрел на берег и увидел Сухова, который что-то кричал ему.

— Сейчас подойдем поближе, Федор Иванович, — сказал Верещагин и пошел в трюм.

Запустив мотор, он поднялся наверх, прошел к штурвалу. Развернул баркас.

Легко ворочая штурвал одной рукой, он повел отвоеванный баркас к берегу».

Попытки в современных условиях управлять опираясь на мировоззрение калейдоскопа, забывая о том, что идёт процесс смены логики социального поведения — смертельно опасны. И не удивительно, как один за другим самонадеянные горе-руководители, встающие к штурвалу государственного корабля, ломают себе шею, так и не поняв — за что. Не за что, а почему? А потому, что подсознательно “таможня”-зомби по-прежнему замкнута на библейскую концепцию управления и не в состоянии пересмотреть библейские стереотипы поведения и отношения к явлениям внутреннего и внешнего мира даже в предсмертную минуту жизни.

«Последним, кого он увидел, был Абдулла, который еще не утонул и отчаянно пытался хоть сколько-нибудь приблизиться к берегу.

— Прыгай! — кричал с берега Сухов. — Прыгай, взорвешься!

Но за шумом двигателя Верещагин не слышал крика.

Через сорок две секунды раздался взрыв. Стена огня и воды поднялась вверх и упала.

Взрывная волна опрокинула лодку с Настасьей.

Сухов сел на песок, схватившись за голову».

Этот эпизод киноповести — символическое отображение того факта, что информационное крушение библейской цивилизации в результате взрыва мировоззренческого динамита, заложенного общественной инициативой в её “генераторную”, неизбежно затронет и её главную кадровую базу — иерархию всех церквей имени Христа. Показано в киноповести и каким будет отношение к этому событию национальных “элит” (здесь они в чадрах): ведь они теряют хозяина.

«От бака к воде спешили женщины гарема. Подбежав к Сухову, они остановились неподалеку, кутаясь в свои чадры.

Сухов поднял голову. Посмотрел на женщин. Увидел их глаза, испуганно устремленные к морю. Обернувшись к воде, он увидел Абдуллу, который боролся с

волнами уже у самого берега. Вода была ему по пояс, но встать на ноги он не мог и передвигался то вплавь, то ползком.

На мели ему всё же удалось подняться. Он тяжело дышал, стоя на коленях, метрах в десяти от Сухова и женщин.

Взгляды их встретились.

Ценой огромных усилий Абдулла заставил себя встать на ноги. Ему удалось сделать три шага, женщины в ужасе попятились. Абдулла сделал еще один шаг и рухнул лицом в песок».

Из этого эпизода киноповести (напомним, что в фильме он отсутствует) нельзя сделать однозначного вывода о об окончательной гибели Абдуллы. Но благодаря ему, по крайней мере на уровне второго смыслового ряда, можно понять, что:

- библейская концепция управления уже “на коленях и в воде”; альтернативная ей Концепция Общественной Безопасности имеет название — “Мёртвая вода”;
- основы библейской концепции управления будут подорваны не столько усилиями общественной инициативы (Абдуллу ранил не Сухов, а “таможня”), сколько внутренними противоречиями её сторонников, в основном нравственного характера;
- явление нового мировоззрения, несущего народам мира культуру Богодержавия, становится главным фактором в информационном противостоянии двух концепций управления, о чём говорят слова киноповести “взгляды их встретились”;
- попытка Глобального надиудейского Предиктора подняться над мерой понимания, явленной миру общественной инициативой Русской цивилизации даже ценой “огромных усилий”, обречена на неудачу, поскольку любое знание — только приданое к определённому типу строя психики; строй психики представителей толпо-“элитаризма” — не человечный;
- единственные, кто будет “тоскливо и однотонно выть” по поводу краха уходящей в прошлое концепции управления, так это национальные “элиты” и иерархи всех церквей имени Христа, лишившиеся в результате такого поворота событий возможности паразитировать на труде своих народов.

«Бывшие жены медленно подошли к Абдулле. Сухов видел, как они окружили его и, не смея дотронуться, тоскливо и однотонно завыли…

Из воды вышла и пошла куда-то прочь от Педжента потрясенная Настасья».

Такой финал киноповести известен только её читателям. Но если даже принять во внимание её тираж 1994 года — 100 000 экз. (очень большой для постсоветсого книгоиздательства), то всё равно знакомые с ним едва ли будут составлять доли процента от количества посмотревших (многие не один раз) фильм “Белое солнце пустыни”. А в фильме, как все помнят, финал совсем иной:

Абдулла не спешит бежать на баркас, а пытается самолично перестрелять своих неверных жён и с этой целью под огнём Сухова и Саида поднимается по металлической лестнице к горловине цистерны, в которой ещё остаются “свободные женщины Востока”. На какое-то мгновенье от этого занятия его отвлекает взрыв баркаса, заминированный двигатель которого после завершения борьбы с бандитами наконец удалось запустить Верещагину. Сухов окриком: “Я здесь, Абдулла!”, — заставляет того оглянуться, после чего расстреливает его в упор. Смертельно раненый Абдулла, артистично выпуская в “белый свет” магазин своего маузера, медленно сползает цепляясь за поручни металлического трапа прямо в лужу нефти. На экране — искаженное гримасой ужаса лицо Настасьи сопровождается её душераздирающим криком отчаяния.

После этого и слышится приглашение Сухова: «Выходите, барышни!».

В последних кадрах фильма по прибрежной воде медленно движутся кони без всадников; навстречу им бредёт потерянная от горя простоволосая Настасья.

Такое прочтение киноповести кинорежиссёром тоже возможно, а для зрителя, незнакомого с её сюжетом, оно может даже более эффектно. Вопросы типа: стал бы реальный главарь банды подвергать свою жизнь смертельной опасности ради уничтожения гарема? — можно игнорировать ссылками на необходимость привлечь внимание зрителя закрученностью сюжета. Важнее другое:

при таком финале рассыпается целостность второго смыслового ряда всего повествования.

Но при этом выясняется и другое. Применяя предложенные ключи иносказания к расшифровке последних кадров фильма можно сделать вывод о том, что на уровень подсознания зрителя сгружается иная матрица, отличная от той, над которой работали В.Ежов и Р.Ибрагимбеков. В матрице, порождённой воображением Мотыля, большевизм вроде бы поражает библейскую концепцию на уровне третьего — идеологического приоритета обобщённых средств управления-оружия (Сухов убивает Абдуллу из пистолета?), что, мягко говоря, не соответствует реальному положению дел.

Национальные толпы (кони без седоков в финальной сцене), лишившиеся национальных “элит”, вроде бы обретают возможность стать народами. Но меж коней ходит овдовевшая Настасья, что на уровне второго смыслового ряда может означать — церковная иерархия еще долго будет поддерживать толпо-“элитаризм” в обществе.

Всё это вместе вписывается в троцкистский подход при решении любых проблем, которые троцкизм хотел бы усугубить. На эту тенденцию психического троцкизма обратил внимание ещё А.С. Пушкин в поэме “Домик в Коломне”:

То переварит, то пережарит;
То с посудой полку уронит,
Вечно всё пересолит.

Однако, на эти потуги психического троцкизма можно ответить следующее: в подсознании народа верующие Богу непосредственно и церковная иерархия никогда не отождествлялись как единое целое, как никогда не были синонимами партийная иерархия КПСС и простые коммунисты труженики. Понимание этого факта отражено в поговорке, ставшей символом начала процесса размежевания между партийной массой и партийной “элитой” ещё в начале перестройки: “В нашей стране не все члены партии — коммунисты, и не все коммунисты — члены партии”. И мы

еще станем свидетелями размежевания церковной иерархии с её “паствой”.

Картина 22. Не надо плакать, может ещё встретимся

«Утром следующего дня на площади перед станцией Сухов прощался с отрядом Рахимова, пришедшим ему на помощь, и бывшим гаремом Абдуллы.

Дымила походная кухня.

Сухов воткнул свою палку-часы в песок и определил время:

— Шесть часов, — сказал он. — Пора!

— Может обождёшь? — спросил Рахимов, — Денька через три мы бы тебя в Ташкент доставили, а там — поезда.

— Нет, — сказал Сухов. — Я напрямик пойду, по гипотенузе… Дойду до Астрахани, а оттуда по воде до Нижнего рукой подать.

— Ну хоть коня возьми.

— Не-е… С ним хлопот — кормить надо. Прощай!»

Расставясь с троцкизмом, большевизм после всех испытаний полностью отказывается от толпо-“элитаризма”, поскольку с ним действительно “много хлопот”: толпу надо кормить, ибо ей нужны хлеб и зрелища; народ способен прокормить себя сам. Поэтому национальным толпам предстоит пройти большой путь, прежде чем они станут народами. Для этого им придётся рассуждения по авторитету преданий и вождей заменить культурой мысли, что потребует от них собственных интеллектуальных усилий, а это не так просто, как может показаться на первый взгляд. Поэтому при прощании с Суховым “женщины Востока” тихо плачут, а не тоскливо воют, как это было при расставании с Абдуллой. И тем не менее большевизм надеется, что встреча народов возрождённой Русской цивилизации возможна в новой культуре Богодержавия.

«Сухов пожал руку Рахимову и повернулся к женщинам. Они тихо плакали, по щекам их текли слёзы.

Он по очереди пожал им всем руки.

— Прощай, Джамиля… Прощай, Гюзель… Прощай, Хафиза… Прощай, Зухра… — назвал он всех восемь по именам. — Не надо плакать, — улыбнулся им Су-

хов. — Может, ещё встретимся. Извините, коли что не так.

Он подтянул «сидор» с подоткнутыми под веревки сапогами и пошёл.

— Спасибо тебе! — крикнул ему вдогонку Рахимов.

— Не за что, — ответил Сухов.

Он уходил не торопясь, нормальным походным шагом».

Русский большевизм, окончательно размежевавшийся с психическим троцкизмом, готов оказать своему союзнику — кораническому исламу — мировоззренческую помощь.

«Рядом ехал на своём коне Саид.

— Ты как с Джавдетом? Может, помочь? — спросил Сухов, когда они отошли от берега подальше и не стало видно моря».

Может возникнуть вопрос: а не является ли такое предложение вмешательством во внутриконфессиональные разборки мусульман? Имеют ли право большевики, наследники Сталина на такое решение вопроса? Имеют! И чтобы доказать это обратимся к некоторым фактам не столь далёкой истории Русской цивилизации.

Вызывают удивление действия Сталина в отношении крымских татар и чеченцев во Вторую мировую войну, если не считать его по крайней мере тайным суфием. Так, например, жители Мариуполя немцев приняли с хлебом-солью, сдали всё подполье и сотрудничали с оккупантами также, как татары в Крыму. И тем не менее Мариуполь не был сравнен с землей, а его жители не были выселены, как ингуши или чеченцы.

И.Л.Бунич, автор многих книг об утаиваемых и о сокрытых сторонах истории России (“Золото партии”, “Таллинский переход” и др.), возможно, что ради “красного словца”, ляпнул фразу: «Должности диктатора или имама в СССР не полагалось» (“Операция «Гроза»”, т. 2, стр. 508).

С точки зрения подконтрольной раввинату и ростовщическим кланам западной демократии, в государстве СССР должности имама действительно не полагалось. А с точки зрения мусульман: полагалось или не полагалось?

Отождествить имама и диктатора может только чуждый Исламу человек, но сами лексические и смысловые ряды: «Сталин —

диктатор — имам» + «имам — Ислам» — объективная данность в русском языке после того, как “Операция «Гроза»” издана массовым тиражом.

И беспричинно такие параллели не выстраиваются: подсознание публициста-историка демократического толка отождествило Ислам и сталинизм — двух противников агрессии паразитизма Западной региональной цивилизации, поскольку не смогло их четко разграничить в определённой лексике, но на уровень осознанного восприятия всё же выдало указание на некую их общность, хотя и в довольно легкомысленной форме…

И если, Бунич, сам того не подозревая, “ткнул пальцем в небо” и попал, может быть в сокровенную тайну какого-нибудь мусульманского братства, то многое -- загадочное и непонятное в деятельности Сталина — в контексте мусульманской исторической традиции, если и не получает полного и достоверного объяснения, то находит аналоги в прошлом Коранической цивилизации.

Домогаться доказательств, что И.В.Сталин был легитимным посвященным суфием — занятие неблагодарное. Но если видеть — по его деятельности — в Сталине суфия, возможно даже имама одного из скрытных суфийских братств, то это многое объясняет в истории РСДРП-ВКП(б) и судьбе вошедших в неё легитимно посвященных масонов и поддерживавшей их непосвященной массовки; а также и в судьбе мусульманских народов СССР, проявивших нелояльность к политике правящего действительного имама в годы Великой Отечественной войны, в песне прямо названной Священной, то есть Джихадом в традициях мусульманской культуры. Нравится всё это “правоверным” мусульманам или нет, но объективно, если судить по направленности политики и деятельности Сталина, он был имамом вне ритуалов.

Другой пример, указующий на определённую символическую связь между Суховым и Рахимовым, дал в своих работах сам Л.Д.Бронштейн (Троцкий), в мировоззрении которого не было места Богу, вследствие чего (по его мнению) на Земле не могло быть и людей, водительствуемых Богом (которого нет с его точки зрения). По данному вопросу он выразился ещё более определён-

но, чем И.Бунич, когда вдруг открыл в Сталине человека-персонификацию Бога, причем персонификацию не бога никейских церквей, а Бога Корана:

«В религии сталинизма Сталин занимает место бога со всеми его атрибутами. Но это не христианский бог, который растворяется в Троице. Время тройки Сталин оставил далеко позади. Это скорее — Аллах, — нет Бога, кроме Бога — который наполняет вселенную своей бесконечностью. Он средоточие, в котором всё соединяется. Он господь телесный и духовный мира, творец и правитель. Он всемогущ, премудр и предобр, милосерден. Его решения неотмеримы. У него 99 имён» (Л.Д.Троцкий. “Сталин”, в 2-х томах, Москва, «Terra —Терра», «Издательство политической литературы», т. 2, стр. 155; всё — в орфографии цитируемого издания).

В приведенной цитате значимо то обстоятельство, что Троцкий, помянув «Троицу» и «христианского бога», ни слова не сказал о разногласиях Бога Корана, чей Промысел для него персонифицирован Сталиным, с иудейским богом самого Л.Д.Бронштейна.

После этого, тем кто недоволен репрессиями в отношении традиционно-мусульманских народов СССР в годы войны, следует соотнестись с шариатом: *Что должен делать действительный имам, если он возглавляет джихад, а якобы мусульманское духовенство, ведет себя двусмысленно или оказывает прямое пособничество врагу; толпа же, считающих себя мусульманами, бездумно подчиняется такому духовенству, вопреки тому, что КОРАНИЧЕСКОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ ТРЕБУЕТ, чтобы мусульманин по совести подчинялся Богу, а не кому бы то ни было из земных господ?*

Так что большевизм имеет право предложить свою помощь, но лишь при условии, что коранический ислам его об этом попросит.

«— Нет, Джавдет мой, — возразил Саид. — Встретишь — не трогай.

— Ну что ж, тогда счастливо! — сказал Сухов и пошёл по направлению к Астрахани.

Он шёл по пустыне напрямик.

Картина 22. Не надо плакать, может еще встретимся

«Добрый день, веселая минутка. Здравствуйте, Катерина Матвеевна. На прошедшие превратности не печальтесь, видно, судьба моя такая. Однако ничего этого больше не предвидится, а потому спешу сообщить вам, что я жив, здоров, чего и вам желаю…»

Этим эпизодом с письмом-размышлением Сухова заканчивается и фильм. И то, что данное письмо в финале фильма кинорежиссёр Мотыль оставил неизменным очень важно: при всех (осознаваемых и неосознаваемых) искажениях им матрицы иносказаний, которые — прямое следствие непонимания им смысла символа слова «Педжент» (***строго следовать сюжету киноповести***), всё-таки последняя “точка” положительной матрицы получилась созвучной замыслу тандема авторов киноповести, поскольку в письме-символе звучит уверенность в том, что “прошедшие превратности” народов России — позади. Впереди — строительство Русской цивилизации, в основе которой культура Богодержавия, определённо лексически выраженная в русском Богословии.

Богословие Русской цивилизации

Россия-Русь — одна из региональных цивилизаций на планете, вбирающая в себя на протяжении всей истории окружающие её народы. Русь — самозабвенное зеркало Мира в том смысле, что после гибели предшествующей неправедной глобальной цивилизации человечество почти полностью лишилось осознанной памяти о ней, утратив её культуру, а в становлении культуры новой глобальной цивилизации, которая объединит всё человечество в человечности, Русь вбирает в себя все другие культуры и несущие их народы по мере того, как непредвзято-самозабвенно решает в своей жизни вопрос *«что есть истина из всего того, с чем она имеет дело в своей жизни?»*

Иными словами мы — Русь — по своей сути цивилизация меры:

- если мы не ошибаемся в ответе на указанный вопрос, то в границы Руси вливаются новые народы, а их культуры, освободившись от какой-то прежде свойственной им порочности, вливаются в культуру самой Руси, обогащая её свойственной им истиной;
- если мы ошибаемся в ответе на указанный вопрос, то к ошибочно решенному в прошлом вопросу Божий Промысел возвращает нас снова и снова до тех пор, пока мы не придём к истинному ответу на него.

При этом земли и народы вливаются в Русскую многонациональную цивилизацию, становясь русскими. И этот процесс лежит, по нашему убеждению, в русле Промысла. Мы — Русь — задаем тот «общий аршин», о котором писал Ф.И.Тютчев, но *мы задаем его на будущее;* а во всякое настоящее другие пытаются измерить нас полученным от нас же некогда в прошлом[1] и обреченном к отмене стандартом.

[1] «Маастрихтские соглашения», положившие начало строительству Европы, объединяющей в общей культуре все её народы, — конец XX века. Аналогичный процесс в Русской цивилизации, если считать *по минимуму* от взятия Казани Иваном Грозным, протекает более 500 лет.

Именно по этой причине, — *являющейся сутью региональной цивилизации Руси на этапе становления человечности после краха предшествующей глобальной цивилизации,* — мы безрассудно легковерны, доверчивы, и очертя головы бросаемся во всевозможные начинания, скоропостижно уверовав в нечто новое и полностью отрекшись от своего недавнего прошлого. Но скороспелая фанатичная вера во что-либо у нас краткосрочна и возникает только при выходе из кризисов развития, в которых выражаются наши же прошлые уходы от своевременных ответов на вопрос «что есть истина?» и наши же прошлые ошибки в ответах на него. Потом она также быстро, как и пришла, проходит, и мы начинаем сомневаться в том, что прежде успело стать неусомнительной фанатичной верой и начинаем испытывать её на истинность, в убежденности, что *истина устоит во всяком испытании жизнью, а ложь и ошибки рухнут*[1]. Это касается всего: как вероучений и богословских доктрин, заведомо не подтверждаемых в искусственных экспериментах (но истинность которых может подтвердить либо опровергнуть только сама жизнь), так и научных гипотез и теорий, которые могут быть подвергнуты проверке экспериментом.

> Единственное в чём большинство никогда на Руси не сомневалось, так это в том, что Всевышний Бог, предопределивший бытие Мироздания, есть и, что с Ним дóлжно человекам жить в ладу. Да и многие из тех, кто в эпоху государственной идеологии материалистического атеизма утверждали, что Бога нет, всё же в жизни вели себя по совести, которая чувствовала, что Бог есть и жить надо, воплощая в реальность ощутимый совестью Промысел.

При этом Русь не помнит в своей истории фактов, когда в ней рождались пророки — восприемники *откровений Свыше, которые бы становились основой господствующих на Руси вероучений.* Все вероучения, которые заместили собой языческие верования народов, живущих в границах Русской цивилизации, —

[1] И это в общем-то соответствует кораническому: «Да, Мы поражаем истиной ложь, и она её раздробляет, и вот — та исчезает, и вам — горе от того, что вы приписываете» (Коран, 21:18(18)).

привнесены извне. Они так или иначе были приняты народами, но и после этого русские разных национальностей спорили об образе Божием (т.е. о своде представлений обо всём Божественном как таковом) и о том, что представляет собой лад человеков и Всевышнего Бога по существу и по форме. Мы всегда спорили об этом среди себя, и многие вопреки господствующим традициям прямо оглашали то, что было у них на душе. Вопрос всегда состоял и состоит только в том, Бог ли положил это на душу, либо кто-то был одержим и истово шёл против Промысла, фанатично призывая при этом Бога себе в помощь. И эти споры наши всегда были непонятны иностранцам. Мы же — в стремлении обрести истину и воплотить её в жизнь — были беспощадны и к себе, и к окружающим в этой жизни, уповая на милостивый Суд Божий. И надо полагать, что именно за это неискоренимое стремление к выявлению и воплощению Правды-Истины в повседневную жизнь нам прощалось и прощается Богом многое из того, что не прощалось другим, ныне исчезнувшим культурам.

Так мы преодолели к 1917 г. за 900 лет библейский идеалистический атеизм. По существу также, но всего за 70 лет, к 1991 г. мы преодолели и материалистический идеализм в форме марксизма. И теперь русская верующая совесть, набравшись исторического опыта, оказалась в такой же ситуации выбора веры, в какой была в эпоху *обусловленного многобожием и идолопоклонством кризиса* язычества, имевшего место в канун принятия ислама волжскими булгарами (современный Татарстан) в 890 г. и крещения славянской Руси 989 г.

У историка В.О.Ключевского есть афоризм, в сложившихся обстоятельствах прямо относящийся к выбору веры: «Нравственное богословие цепляется за хвост русской беллетристики» (“Собрание сочинений в 9 томах”. Москва, «Мысль», 1990 г., т. 9, стр. 423). И как показала дальнейшая история XX века, нравственное богословие по совести Русской цивилизации действительно нашло выражение не в трудах философов или богословов, а в художественном произведении — романе М.А.Булгакова “Мастер и Маргарита”, который многие воспринимают в качестве «гимна демонизму». Но это не «гимн демонизму», а Евангелие беззаветной веры Богу по совести, предложенное обществу не в форме иссу-

шающего душу и мысли философско-богословского трактата, а в иносказательно-символической форме романа-притчи[1].

«— А теперь скажи мне, что это ты всё время употребляешь слова «добрые люди»? Ты всех, что ли, так называешь?

— Всех, — ответил арестант, — злых людей нет на свете» (“Мастер и Маргарита”, гл. 2).

И из этого ответа развивается всё богословие Русской цивилизации: провозглашаемое Иешуа и открыто им проповедуемое учение о всеобщей доброте людей не знает исключений как по отношению ко всем людям в совокупности, так и по отношению персонально к каждому. Обоснование утверждения «злых людей нет на свете» также просто: «Эти добрые люди (…) ничему не учились…»

Иными словами, зло — *в порочной культуре, где не выработано праведного воспитания и, где люди учатся истине ошибками жизни образуемого ими общества,* — объективно неизбежно, вследствие чего возлагать за него ответственность на кого бы то ни было из них объективно неуместно, т.е. такого рода обвинения несправедливы и сами неправедны, что бы ни сотворил кто-либо из людей и кто бы его в этом ни обвинял. Но это не соглашательство со злом и не требование быть покорным ему. Понимание факта изначальной доброты всех людей должно обязывать каждого к преображению себя и культуры общества в целом.

И соответственно все вероучения, в которых есть место аду как месту нескончаемого мучения грешников с точки зрения богословия Русской цивилизации — ошибочны или заведомо ложны.

Единственному Всевышнему Богу — Русскому Богу всех людей, Всемогущему Творцу всего и вся, Вседержителю — свойственна всеобъемлющая совокупность совершенства — Любовь и выражающая её Милость к Своему творению, исходящая изначально от стадии Предопределения Им бытия всего тварного.

[1] Обстоятельное рассмотрение Русского богословия, нашедшего выражение в этом произведении см. в нашей работе “«Мастер и Маргарита»: гимн демонизму? либо Евангелие беззаветной веры”.

Царствие Божие не может быть построено на страхе людей перед Богом или перед нескончаемым адом. И соответственно в Предопределении бытия нет места аду: но это не заведомое отпущение грехов, поощряющее к безнаказанному злодейству на Земле слабых и падших, ибо всем грешным предстоит познать стыд. В живом Русском языке понятие стыда связано не с судом, имеющим место после свершения чего либо, а с предосудительностью недостойного человека поведения. Предосудительность — одна из составляющих Божьего акта Предопределения бытия, и потому упреждает недостойное. Одно из значений слова «стыд», «студ» в Словаре В.И.Даля определяется так:

«Стыд (…) чувство или внутреннее сознание ПРЕДОСУДИТЕЛЬНОГО (выделено нами при цитировании), уничижение, самоосужденье, раскаянье и смиренье, нутреная исповедь перед совестью».

Среди пословиц и народных поговорок, приводимых В.И.Далем в этой статье, есть и такая: «Людской стыд (т.е. чужой стыд: наше пояснение при цитировании) — смех, а свой — смерть». А по сути свой стыд для многих оказывается хуже смерти, вследствие чего не вытерпев стыда в жизни, они избирают смерть и кончают собой в безосновательной надежде уйти от стыда по смерти.

Мнение же о якобы незначительности и легкости искупления грехов, тем более совершенных по злому умыслу, познанием *стыда* — выражение некой мстительности и нравственно-этического беспамятства: те, кто думает так, забыли свои ощущения при первой волне стыда, которая накатила на них (скорее всего) в раннем детстве, когда они впервые почувствовали, что совершили что-то недостойное человека. Потом все мы научились уходить от стыда и подавлять его в себе. Но стыд “судного дня” — Постыдного дня, — на который обрекает сам себя каждый злоупотребляющий Божьим милостивым Предопределением, — подавить не сможет никто, и деться от него будет некуда. Поэтому, даже зная, что в Божьем Предопределении бытия нет места нескончаемому аду, не следует злоупотреблять милостью Божией даже в попускаемых Им пределах (для каждого своих). Причем следует знать и понимать, соотносить со своею жизнью, что тем, кто искренне ошиба-

ется — позволено то, что пресекается в отношении тех, кому сообщено, что делаемое ими есть **ПРЕДОСУЖДЕННОЕ зло;** и в пресечении их деятельности в жизни выражается один из видов защиты их же от нестерпимого стыда в Постыдный день.

И с точки зрения богословия по совести Русской цивилизации в этом мире **все без исключения по их сути — посланники Всевышнего к их окружающим**, в чем-то праведные, в чем-то ошибающиеся искренне, а в чем-то, возможно, и лицемерящие либо из алчности, либо из страха. Вследствие этого *Бог не избирает никогда и никого для того, чтобы исключительно избранный Им вещал истину всем остальным*, кому Бог якобы отказал в Своем непосредственном обращении к ним. Бог не отказывает никому, но не каждый выросший в неправедной культуре способен принять и донести до других Его обращение.

Но не получив праведного воспитания в не вызревшей пока еще культуре человечности, многие под воздействием гнёта культурной среды, культивирующей в их психике всевозможные страхи, предубеждения и ущербность, под воздействием разнородных привязанностей, сами уклоняются от *сокровенных (от других)* обращений к ним Бога непосредственно через их совесть; они не внемлют опосредованным обращениям к ним Бога через других людей, через памятники культуры и жизненные обстоятельства. И по этим же причинам они отмахиваются от даваемых Свыше непосредственно им крупиц истины как от назойливо лезущих в глаза мошек, давят их, и не видят необходимости поделиться доставшимися им крупинками с окружающими; либо трусят внятно согласиться с известными им истинами даже во внутреннем мире каждого, а не то что бы огласить их открыто в обществе, когда они противоречат сложившейся традиции, поддерживаемой всеми средствами неправедной культуры, поддерживаемой так или иначе всеми и каждым в обществе: выступить против сложившейся традиции — возможно обречь себя на жестокую смерть или на длительную жизнь отверженного и гонимого всеми. Но Богу принадлежит вечность, и потому Он может ждать до тех пор, пока культура цивилизации вызреет до человечности, пока все освободятся от страхов, и настанет царство истины вследствие того, что

каждый будет без страха с любовью и по совести наместником Божиим на Земле.

Об этом Пилату и другим персонажам романа толковал Иешуа, но все были напуганы и озлоблены и не могли принять это без того, чтобы не извратить сказанного им, приспособив к страхам, привычным для образа жизни каждого из них… Так же большей частью происходит и в жизни на протяжении всей истории нынешней глобальной цивилизации. Но пора начинать жить иначе — без страха (страх — худший из пороков) по совести доверяя Богу свою жизнь и посмертное бытие:

Все люди без исключения в Предопределении бытия — в его Русском понимании — не рабы даже Богу, они — по Предопределению — Его свободные добровольные помощники и сотрудники.

Так станем, наконец, жить так, чтобы соответствовать Божьему Предопределению бытия Человека…

* * *

Есть в киноповести ещё и своеобразный постскриптум, над которым наша либерально-демократическая пресса посмеялась, и который никак в фильме, конечно же, не отражён, поскольку с точки зрения обыденного сознания кажется просто нелепым. И тем не менее он выглядит достаточно содержательным в русле второго смыслового ряда, лишний раз доказывая, что у настоящего художника “каждое лыко — в строку”.

“P.S. Через несколько лет, оказавшись в Голодной степи, Сухов ещё раз встретил «свой гарем». Освобожденные им женщины остались неразлучными. Дружной бригадой цементниц трудились они на строительстве канала.”

В постскриптуме — знамение воплощения надежд будущего. Давно известно, что все межнациональные кровавые разборки (в том числе и периода развала СССР и перестройки) — дело рук национальных “элит”, которые бездумно реализуют древний библейский алгоритм: “Разделяй и властвуй!”. Простым труженикам всех национальностей делить нечего, ибо они действительно цементируют будущее. Но в постскриптуме киноповести женщины

работают “цементницами на строительстве канала”. Каналы — рукотворные сооружения, по которым в нужном человеку направлении для решения определённых целей (улучшения судоходства, орошения полей, подверженных засухе, осушения заболоченной местности) течёт вода. Вода — символ информации. Концепция Общественной Безопасности, альтернативная библейской концепции концентрации производительных сил в своём названии имеет слово “вода”. Кроме того, цемент в сочетании с водой превращает в монолит песок пустыни, доселе развеваемый ветрами; канал же способен принести цветение жизни туда, где раньше царила пустыня:

Там, где с землёю обгорелой
Слился, как дым небесный свод,
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живёт.

Под раскалёнными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.

То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснувшей земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход.

Ф.И.Тютчев, “Безумие”

Отсюда — глубокая символичность завершающих строк киноповести “Белое солнце пустыни”. После того, как лексически выражен второй смысловой ряд “Белого солнца пустыни”, злобному

библейскому алгоритму придана определённая мера и эта мера соотносится с общевселенской мерой. Бог не вмешивается в дела людские, поскольку человеку Свыше дана свобода воли, но Бог, как иерархически Высшее Всё объемлющее управление, даёт объективную оценку качества управления по определённой субъективной концепции. Бог — Язычник и оценку качества управления Он всегда давал и дальше будет давать языком жизненных обстоятельств, создаваемых людьми в пределах Божьего попущения. И каждый сможет, если конечно пожелает, узнать объективную оценку качества управления по избранному им алгоритму благодаря языку Бога Живого, на котором Тот всегда говорит с людьми (да не всегда люди его слышат). В терминах Достаточно общей теории управления язык Бога Живого становится понятен земному разуму через явление положительных и отрицательных обратных связей. В результате в системе, алгоритм управления которой входит в противоречие с Божьим Промыслом — общевселенской мерой, активизируются положительные обратные связи и система идёт в “разнос”, что проявляется в росте всевозможных катастрофических явлений. И наоборот, в системе, алгоритм управления которой работает в согласии с общевселенской мерой, возникают устойчивые отрицательные обратные связи и управление входит в устойчивый по предсказуемости балансировочный режим.

3 января 1998 г. — 3 декабря 2000 г.

Послесловие

Конечно, можно сказать, что всё изложенное выше — бред сивой кобылы, всё притянуто за уши и т.п. Но всё же и такая оценка не освобождает от необходимости дать ответ на вопрос:

Для чего, с какой целью В.Ежов и Р.Ибрагимбеков назвали некий город Педжентом, если «**ПЕДЖЕНТ**» (англ. pagent, от лат. pagina — пластина, плита) — передвижная сцена в средневековом театре, применявшаяся при постановке мистерий, а «мистерия» в переводе с греческого — тайна?

* * *

Если же вы не желаете задаться подобными вопросами, сталкиваясь с теми или иными произведениями искусства, то вам полезно узнать, как с вами намереваются управиться большие специалисты по манипулированию обществами и индивидами. В конце октября 2000 года в Москве, в рамках Федеральной программы мероприятий по встрече третьего тысячелетия состоялся международный симпозиум «Рефлексивное управление». Мы приводим фрагменты выступления одного из основоположников этого направления Владимира Лефевра:

«Рефлексивное управление — это информационное воздействие на объекты, для описания которых необходимо употреблять такие понятия, как сознание и воля. Такими объектами являются отдельные люди и объединения людей: семья, группа, страна, нация, общество, цивилизация. Термин «рефлексивное управление» может пониматься в двух смыслах. *Во-первых*, как искусство манипуляции людьми и объединениями людей. *Во-вторых,* как специфический метод социального контроля.

Как вид искусства рефлексивное управление имеет тысячелетнюю историю. Наиболее ярко оно проявило себя в военном деле. Можно привести огромное количество примеров, когда информационное воздействие на противника позволяло выиграть сражение малыми силами.

Как метод социального контроля рефлексивное управление появилось лишь вначале 60-х годов, в период когда начала формироваться ***концепция информационной войны***.

Специфика этого метода заключается в том, что генерация информационных воздействий опирается не столько на естественную человеческую интуицию, сколько на особую модель управляемого субъекта. Следует иметь ввиду, что рефлексивное управление не связано органически ни с ложью, ни с дезинформацией. Например, чтобы жители страны поверили в истинность необычного, но правдивого правительственного сообщения, оно должно быть специально подготовлено.

Успех рефлексивного управления в значительной мере зависит от качества той модели субъекта, которая используется при его поведении. (...) Дело в том, что модель субъекта должна отражать не только область его поведения, но также и его способность осознавать самого себя и других субъектов, включая и тех, которые пытаются установить контроль над его поведением, то есть модель должна быть рефлексивной. Традиционные модели таким качеством не обладали.

Первые реально работающие модели появились в конце 70-х годов. Их создание было активно поддержано военными и дипломатами. Однако экономисты встретили их достаточно холодно. Интерес военных и дипломатов стимулировался способностью рефлексивных моделей представлять сложные военно-политические коллизии, ранее находившиеся вне сферы научного рассмотрения. Реакции экономистов требуют специального пояснения.

В основе экономических моделей (экономических моделей запада: наше пояснение), лежит представление о человеке как о рациональном существе, стремящемся максимизировать свою выгоду. Такой взгляд на человека уходит своими корнями в политическую экономию XVIII века (политическую экономию, выросшую из библейской культуры: наше пояснение). Рефлексивные модели внесли в научное представление о человеке новое измерение, связанное с такими катего-

риями как мораль, совесть и чувство справедливости (в других культурах, отличных от библейской, эти категории всегда были связаны с понятием — человек: наше пояснение). Они позволяют отражать ситуации, в которых люди не только стремятся получить материальный доход, но имеют и неутилитарные цели, совершают жертвенные поступки, стремятся выглядеть достойно и в своих собственных глазах, и в глазах других людей (но все-таки сначала в собственных глазах: наше замечание).

Чтобы проиллюстрировать, как чувство собственного достоинства может влиять на макроэкономические характеристики социальной системы, рассмотрим пример. Представим себе широкую дорогу, по которой идут машины. Естественно считать, что каждый водитель стремится побыстрее достичь пункта, в который он направляется. Также естественно предположить, что двигаясь, водители мешают друг другу и потому вступают в постоянные конфликты. Представим себе теперь, что есть две дороги. Водители на первой дороге поднимаются в собственных глазах и в глазах других водителей, если уступают дорогу друг другу (в предположении, что все ездят на “Мерседесах” или, по крайней мере, на машинах равной мощности. Посмотреть бы как всё это будет выглядеть при конкуренции “Мерседесов” и “запорожцев”: наше замечание). А водители машин на второй дороге теряют своё лицо, когда уступают. Ясно, что скорость движения на первой дороге будет выше, чем на второй (совсем неясно: простая ситуация на перекрёстке, когда все водители уступают друг другу дорогу, позабыв о правилах движения, и движение останавливается совсем наше замечание). Попытка большого числа водителей сохранить своё индивидуальное достоинство (за счёт подавления достоинства других водителей) оказывают существенное влияние на весь макропроцесс. Они порождают турбулентность в потоке машин, которая и вызывает замедление движения.

Мы видим, что такой, казалось бы, далёкий от схем традиционной экономики фактор, как стремление сохранить достоинство, может приводить к серьёзным

макроэффектам. На первый взгляд кажется, что решить проблему достаточно просто: нужно увеличить число полицейских и строго наказывать водителей, вступающих в конфликты (в конфликты вступают, как правило, две стороны, причём зачинщика конфликта далеко не всегда удаётся установить: наше замечание). Они перестанут конфликтовать, но скорость движения может упасть еще больше, ибо возникает массовая моральная депрессия.

В начале 80-х годов было показано (кем и где?), что могут существовать культуры двух типов. В культуре первого типа достоинство людей возрастает, когда они устанавливают отношения компромисса друг с другом, а в культурах второго типа, когда они бескомпромиссны друг к другу (сохранен стиль автора статьи). В силу таких особенностей в культурах первого типа легко возникает процедура саморазрешения конфликтов, в то время как в культурах второго типа такая процедура сама по себе не появляется. Эти идеи были подробно изложены в моей книге «Алгебра совести», вышедшей в 1982 году. Кроме того, в этой же книге показано, что официальная культура Советского Союза (а что Лефевр знает о неофициальной культуре, через которую проявляется объективный и потенциальный вектор целей управления, скрываемый официальной культурой: наше замечание) принадлежала ко второму типу, что приводит к отсутствию процедуры саморазрешения конфликтов: они либо заканчиваются победой одной из сторон, либо ликвидируются вышестоящей инстанцией. *(Интересно будет посмотреть, как в свете высказанных здесь постулатов “рефлексивного управления”, придут к компромиссу Гор и Буш, получившие примерно равные шансы стать президентами Соединённых Штатов, которые Лефевр безусловно считает приверженными к первому типу культуры. Что-то в сложившейся ситуации не просматривается “процедуры саморазрешения конфликта”, который похоже по всем признакам “либо закончится победой одной из сторон, либо ликвидируется вышестоящей инстанцией — Глобальным Предиктором, — если он конечно не им же и спрово-*

цирован. Но в этом случае “официальная культура” США безусловно, по определению Лефевра, принадлежит к культуре второго типа. И такую дурь обсуждают на Международном симпозиуме.) Этот факт представляется мне исключительно важным, поскольку он позволял предсказать характер трудностей, с которыми должно было столкнуться советское общество при попытках перехода к рыночной экономике и резкой демократизации.

Что представляет собой рынок с социально-психологической точки зрения? Это огромное множество конфликтов, каждый из которых, разрешаясь, превращается в сделку. Система могла начать успешно работать лишь при условии, что участники способны уступать друг другу, сохраняя при этом своё индивидуальное достоинство (уступают равные стороны, входящие в сделку, а какое может быть равенство сторон между мужиком, собравшимся фермерствовать, и ростовщиком Гусинским: наше замечание). Если же индивидуальное достоинство при уступке только падает, то рынок сам собой заработать не мог. Каков же был выход? В глобальном плане он мог бы состоять в массированном рефлексивном управлении, внедряющем принципы взаимного сотрудничества, по крайней мере на экономической арене (вот они и сотрудничают: мужик и гусинские).

При современных возможностях систем массовой коммуникации это — реалистическая задача. Целью такого управления должно было стать повышение самоуважения (повышение самоуважения, а не качество управления! — наше замечание) участников конфликта в случае его разрешения, а не в случае его провала. Такое управление могло проводить только государство, взяв на себя как функции гаранта частной собственности, так и функции стимулятора чувства собственного достоинства у миллионов людей, вышедших на экономическую арену (как гладиаторы, что ли? — наше замечание).

Но этого не произошло. (Наконец-то нашли виновных в провале реформ в России — гарвардские мальчики: наше пояснение). Группа гарвардских специали-

стов, приглашенных для разработки российских экономических реформ, основывала свои рекомендации на идеях традиционной макроэконмики (для клерков или для хозяев? — наш вопрос), в фундаменте которой лежит модель рационального субъекта. В соответствии с такими взглядами, государство должно полностью устранить своё влияние на функционирование экономической системы (притвориться, что его нет: «опасный маневр»: наш комментарий). Это и было осуществлено. Как и следовало из рефлексивных моделей, субъекты, появившиеся на экономической арене, оказались неспособными разрешить возникающие конфликты. И сразу же нашлась сила, начавшая выполнять функции «высшей инстанции», — ею оказался преступный мир *(в США его конечно нет, или наоборот — вся “демократическая” система США изначально преступна, представляя собой глобальный рэкет через печатание ничем не обеспеченных долларов. Игнорируя стандарт энергообеспеченности валюты, Федеральная Резервная система США под прикрытием государственности международного паразита, обирает все народы мира, в том числе и Россию, обеспечивая своей зажравшейся толпе вполне приличное, по современным меркам, существование. Наш рэкет — всего лишь жалкий ученик рэкетира глобального уровня значимости: наш комментарий)*.

Представители криминальных структур стали выполнять функции арбитров в массовых экономических конфликтах, заполнив вакуум, образовавшийся после ухода государства. Государство в результате утратило монополию на сбор налогов, а люди стали чувствовать себя глубоко униженными; началась массовая моральная депрессия. Нельзя исключить, что именно в этой депрессии кроется причина демографического кризиса.

Одна из уникальных особенностей российских экономических реформ состоит в том, что в социально-экономических трансформациях планетарного масштаба впервые приняли участие учёные (толку-то от них! — наш комментарий) Предварительные итоги этого участия показывают, что традиционные макроэко-

номические модели, в основе которых лежит представление о человеке как о чисто рациональном существе, являются явно недостаточными (какое открытие! — наш комментарий).

Они не позволяют нам понять глубокие причины конфликтов, раздирающих сегодняшний мир. Эти конфликты носят в большей степени моральный, чем экономический характер (еще одно открытие западной мысли! — наш комментарий).

Процесс глобализации затронул чувство собственного достоинства миллионов людей из различных государств и социальных групп (до этого такие, как Лефевр, считали, что чувство собственного достоинства есть только у них и им подобных учёных-жидов: наш комментарий). Чтобы хотя бы приближённо представить себе, что ждёт нас в будущем, нам необходимо научиться создавать модели, в которых моральное измерение человека (заговорил о нравственных мерилах и тестировании на предмет удовлетворения нравственным стандартам, задаваемым специалистами от искусства «рефлексивного управления»? — наш вопрос) было бы представлено в ясных научных терминах».

Осталось только перевести это на удобопонимаемый русский язык. Для понимания того, что высказал В.Лефевр, следует знать как понимается термин «рефлексия» и однокореннные с ним в современной науке.

“Философский словарь” под ред. Академика И.Т.Фролова определяет его так:

«РЕФЛЕКСИЯ (лат. reflexio — обращение назад). Термин, означающий отражение, а также исследование познавательного акта. В различных философских системах он имел разное значение. Локк считал Р. источником особого знания, когда наблюдение направляется на внутренние действия сознания, тогда как ощущение имеет своим предметом внешние вещи. Для Лейбинца Р. не что иное, как внимание к тому, что в нас происходит. По Юму, идеи — это Р. над впечатлениями, полученными извне. Для Гегеля Р. — взаимное отображение одного в др., напр. в сущности — явле-

ния. Термин «рефлексировать» означает обращать сознание на самого себя, размышлять над своим психическим состоянием».

Полезно вспомнить, что и в биологии есть понятие «рефлекс», как реакция организма на внешнее воздействие. Рефлексы разделяются на безусловные — врожденные, и условные — сформированные средой. Рефлексы у человека — бессознательные автоматизмы поведения, а не выражение осознанной целеустремлённой воли человека. Т.е. за «рефлексивным управлением» стоит программирование психики на основе выявления её компонент и моделирования их взаимодействия. Оно уместно в обществе “зомби”, управляемых демонами, а не в обществе людей.

Всё выступление В.Лефевра по существу признание того, что в западной цивилизации наиболее распространенным типом строя психики является хорошо запрограммированный зомби. В России реформы не пошли, потому что здесь преобладают иные типы строя психики. Вследствие этого у науки библейской цивилизации и возникла необходимость понять, что такое нравственность, и как она определяет алгоритмику всей психической индивидуальной и коллективной деятельности людей при разных типах строя психики. Это необходимо им для того, чтобы зомбировать население России на общезападный манер. К иному они стремиться не могут, потому, что таковы обусловленные Библией рефлексы западных специалистов по «рефлексивному управлению»: мы — Русская цивилизация — понимаем в том, что они называют «рефлексивным управлением» больше и детальнее чем они, чему свидетельством создание киноповести “Белое солнце пустыни”, одноимённого фильма и выявление второго смыслового ряда иносказаний в этих художественных произведениях.

Так это видится с позиций “Достаточно общей теории управления” в её приложении к решению тех же проблем, которыми обеспокоены организаторы и участники конференции «Рефлексивное управление». Но в отличие от них, мы — Русская цивилизация — уже решаем проблемы внутренней и внешней конфликтности жизни общества не на основе всеоб-

щего “правильного” зомбирования, а на основе перехода к господству человечного типа строя психики.

30 ноября — 5 декабря 2000 г.